

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Ивановский государственный университет»

На правах рукописи

Меерсон Айзек-Лейб Соломонович

«Формирование информационно-психологической устойчивости к
социокультурным угрозам у студентов вуза»

Специальность: 5.3.4. Педагогическая психология,
психодиагностика цифровых образовательных сред
(психологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, доцент
Кисляков Павел Александрович

Иваново
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ К СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ УГРОЗАМ У СТУДЕНТОВ ВУЗА.....	17
1.1. Социокультурные угрозы, обусловленные цифровой трансформацией общества, как общенаучная проблема.....	17
1.2. Основные подходы к пониманию содержания психологической устойчивости личности.....	39
1.3. Информационно-психологическая устойчивость к социокультурным угрозам как условие личностно-профессионального становления студентов вуза.....	49
Выводы по первой главе.....	59
Глава 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МОДЕЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ К СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ УГРОЗАМ СТУДЕНТОВ ВУЗА.....	62
2.1. Восприятие студенческой молодежью социокультурных угроз цифровой трансформации общества.....	62
2.2. Психологические детерминанты и механизмы развития информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам	68
2.3. Разработка и обоснование методики исследования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам студентов вуза.....	78
Выводы по второй главе.....	85

Глава 3. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ К СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ УГРОЗАМ У СТУДЕНТОВ ВУЗА.....	87
3.1. Методологическое обоснование программы формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза.....	87
3.2. Программа и технологии формирования информационно- психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза.....	109
3.3. Оценка эффективности программы формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза.....	123
Выводы по третьей главе.....	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	140
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	144
Приложение А. Батарея методик диагностики информационно- психологической устойчивости к социокультурным угрозам.....	178
Приложение Б. Опросник «Устойчивость личности к социокультурным угрозам».....	183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. По мере того, как происходит обострение проблем социального характера, все более значимое место в научном дискурсе занимает тема, связанная с психологической безопасностью человека, а также с его устойчивостью к появляющимся рискам и угрозам. Проблемы, связанные с адаптацией человека к социальной среде, которая зачастую меняется не только в конструктивном направлении, с сохранением устойчивости личности и целостности «Я» являются важнейшими для психологии.

Широкое внедрение всевозможных видов массовой информации, технологий цифрового и коммуникационного типа сказывается на формировании информационного общества в целом и интеллектуальном, эмоциональном и нравственном развитии детей и молодежи, в частности (П. А. Кисляков, Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик). Из-за своей психологической неустойчивости и социальной незрелости молодежь является более подверженной социокультурным изменениям деструктивного характера, которые обусловлены развитием цифровой среды. Социокультурные угрозы связаны с появлением социальных конфликтов, искаженными представлениями о пассионарности и социальной активности людей, неопределенностью в направлениях и целях общественного развития. Устойчивость человека в информационно-психологическом контексте показывает его способность к сопротивляемости и адаптивности к воздействиям психотравмирующего типа (И. А. Баева, А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко, Т. М. Краснянская). Изучение факторов и механизмов информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам на сегодняшний день является актуальным. Значимость данных проблем отмечается в Стратегии научно-технологического развития РФ (утв. Указом Президента РФ № 642 от 01.12.2016 г.), в которой в числе приоритетных прикладных задач выделяется

«противодействие социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства».

Программа фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (утв. Распоряжением Правительства РФ № 3684-р от 31.12.2020 г.) в числе приоритетных направлений выделяет «макропсихологическое исследование состояния общества в условиях глобальной нестабильности; разработки, направленные на снижение подверженности личности и группы манипуляциям в условиях информационных войн и киберопераций; исследование культурной идентичности гражданина Российской Федерации в цифровом пространстве и аксиологии общения в цифровой информационно-коммуникационной среде; поиск научных оснований развития системы воспитания в информационном обществе». Интеграция данных направлений актуализирует необходимость разработки научно обоснованных программ формирования информационно-психологической устойчивости студентов вуза к социокультурным угрозам. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования к универсальным компетенциям выпускника относят компетенцию поиска, критического анализа и синтеза информации на основе критического и системного мышления, что будет способствовать обеспечению информационной безопасности на когнитивном уровне.

Многочисленные исследования (В. С. Агапов, И. А. Баева, Ю. П. Зинченко, А. И. Донцов, О. Ю. Зотова, Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец, В. В. Рубцов, В. И. Панов и др.) показали, что наиболее перспективным с точки зрения обеспечения психологической безопасности представляется «субъектное» направление, согласно которому человек является не только объектом воздействия, но и субъектом, взаимодействующим с социальной средой в процессе обучения. В связи с этим перед образовательными учреждениями стоит задача обеспечения информационно-психологической

безопасности детей и молодежи, включая формирование навыков безопасного информационного поведения и взаимодействия в цифровой среде, в том числе за счет формирования психологической устойчивости к социокультурным угрозам. Безопасное информационное поведение студента играет важную роль в его социализации, личностно-профессиональном развитии и самореализации.

В литературе сложились определенные предпосылки рассмотрения отдельных аспектов информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам в системе психологического, педагогического, социологического знания. Психологические исследования раскрывают устойчивость как многомерное и многоаспектное явление при описании личности, психических свойств и процессов, состояний, способностей и поведения. Выявлены закономерности и механизмы формирования психологической устойчивости индивида (Л. И. Божович, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн и др.), особенности проявления эмоциональной (Л. М. Аболин, В. И. Долгова, Г. Ю. Гольева, В. Г. Пичугин и др.), когнитивной (М. Ю. Захаров, З. И. Гадаборшева, Е. И. Зыкина и др.), морально-нравственной устойчивости (В. М. Литвишков и А. В. Вилкова; И. П. Павлова, Е. М. Гамова, Т. В. Кононенко и др.).

Рассмотрению факторов риска, проблем защиты личности от негативного информационного и манипулятивного воздействия, обеспечению информационно-психологической безопасности в современном обществе посвящены работы И. В. Андреева, А. А. Астаховой и Ю. А. Кошкарновой, Е. Г. Баранова, Е. Б. Богатовой, Р. В. Вольного, Г. В. Грачева, Е. Л. Доценко, Т. М. Краснянской и В. Г. Тыльца, С. В. Петрова и П. А. Кислякова, Т. А. Симаковой и С. Н. Сорокоумовой, В. М. Смирнова и А. С. Копового, В. И. Черненилова и др. В педагогической психологии проведены исследования по проблемам обеспечения и выявления детерминант информационно-психологической безопасности студентов различных вузов (Т. А. Басанова, А. В. Лящук, Т. А. Симакова). В педагогике

высшего образования накоплен опыт разработки и реализации программ психолого-педагогического сопровождения и профессиональной подготовки студенческой молодежи в области информационной безопасности (А. А. Ахметвалиева Ю. И. Богатырева, Н. А. Матвеев и др.).

Существенный интерес для изучения психологической устойчивости к социокультурным угрозам представляют исследования в области психологии безопасности (Ю. П. Зинченко, И. А. Баева, В. В. Рубцов, Ю. В. Варданян, Н. Л. Шлыкова, В. С. Агапов, Т. М. Краснянская, А. И. Донцов, О. Ю. Зотова, Г. Ю. Фоменко, Т. Н. Березина, А. В. Кокурин и др.); макропсихологического анализа социальных явлений (А. Л. Журавлев, Ю. П. Платонов, А. В. Юревич и др.), психологии транзитивного общества (К. А. Абульханова, М. И. Воловикова, Т. Д. Марцинковская, С. Н. Ярёмченко и др.); цифровой социализации детей и молодежи (Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, А. А. Нестерова, И. И. Толстикова, Л. П. Красноруцкий и др.); психологии и социологии социокультурной безопасности и социокультурных угроз в условиях цифровизации общества (А. Г. Асмолов, Ю. П. Зинченко, М. Е. Попов, В. В. Мальцева, А. А. Лисенкова, С. А. Кравченко, Т. В. Черниговская).

В то же время недостаточное внимание уделяется исследованию психологических детерминант и психолого-педагогических технологий формирования у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам. Данное обстоятельство обуславливает проблему исследования: каким образом сформировать информационно-психологическую устойчивость к социокультурным угрозам у студентов вуза, способствующую их психосоциальному благополучию, личностно-профессиональному развитию, позитивной социализации, а также предупреждению рисков социальной дезадаптации.

Цель исследования: обосновать структуру информационно-психологической устойчивости студента вуза к социокультурным угрозам и разработать психолого-педагогическую программу ее формирования.

Объект исследования: информационно-психологическая устойчивость студента вуза к социокультурным угрозам.

Предмет исследования: формирование информационно-психологической устойчивости личности студента к социокультурным угрозам на этапе обучения в вузе.

Основная гипотеза: формирование у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам связано с психологическими детерминантами и механизмами и осуществляется на основе развития личностных конструктов, нивелирующих социокультурные угрозы.

Частные гипотезы:

1. Существуют различия в восприятии студентами вузов социокультурных угроз изменений современного общества, позволяющие выделить риски цифровой среды.

2. Существует взаимосвязь между психологическими детерминантами информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам, позволяющая рассматривать ее как системную характеристику личности студента вуза.

3. Информационно-психологическая устойчивость к социокультурным угрозам формируется с помощью технологий проблемного и контекстного обучения, предполагающих личностно-профессиональное развитие студента вуза как активного, самостоятельного деятеля за счет выбора им предпочитаемого механизма информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам и развития личностных конструктов, нивелирующих социокультурные угрозы.

Задачи исследования:

1. Осуществить теоретико-методологический анализ предпосылок изучения проблемы информационно-психологической устойчивости студентов к социокультурным угрозам как условия их личностно-профессионального развития и социализации.

2. Эмпирически изучить восприятие студентами вузов социокультурных угроз цифровой трансформации общества.

3. Разработать диагностический инструментарий, позволяющий оценить информационно-психологическую устойчивость личности студента к социокультурным угрозам.

4. Выявить психологические детерминанты, ресурсы и механизмы развития информационно-психологической устойчивости личности студента к социокультурным угрозам.

5. Разработать и экспериментально проверить психолого-педагогическую программу формирования у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам.

6. Эмпирически выявить особенности развития у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам.

Теоретической основой исследования выступают:

– теория психологической устойчивости личности (Л. И. Божович, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн);

– теория психологической безопасности личности (И. А. Баева, А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова, П. А. Кисляков, Т. М. Краснянская, Е. Б. Перелыгина, Н. Е. Харламенкова);

– теория информационно-психологической безопасности личности (А. А. Гостев, Г. В. Грачев, Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец, П. А. Кисляков);

– положение о формировании критического мышления как фактора обеспечения информационно-психологической безопасности личности (Л. В. Астахова, Т. В. Харлампьева, Д. Халперн);

– положения теории цифровой социализации и информационного поведения молодежи (Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, А. А. Нестерова, И. И. Толстикова, Л. П. Красноруцкий);

– психологические (А. Г. Асмолов, Ю. П. Зинченко, Ю. В. Живаева, Т. В. Черниговская, А. В. Юревич) и социологические (А. А. Лисенкова,

И. С. Шаповалова, Е. Б. Шестопад, А. В. Селезнева) концепции социокультурных угроз личности и общества;

– положение о субъектности в процессе личностно-профессионального развития (К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, В. Д. Шадриков);

– положения о психологическом сопровождении субъектов образовательного процесса (И. А. Зимняя, Н. В. Кузьмина, В. А. Якунин).

Методологическую основу составили культурно-исторический, субъектно-деятельностный и риск-ресурсный подходы.

Для реализации поставленных задач использовался следующий комплекс **методов**: теоретические (понятийно-терминологический анализ, теоретический и сравнительный анализ научной литературы по проблеме исследования, метод теоретического моделирования); эмпирические (анкетирование, психодиагностическое тестирование, психолого-педагогический эксперимент, анализ образовательного процесса и результатов деятельности); методы обработки результатов исследования (качественный анализ, описательная статистика, критерий ранговой корреляции Спирмена, факторный анализ, регрессионный анализ, однофакторный дисперсионный анализ, t-критерий Стьюдента). Количественная обработка результатов исследования осуществлялась с применением статистического пакета SPSS 26.

В исследовании использовались следующие методики: «Шкала субъективного благополучия» (Perrudel-Badoux, Mendelsohn, Chiche, в адаптации М. В. Соколовой); «Определение социокультурной идентичности» (ОСКИ) (О. В. Крупенко, О. В. Фролова); «Опросник моральных оснований» (MFQ) (J. Haidt с соавт., в адаптации О. А. Сычева с соавт.); «Индекс самооценки навыков работы с информацией» (ИРИ) (Ю. Л. Войнилов, Д. В. Мальцева, Л. В. Шубина, в авторской модификации); «Шкала виртуальной аутизации» методики «Индекс социокультурной безопасности» (Э. Н. Гилемханова); «Устойчивость личности к социокультурным угрозам»

(П. А. Кисляков, А.-Л. С. Меерсон); «Оценка социокультурных угроз цифровой трансформации общества» (П. А. Кисляков, А.-Л. С. Меерсон).

Экспериментальная база исследования. На разных этапах эмпирического исследования приняло участие 1244 студента российских вузов (Иваново, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Санкт-Петербург, Ярославль) (23 % мужчины, 77 % женщины; возраст от 17 до 24 лет). Психолого-педагогический эксперимент был проведен на базе ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» (Шуйский филиал) и ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет». В эксперименте приняло участие 190 студентов (16 % мужчины, 84 % женщины; возраст от 17 до 20 лет).

Организация исследования. Исследование было проведено в 3 этапа и осуществлялось в период с 2020 по 2022 гг.:

– первый этап включал анализ и обобщение научных и нормативных источников по проблеме информационно-психологической и социокультурной безопасности, устойчивости личности к социокультурным угрозам;

– второй этап включал проведение эмпирического исследования восприятия студентами социокультурных угроз с выявлением психологических детерминант, ресурсов и механизмов развития информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам;

– третий этап включал проведение психолого-педагогического эксперимента по формированию у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам с помощью специально разработанной программы; оценку эффективности экспериментальной работы путем обработки результатов с помощью методов математической статистики и качественного анализа экспериментальных данных.

Научная новизна исследования.

1. Показано, что информационно-психологическая устойчивость к социокультурным угрозам является системной характеристикой личности студента, лежащей в основе способности сохранения психики от актуальных и прогнозируемых угроз в цифровом пространстве в условиях социокультурных изменений; способности ориентации в системе социальных норм, ценностей и принятием жизненной позиции, основанной на общественно одобряемых целях и традиционных ценностях; способности оптимального использования возможностей цифрового пространства для своего личностно-профессионального развития. Описаны структурно-содержательные характеристики данного личностного конструкта (эмоционально-волевая, ценностно-мотивационная, когнитивная, межличностная сферы).

2. На основе анализа оценок студентов установлено, что социокультурными угрозами изменений современного общества выступают этно-культурные, асоциальные и когнитивно-коммуникационные риски цифровой среды.

3. Выявлены психологические детерминанты информационно-психологической устойчивости студента к социокультурным угрозам: психосоциальное благополучие, социокультурная идентичность, безопасное информационное поведение, лояльность и уважение власти.

4. Описаны этапы формирования у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам в процессе личностно-профессионального становления и самореализации в цифровой среде на основе нивелирующих личностных ресурсов (историческое сознание, социальная толерантность, просоциальная направленность, критичность мышления) и психологических механизмов (самоидентификации, конформизма, психологической защиты).

4. Доказано, что формированию информационно-психологической устойчивости способствуют технологии проблемного и контекстного

обучения, предполагающие личностно-профессиональное развитие студента как активного, самостоятельного деятеля за счет выбора предпочитаемого механизма информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам (просоциальные медиапрактики и цифровое волонтерство, психологический тренинг снятия информационного стресса, медиапрактики развития критического мышления).

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем:

– сделаны теоретические обобщения, расширяющие представления о информационно-психологической устойчивости студента вуза к социокультурным угрозам как показателя личностно-профессионального развития;

– теоретически обоснована возможность применения риск-ресурсного, культурно-исторического и субъектно-деятельностного подходов к формированию информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов в период обучения в вузе;

– разработана технология формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов на основе психологических механизмов и личностных ресурсов, нивелирующих угрозы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что созданная программа диагностики и формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза, а также содержащиеся в исследовании выводы и эмпирические данные могут быть использованы в деятельности психологов, педагогов, специалистов по работе с молодежью в системе психологического сопровождения, учебной и воспитательной работы в вузе.

Полученные в исследовании результаты включены в содержание учебных дисциплин: «Психология развития», «Психология безопасности», «Социальная психология»; используются в системе вузовской подготовки и

повышения квалификации психологов, педагогов-психологов и специалистов по организации работы с молодежью.

Положения, выносимые на защиту:

1. Информационно-психологическая устойчивость к социокультурным угрозам представляет собой системную характеристику личности студента, лежащую в основе способности сохранения психики (эмоционально-волевой, ценностно-мотивационной, когнитивной, межличностной сфер) от актуальных и прогнозируемых угроз в цифровом пространстве в условиях социокультурных изменений; способности ориентации в системе социальных норм, ценностей и принятием жизненной позиции, основанной на общественно одобряемых целях и традиционных ценностях; способности оптимального использования возможностей цифрового пространства для своего личностно-профессионального развития.

2. Основными предпосылками формирования информационно-психологической устойчивости студентов вуза к социокультурным угрозам выступают осознаваемые ими социокультурные изменения современного общества, несущие в себе этно-культурные, асоциальные и когнитивно-коммуникационные риски цифровой среды.

3. Психологическими детерминантами информационно-психологической устойчивости студента к социокультурным угрозам выступают психосоциальное благополучие, социокультурная идентичность, безопасное информационное поведение, лояльность и уважение власти.

4. Формирование у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам осуществляется в процессе личностно-профессионального становления и самореализации в цифровой среде на основе нивелирующих личностных ресурсов: историческое сознание, социальная толерантность, просоциальная направленность, критичность мышления.

5. При разработке и реализации психолого-педагогической программы формирования у студентов вуза информационно-

психологической устойчивости к социокультурным угрозам необходимо использовать образовательные технологии, активизирующие психологические механизмы устойчивости к актуальным и потенциальным социокультурным угрозам – самоидентификации и социальной толерантности (vs алармизм, vs расизм), конформизма (социальной адаптации), психологической защиты (копинга). Субъектное направление предполагает личностно-профессиональное развитие студента как активного, самостоятельного деятеля за счет выбора предпочитаемого механизма информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные теоретические положения и практические рекомендации обсуждались и получили одобрение научно-педагогического сообщества на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: Москва (2021, 2022), Ярославль (2020, 2021, 2022), Рязань (2022), Ижевск (2022). Основные научные результаты диссертационного исследования представлены в личных докладах на профильных научных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Общение в эпоху конвергенции технологий» (Москва, 9-11 декабря 2021 г.), IV Всероссийский симпозиум с международным участием «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития» (Рязань, 7-8 апреля 2022 г.), Международная научно-практическая конференция «Трансмиссия культурного опыта и социальных практик в эпоху транзитивности» (Ижевск, 15-18 ноября 2022 г.).

Результаты работы использованы в Шуйском филиале Ивановского государственного университета, Российском государственном социальном университете при проведении лекционных, практических занятий для студентов, обучающихся по направлениям подготовки бакалавриата и магистратуры «Психология», «Конфликтология», «Педагогическое образование» и «Психолого-педагогическое образование», «Социальная работа», «Организация работы с молодежью». Теоретико-методические

основы диссертационного исследования разработаны и внедрены при реализации научных проектов: «Психологические факторы и механизмы формирования устойчивости личности к социокультурным угрозам в условиях цифровой трансформации общества» (грант Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, 2020-2021 гг.); «Молодежный медиаресурс: коммуникационные практики просоциальной активности» (грант РФФИ и ЭИСИ, 2021-2022 гг.); «Жизнестойкость в психологической безопасности специалистов социномического профиля» (грант РНФ – первый этап, 2022 г.).

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечивалась теоретическими и методологическими положениями, на которых был построен общий замысел исследования, применением комплекса взаимодополняющих методов, соответствующих поставленным исследовательским задачам, подтверждением гипотезы исследования его результатами и адекватным подбором методов статистической обработки результатов.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения, отраженные в диссертации, соответствуют паспорту научной специальности 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред: п. 1 «Психология обучающегося как субъекта образовательной среды на разных ступенях образования (дошкольного, школьного, вузовского, послевузовского, переподготовки), его личностное развитие»; п. 14. «Образовательный процесс как единство обучения и воспитания. Психологические закономерности, механизмы, особенности и условия эффективности воспитательного процесса».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и трех приложений. Текст диссертации представлен на 184 страницах, содержит 18 таблиц и 17 рисунков.

Глава 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ К СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ УГРОЗАМ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

1.1 Социокультурные угрозы, обусловленные цифровой трансформацией общества, как общенаучная проблема

Современная мировая геополитическая обстановка является напряженной. Этот факт влияет на поиск активов нематериального характера, которые дают возможность обеспечить безопасность национального характера [82]. Подобный конструкт – это информационно-психологическая устойчивость личности к социокультурным угрозам [82; 199; 209].

Социокультурные угрозы связаны с появлением конфликтов между этносами и конфессиями, представлениями, которые связаны с пассионарностью и активностью в процессе конструирования мира, ярким проявлением состояния неопределенности в целях и направлениях процесса общественного развития [130].

Изучение социокультурных угроз дает возможность получить ответ на вопрос, связанный со значимостью продуцируемых угроз, и то, на каком месте среди них расположена социокультурная среда в условиях, при которых происходит цифровая трансформация общества [82].

Результаты макропсихологического анализа состояния российского общества, проведенного А.В. Юревичем, показали, что негативные психологические характеристики современного российского общества явно преобладают над позитивными. Так, российскому обществу в наибольшей степени свойственны агрессивность, алчность, апатия, безыдейность, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, грубость, жестокость, ксенофобия, ложь, меркантильность, наглость, насилие, невоспитанность, пустословие, сквернословие, хамство, эгоизм. Из положительных социально-

психологических характеристик россиян наибольшие «потери» понесли альтруизм, бескорыстие, взаимопомощь, взаимопонимание, взаимоуважение, добросовестность, доброта, доверие, законопослушность, надежность, нравственность, патриотизм, порядочность, скромность, сочувствие [209]. Основное, что фиксируется исследователями – это слабость общественной солидарности. В данном состоянии сила правил и законов, которые регламентируют процессы, начинает ослабевать, процесс регуляции норм общественной жизни перестает восприниматься людьми в качестве законной силы. В таких ситуациях люди зачастую ощущают себя вне упорядоченной жизни, у них начинает проявляться эгоизм, происходит усиление склонностей, связанных с социальными девиациями. Нет общественной солидарности, что видно из диверсификации основных социальных представлений, которые конструируются группами, в результате возникновения новых политических и экономических реалий [209].

Чувства, которые являются исторически характерными для россиян (милосердие, сострадание к тем, кто нуждается) в настоящее время не распространены в обществе. Слишком большое количество негатива у большей части населения приводит к тому, что люди беспокоятся в основном о своих проблемах. Становятся более слабыми социальные связи, уменьшаются политические, общественные интересы. Нет солидарности с обществом, с людьми. Увеличивается чувство индивидуализма, начинается цениться автономия, не происходит процесс развития цены гражданского участия и идентичности в социуме [60]. Если социальная идентичность отсутствует, это приводит к тому, что люди перестают адекватно противостоять угрозам социокультурного формата [114].

Больше всего влиянию информационной среды подвергается духовная сфера, которая отличается деформациями и деструктивными изменениями, что выражаются в форме социального и психоэмоционального напряжения, искажения нравственности, норм общества, отсутствии адекватности установок и стереотипов в социуме, неправильной ориентации и ложных

ценностях. Все это отражается на процессах и состоянии в главных сферах жизни общества, к которым относится также политика и экономика [82].

Рассмотрим и обобщим ряд подходов к определению социокультурных угроз личности и обществу [89].

«Обращаясь к историческому анализу, Ю.Л. Троицкий [178], проведя нарративный анализ личного дневника Александра Бенуа, выделяет следующие маркеры социокультурных угроз, характерных для российского общества 1917-го года:

- «русская мысль», но не «русское государство» – уход от традиционных ценностей;
- рост насилия в обществе;
- «роковая иллюзия замещает реальность» – игнорирование объективных реалий;
- порабощение личных прав и свобод граждан» [89].

М.Е. Попов и В.В. Мальцева [142] считают, что важны следующие социальные интеграторы, которые способствуют сохранению социокультурной безопасности – общая история, ценности и традиции, религиозная веротерпимость, борьба с экстремизмом. Именно они приводят к единению общества. Авторы выделяют такую актуальную задачу социума – разработка положительной роли социальных интеграторов, увеличение силы их влияния, изучение, того какую негативную роль они выполняют, чтобы уменьшить ее воздействия на общество [89].

А.В. Юревичем [210] обосновывается актуальная потребность общества, связанная с возрождением нравственности для преодоления моральной деградации. Е.Б. Шестопад и А.В. Селезнева [199] видят современные социальные и культурные угрозы, которые заключаются в уменьшении моральных ценностей, широком распространении меркантилизма и индивидуализма, дефиците социальной справедливости, в

том, что нет образцов, согласно которым происходит служение обществу, а также моральных стандартов от элит.

А.В. Маяковой [127] указывается на гибридную форму «морально-нравственного кризиса» в виде социального и культурного риска, что оказывает значительное негативное влияние как на человека, так и на общество [86].

В качестве главной угрозы безопасности духовной сферы РФ в наше время А. В. Коршунов [98] указывает на культурный разлом, который все больше прогрессирует. При этом конструктивная часть соотечественников (солидаристская) ставит важные для общества цели на более значимую ступень, нежели свои личные. Что касается другой части – деструктивной, то она является индивидуалистской и сосредотачивается лишь на своей выгоде. Залог безопасности духовной сферы РФ видится автором в успешном внедрении в социум молодого поколения, в передаче ценностей, что выполняется методом усиления трансляционных культурных путей [89].

Л. А. Звездин указывает, что ухудшение культурного и исторического самосознания народа РФ может привести к глобальному изменению основ мировоззрения. А ухудшение восприятия смыслов в истории этого уровня может привести к распаду образования в культуре и истории российской цивилизации [66, С. 154].

Социальные и культурные угрозы в ряде случаев приводят к тому, что человек совершает деструктивные, асоциальные действия. К примеру, Н. Н. Телепова [174] к списку аддиктивных факторов, которые провоцируют психологическую зависимость, неустойчивость студента относит:

- влияния на физиологическую, психологическую, социальную и духовную сферы личности;
- плохое влияние на человека круга лиц, которые значимы для нее;
- отсутствие главных личностных конструктов;
- зависимое поведение;

– экзистенциальная пустота, под которой подразумевается потеря осмысленности жизни [89].

Попытки, которые связаны с защитой человека и общества в целом от ряда негативных информационных и идеологических воздействий, осуществляются в общегосударственном формате. С 1990-х годов происходит разработка и реализация следующих стратегических и доктринальных документов: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Стратегия государственной молодежной политики в РФ, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепция внешней политики Российской Федерации, Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, Концепция развития дополнительного образования детей, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепция информационной безопасности детей, Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества и пр.

В 1999 году группой Комитета Государственной Думы РФ по безопасности был внесен на рассмотрение законопроект «Об информационно-психологической безопасности», в котором к основным угрозам информационно-психологической безопасности отнесены: «причинение вреда здоровью человека; блокирование на неосознаваемом уровне свободы волеизъявления человека, искусственное привитие ему синдрома зависимости; утрата способности к политической, культурной, нравственной самоидентификации человека; манипуляция общественным сознанием; разрушение единого информационного и духовного пространства Российской Федерации, традиционных устоев общества и общественной

нравственности, а также нарушении иных жизненно важных интересов личности, общества и государства». Несмотря на то, что закон не был принят, значимость данной проблемы получила свое отражение в ряде других стратегических документов.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 г.) к числу национальных приоритетов относит «развитие безопасного информационного пространства, защиту российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия»; «защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти».

В Стратегии отмечаются следующие социокультурные угрозы:

– «насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности»;

– «традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций. Они оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации»;

– «информационно-психологические диверсии и "вестернизация" культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета. Участились попытки фальсификации российской

и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов, ослабления государствообразующего народа»;

– «подвергаются дискредитации традиционные для России конфессии, культура, русский язык как государственный язык Российской Федерации».

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г.) к числу информационных угроз государству и обществу относит следующие: «использование специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия на религиозной и этнической основе; информационное воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии».

Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 2976 от 25 декабря 2014 г.) к числу внутренних угроз безопасности государства относит «деятельность, связанную с информационным воздействием на население, особенно на молодых людей, которая ставит перед собой цель в форме подрыва духовных, исторических, патриотических традиций в сфере защиты Отечества».

Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 (утверждена Распоряжением Правительства РФ № 2403-р от 29 ноября 2014 г.) года указывает, что «процесс роста патриотизма и гражданственности молодых людей, идентичности российского гражданина даст возможность решить главные задачи, связанные с развитием общества. Сюда относится обеспечение безопасности государства РФ и общества, сбережение государственного суверенитета; преодоление мировоззренческого кризиса; возрождение уважения к семье, обществу и государству; наследию отечества, истории и культуры».

Стоит отметить, что данные документы приводят к актуализации ряда социальных и культурных угроз общества РФ: размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии, пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, снижение интеллектуального и культурного уровня общества; искажение ценностных ориентиров, проявления асоциального поведения; деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации; атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежения к правам других; осуществление экстремистской деятельности под видом гуманитарной, культурной и псевдорелигиозной деятельности, в том числе со стороны иностранных организаций.

Одним из рисков является и недооценка потенциала культуры для гармонизации общественных отношений. Региональные диспропорции в доступе к услугам, в расходах на культуру, в инфраструктурном развитии также формируют риски для сохранения единства культурного пространства. Культура сохраняет огромный потенциал для формирования и укрепления гражданской идентичности, обеспечения единства российской нации, сохранения единства культурного и языкового пространства Российской Федерации.

Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры являются: сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны.

В ряде социологических исследований [154, 197, 199] в качестве социокультурных угроз указываются следующие:

- разрушение объектов истории и культуры;
- проявления, связанные с вандализмом, надругательством над памятниками истории; нелегальный снос памятников;
- лишение памяти истории в разных пластах населения;
- смена либо утрата традиций культуры, таких как обычаи, нормы, обряды, нравы, ритуалы;
- вероятность кризиса идентичности культуры в разных пластах населения;
- угроза, связанная с разрушением оснований культуры национальной, этнической и религиозной идентичности людей;
- разрушение нравственности и морали;
- дискриминация;
- появление объединений контркультурной направленности неформального типа и т.д. [89].

В описанных выше стратегических документах указывается, что на уменьшение социокультурных рисков будет влиять системная поддержка программ и проектов, направленных на формирование активной гражданской позиции молодых граждан, национально-государственной идентичности, воспитание уважения к представителям различных этносов, укрепление нравственных ценностей, профилактику экстремизма, взаимодействие с молодежными субкультурами и неформальными движениями и пр.

В современном обществе человек вынужден включаться в темп энергетических, социальных, информационных, коммуникативных, когнитивных ускорений, что зачастую оказывает деструктивное влияние на процессы идентификации, социализации, адаптации. Адаптационные возможности психики ограничены, поэтому большие массы людей, не успевая изменяться и приспособливаться к меняющемуся социуму, оказываются в состоянии социальной дезадаптации, что приводит к массовой

невротизации, порождает тревогу и беспокойство, чувство одиночества и беспомощности в потенциально опасном мире. Феномен «общество риска» согласуется с феноменом «VUCA-мир» (изменчивый, неопределенный, сложный, неоднозначный) и пришедшие ему на смену «BANI-мир» (хрупкий, тревожный, нелинейный, непостижимый), в котором задачи прогнозирования трудно реализуемы.

Мы попали вообще в другой мир. Он текучий, прозрачный, нестабильный, сверхбыстрый, гибридный. ... Реальность рождает «новый вид» человека - „хомо конфузус“ или „человек в растерянности“. Этот „хомо конфузус“ еще даже не понял, где он находится. Еще не осознал, в какую опасность мы уже попали (Черниговская Т.В., 2022).

По мнению психологов, непредсказуемость событий и их последствий выступает причиной угроз психологической безопасности личности. Высокий уровень тревожности – выражение реальных и потенциальных угроз стабильности общества, показатель его ограниченных адаптационных ресурсов. Вместе с тем кризисные состояния общества не всегда приводят к психологическим угрозам. Новый психологический мир выступает средовым ресурсом развития толерантности к неопределенности, инновационному и креативному мышлению и пр., которые могут выступать ресурсами психологической безопасности и информационно-психологической устойчивости.

«Общество риска» в наше время (в терминологии Г. Бехманна [24]) проявляет социальные контуры, определяющие текущие поведенческие особенности человека, которые обусловлены его внедрением в структуры социума. Цифровой тип общественной трансформации указывает на наличие значительных социальных и культурных угроз, которые связаны с отсутствием устойчивости ценностной системы, а также общества РФ в целом. В результате это приводит к изменениям в социокультурной идентичности [89].

К проявлениям рисков информационного характера в текущее время, согласно мнению В.И. Пантина [139], С.Ю. Малкова и А.А. Максимова [123], можно отнести:

- кибертерроризм, отсутствие возможности, связанной с обеспечением безопасности данных;
- разные формы культурной агрессии, которая может привести к утрате сообществами национальной и культурной самобытности и идентичности;
- плохое влияние на человеческую психику в результате переизбытка информации, а также при потере разницы между виртуальностью и действительностью и т.д. [86].

Сегодня активно разрабатывается концепция техностресса, который относится к адаптивному заболеванию, вызванному неспособностью справляться с информационной интенсификацией [72, 240; 274]. Также исследователями описаны различные психосоматические и психоэмоциональные состояния, связанные с негативным воздействием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), среди которых: синдром информационной усталости (информационная перегрузка при использовании Интернета), техноаддикция (неконтролируемое принуждение к использованию ИКТ в любое время и во всех местах, в течение длительных периодов времени), технофобия (страх и беспокойство, вызванные использованием ИКТ). Особенно широкое распространение информационного стресса получило во время пандемии COVID-19, когда онлайн-коммуникация являлась единственным средством обучения, социального и профессионального взаимодействия [82, 231, 239].

Так, например, исследование, проведенное Р. Upadhyaya и у Vrinda, показало, что существует отрицательная связь между технострессом и способностью быть продуктивным в академической жизни [272]. Е. Degoy и у L.E. Luque рассматривают ИКТ как инструменты, способные вызвать патологическое желание, разочарование, риск изоляции и чрезмерного

использования, сопровождаемого социальными проблемами [226]. A. Sánchez-Macías с коллегами установили, что эффекты патологической зависимости от использования ИКТ являются причиной учебного стресса [265]. M. Tarafdar с коллегами [270] и E.Á. Zavala-Romero [278], обнаружили зависимость, между стрессом, вызванным когнитивной перегрузкой и утомлением из-за умственной концентрации, и интенсивностью постоянного использования ИКТ.

В процессе исследования социокультурного аспекта, связанного со становлением современной эпохи цифровых технологий, А.А. Лисенкова [114] указывает на некоторые аспекты, которые влияют на появление новых социокультурных вызовов. Сюда относится открытость данных, которая создает условия для возникновения возможностей, связанных с манипулированием; воздействие на привычки потребителя, которые влияют на перераспределение времени в областях, которые связаны с досугом; воздействие искусственного интеллекта и обучения машинного типа. Все это влияет на технологии и форматы обучения; возникновение сетевых мультиличностей, что приводит к изменению методов идентификации и социализации; уменьшение расстояния межкультурных связей; изменение языковых практик, что влияет на языковую культуру и изменение смыслов [86].

Фактором противостояния информационным угрозам может выступить психолингвистическая безопасность человека и общества в целом [67, 104, 213]. Объектом, связанным с обеспечением безопасности, является русский язык, который представлен как системообразующий фактор государства, который влияет на его целостность, идентификацию себя, создание, сохранение и процесс развития его ценностей духовного, нравственного, материального и социокультурного значения [82, С. 75].

Ю.П. Зинченко с соавторами говорит о позитивных сторонах цифровизации в разных общественных сферах, о его оптимизирующей роли для социальных, экономических институтов. Авторы уделяют особое

внимание вопросу, связанному с учётом и нивелированием социокультурных угроз. Если стараться повысить экономическое благосостояние при помощи цифрового метода, это может привести к изменениям в индивидуальной ориентированности личности разных аспектов, таких как культурное и нравственное самосознание, культурная и гражданская идентификация себя, утрата ценностей и традиций [70, С. 50].

Описывая регресс человека при активной цифровизации образования, А.А. Строков [167] отмечает, что погружение в цифровую сферу человека указывает на признаки конформности, когда начинает преобладать аудиовизуальный тип восприятия. При этом теряется склонность, связанная с систематизацией мировоззрения. Человек находится в шаблонном, стереотипном мышлении, обращая внимание по большому счету на личный комфорт. Подобная личность утрачивает конструктив и чувство патриотизма. Это приводит к появлению «замедленной бомбой» для общества [89].

Глобализация, которая транслируется также и методом цифровизации, особенно сильно влияет на молодых людей, на конструирование своей ими жизни. Ценности массовой культуры, которые ориентированы на индивидуализм и процесс потребления, начинают все больше распространяться по мере того, как увеличиваются глобализационные процессы. Происходит экстраполяция и на стратегии молодых людей в разных сферах жизни [7, 58]. Такие ценности являются многообразными и неоднозначными. Что касается дихотомий, то в них особое внимание занимает сила, а не справедливость; жизненные удовольствия, а не упорный труд [89].

На основе нашего анализа можно утверждать, что ряд авторов утверждают о глубоком влиянии на детей и молодых людей цифровых технологий и соцсетей. Еще в 1993 г. появилось предупреждение от N. Postman [262] о возможности разрушения важных истоков человечности, обусловленных резким ростом технологий. В результате этого появляется

культура, в основе которой нет морали, ухудшается ряд психических процессов и отношений в социуме [86].

Как утверждает Н. Jenkins [246], ряд технологических процессов привели к культурному сдвигу, который выражается в конвергенции, синергии, которая появляется между разными отраслями и практиками творческой сферы, что приводят к объединению кино, видеоигр, литературы и т.д. [86].

S. Palmer [260] рассматривает воздействие цифровых СМИ на детей в качестве фактора, который приводит к «токсичному детству». Как утверждается, данная технология приводит к тому, что дети начинают уходить в личный виртуальный мир. Есть такой японский термин, как «хикикомори». Так называют людей, отдаляющихся от человеческих взаимоотношений. Их общение между собой происходит только при помощи виртуальных и онлайн методов [86].

В результате этого, «одним из распространенных рисков, связанных с переносом общения в виртуальное пространства, является снижение эмпатии и социально интеллекта (способности понимать чувства и потребности других), выступающих ключевыми факторами формирования социальных связей» [27, С. 4].

Как видно из обзора исследований S. Dixon [227], риск применения цифровых медиа и Интернета актуален для молодых людей, которые могут быть либо технологически подкованными, либо слишком уязвимыми. S. Palmer [260] указывает на то, что разные технологии негативно влияют на грамотность молодых людей. Дело в том, что их ум становится очень поспешным, что приводит к поверхностному обучению. Такой же вывод бы сделан и в статьях N. Carr «Делает ли Google нас глупыми?» [221] и «Как Интернет меняет то, как мы думаем, читаем и запоминаем» [222]. Ссылаясь на исследования в области неврологии и психологии, автор указывает, что активность в Интернете уменьшает умение концентрироваться и созерцать [86].

Исследования, которые проводились в России, а также зарубежом [44, 172, 236] показывают, как слишком частое применение электронных ресурсов может угрожать обучению, вызывая у молодых людей чувство эгоизма, а также дефицит внимания. S. Greenfield [236] утверждает, что процесс игры приводит к слишком большому выработке дофамина. В итоге это может повлиять на утрату умения концентрировать внимание, к дисфункциональному типу поведения, к искажениям в восприятии [86].

Как было выявлено И.И. Толстиковой с соавторами [175], девиантное поведение так называемого «поколения Z», которое склонно к индивидуализму, проявляется в отсутствии разделения между реальной и виртуальной жизнью, в девиации в процессе интернет общения в формате хейта, троллинга, применения пиратского контента. Стоит отметить, что они не отрицают необходимость так называемой коллективистской культуры, которая проявляется во взаимопомощи и эмпатии, а также нравственных регуляторов во время общения. Для того, чтобы преодолеть девиацию «поколения Z», на которую влияют разные факторы, в том числе и цифровая среда, нужно приложить усилия, как в образовательной системе, так и в обществе в целом [86].

Таковыми авторами, как С. Seemiller и М. Grace, даются следующие характеристики «поколения Z»:

- слишком большие связи с цифровым миром;
- меньшая склонность к «бунту» и риску;
- на них сильно влияют ровесники и старшие;
- они озабочены всевозможными проблемами, часто тревожные;
- открытость и ответственность;
- стремление к достижениям и успеху;
- предприимчивость, изобретательность;
- отсутствие политического интереса;
- настрой на изменение общества;

- склонность к самостоятельному обучению;
- входят в разные социальные круги;
- либеральные в социальном смысле;
- умеренные в финансовом смысле, вплоть до консерватизма;
- применяют Youtube для процесса обучения;
- способны к коммуникации через изображения;
- боятся работать в той сфере, к которой не лежит душа;
- опасаются за безопасность в финансовом плане;
- кураторы личной идентичности [266, С. 124].

Исследование, которое проводилось Сбербанком вместе с агентством Validata, дало возможность выявить ряд важных фактов о «поколении Z»:

- в результате влияния соцсетей возникает переживание потока, в котором мгновенно все изменяется;
- нет пиетета к старшим, наблюдается свободное, равное общение с ними;
- нет навыков, связанных с жизненными проблемами и их решением;
- не любят одиночество, стремятся быть на связи;
- следуют советам онлайн-СМИ;
- не замечают тех моментов, которые объединяют их со сверстниками;
- часто тихо сопротивляются, вместо открытого бунта;
- для них важно удовольствие от жизни;
- они стремятся к саморазвитию;
- жаждут признания, похвалы за все действия, хотят быть популярными;
- боятся рутинной жизни, стремятся к спонтанности, ярким впечатлениям и переживаниям [192].

С.А. Кравченко [100], негативно отзываясь о цифровой трансформации общества, утверждает, что цифровой риск видится в процессе, связанном с

фрагментацией социума. В данном случае молодежь стремится убрать привязанность к определенному культурному контексту. Молодые люди желают по большому счету зависеть от себя, от итогов своих рисков. Что касается социальной цифровизации, то в этом процессе все больше растет создание и передача информации, в которой часто нет никаких культурных смыслов. Происходит качественное изменение представлений о том, что такое справедливость, счастье, понимание об их социокультурном смысле, который базируется на основных нормах и ценностях, а что касается жизненного успеха, то на него влияет процесс адаптации человека к цифровой среде [86].

Рассматривая регресс человека, который проявляется при все большем распространении цифровизации образовательной системы, А.А. Строков [167] утверждает, что при погружении в цифровое пространство, человек начинает проявлять конформность. Человек перестает систематизировать свое мировоззрение, находясь в шаблонном, стереотипном мышлении. Он все больше внимания уделяет личному комфорту. Теряются ориентиры на конструктив, чувство патриотизма [86].

Р.С. Шилко, Ю.П. Зинченко, Л.А. Шайгерова [69] говорят о рисках этнокультурной идентичности, которые связаны с глобализацией, плотным контактом культур, а также поли- и мультикультурализмом. Молодежь начинает искать свои культурные и этнические корни, указывая на важность исследования влияния тех или иных социокультурных условий на процесс оформления этнокультурной идентичности в цифровом обществе, а также на прогнозирование возможных рисков ее деформации [86, С. 160].

Как утверждает Л.П. Красноруцкий, текущее «цифровое поколение» отличается такими особенностями, связанными с ценностной ориентацией:

- наибольший плюс имеет сетевая (виртуальная) коммуникация;
- ценится свобода, самостоятельность, индивидуализм;

- большое внимание уделяется креативности в форме творчества при работе с интернет-продукцией;
- грамотность в информационном пространстве, которая заключается в скорости работы с информацией;
- пассивность в теме социальной субъектности, а также в участии в общественной деятельности;
- проявление иного отношения к жизни в форме поиска интересных и новых возможностей, зачастую в теме досуга [102, С. 17].

С.Л. Ивашевский вместе с коллегами [244] указывают на создание новой социокультурной парадигмы в процессе цифровой трансформации. В результате этого может случиться дегуманизация отношений между людьми в обществе, процесс роста индивидуализма и прагматизма.

М.Ю. Захаров и коллеги [66] обращают внимание на актуальность проблемы, связанной с когнитивной безопасностью в эпоху цифровых технологий. Указывается, что СМИ и медиа цифрового мира, представляя собой современный важный инструмент социализации, начинают предлагать в форме регуляторов поведения в социуме мифы и квази-мифы, хакерство, троллинг, флейм, запугивание и прочее, являясь социокультурными угрозами когнитивной безопасности человека.

С.А. Данилов и В.А. Ручин [52] указывают на возможные риски, связанные с цифровизацией, которые заключаются в происходящей недооценке социокультурного общественного потенциала, который имеет тесную связь с образованием и который может синергетически воссоздавать возможности. Для процедуры восстановления может потребоваться социальная свобода, позволяющая оформить иной вид рациональности [86].

Н.П. Исмаилова указывает на то, что «исследования по психологической и информационной безопасности еще раз доказывают сложность и неоднозначность проблем влияния виртуального общения на личностные характеристики, которые связаны как с новыми позитивными

возможностями, так и с негативными последствиями. Негативной стороной применения технологий информатизации в обучающем процессе без соответствующей культуры и сетевого этикета является ограничение речевой деятельности, значительное уменьшение реальных контактов, снижение уровня общения и развитие индивидуализма.

Для того чтобы минимизировать возможные риски, необходимо формировать специальные принципы сетевой этики. Сетевой этикет предполагает определенную ответственность каждого участника сетевого сообщества, который получает и представляет информацию в Интернете» [76, С. 61].

Анализируя риски, которые являются угрозой для иммунитета социума, Н.Х. Гафиатулина и ее коллеги [42] указали на процесс изменения реальности общественной, экономической, социальной и политической, на рискогенность и социальную неопределенность. Во время самоизоляции иммунитет социального плана у населения РФ снизился. Это говорит о том, что цифровизация разных жизненных аспектов человека стала невозможна. Это следует знать в случае диджитализации разных общественных жизненных сфер в дальнейшем.

Г.А. Малышева [124] говорит о том, что не следует проводить повсеместную цифровизацию, так как цифровая революция может попросту погубить российское общество. Автор указывает на то, что универсальный ключ процесса оцифровки и изменения массового сознания отличается огромным коррозионным потенциалом. Он может угрожать социальному и культурному пространству РФ. Важно согласиться с тем, что все страны мира должны создавать личную форму цифрового общества. В этом процессе следует учитывать свои традиции и этические нормы. А.И. Лукашем [118] связываются социальные и культурные угрозы процесса цифрового изменения общества с появлением межпоколенческого, а также аксиологического разрыва. Это приводит к деформации идентичности у молодых людей, народных ценностей и исторической памяти [86].

В процессе экономической и общественной цифровизации, не следует дискутировать только о вреде медиа и цифровой среды, а начинать обсуждение, связанное с положительными моментами цифровых технологий и возможностью управления социокультурными рисками [82].

Многие исследователи говорят о положительном влиянии цифровой среды, которая делает значительный вклад в процесс развития человека и позитивную социализацию. Как отмечают N. Öze и F. Soyer [259], социальные медиа и цифровизация, являясь методами массовой информации и коммуникации, дают много возможностей для создания социокультурной идентичности в работе неправительственных компаний благодаря применению социальных сетей. Если посмотреть с позиции цифровой медиаграмотности, знание интернет-рисков, их принятие – это факторы прогресса. Как говорит S. Dixon [227], те риски и возможности, которые появляются в результате цифрового изменения общества, являются взаимосвязанными. Это означает, что молодёжь развивает стойкость и адаптивность, обучаясь, сталкиваясь с ними [86].

Как видно из модели Т. Вурон, развитие устойчивости молодых людей к контенту с негативным содержанием, может тренироваться, благодаря предоставлению им шанса самим управлять рисками. Так цифровой мир может стать для них безопаснее. Кроме того, вместе с обучением их знаниям и умениям, которые нужны для безопасности и ответственности применения цифровых носителей, следует также увеличивать их право на взаимодействие с цифровым миром, а также их возможности. Э. Тоффлер, указывая на предположение С. Хантингтона, утверждает, что человечеству важно не просто привыкнуть к изменениям, но и сберечь ценностно-психологическое культурное ядро [177], устойчивость психики человека к социокультурным угрозам [86].

Значительное развитие и распространение в разных отраслях науки, таких как социология, педагогика, психология, антропология и философия получила проблематика, связанная с социализацией молодых людей

цифровой среде. С 2000-х годов процесс социализации индивидуума имеет место быть при цифровизации жизни [6; 105; 161]. Беря во внимание поведенческие и целевые показатели, исследователи проводят классификацию разных видов цифровой социализации человека [243; 267]. К примеру, такими авторами, как Р.М. Айсина и А.А. Нестерова [6] выделяется позитивная, негативная, а также условно позитивная негативная и условно негативная социализация в киберпространстве. Базируется типология на успешности как в настоящей жизни, так и в виртуальном пространстве. Сюда входят и способности, связанные с коммуникацией, саморегуляцией, резистентностью и сензитивностью к возможным сетевым угрозам.

Есть ряд феноменов, которые представляют риски для социализации в цифровом мире. Это «виртуальный попутчик», «ускользающая социальность», «незнакомый друг». Эти риски связаны с иллюзией знакомства, которая является характерной для соцсетей. В итоге появляется изоляция, уменьшается групповая идентичность [21, 161]. При цифровой социализации часто изменяются ценностные ориентации и само поведение в целом [82].

В качестве особенностей онлайн-коммуникации исследователи называют расширение социального капитала за счет взаимодействия с людьми из разных социальных, профессиональных, географических и языковых групп [161; 245; 268]. Вместе с тем, данные социальные связи являются, как правило, слабыми, искажают социальное доверие, привязанность и могут представлять психологическую угрозу [223; 255; 264; 273].

Контроль социокультурных угроз социализации молодежи, обусловленных динамикой цифровой среды, становится возможным при использовании трансдисциплинарного подхода, позволяющего напрямую подойти к прогнозированию ситуации, созданию условий для предотвращения конфликта социокультурных парадигм и нивелированию последствия негативных воздействия на национальное сознание [197]. Поиск

путей такого социально-психологического прогнозирования будет способствовать выполнению задачи, поставленной Президентом России перед научной общественностью: Нам необходимы механизмы реагирования не только на уже существующие опасности. Нужно научиться «смотреть за горизонт», оценивать характер угроз на 30-50 лет вперед...» [145].

Обозначенные проблемы являются действительно значимыми. Этот факт указывается в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № 642 от 01.12.2016 г.). Здесь в виде приоритетных задач прикладного характера в науке особое внимание уделяется противодействию терроризму, социокультурным угрозам, идеологическому экстремизму, киберугрозам, а также ряду других источников опасности для государства, экономики и общества. Программа фундаментальных научных исследований в РФ на длительный период (2021-2030 гг.) (утв. Распоряжением Правительства РФ №3684-р от 31.12.2020 г.) в числе главных течений выделяет такие направления:

- «макропсихологическое исследование состояния общества в условиях глобальной нестабильности;
- разработки, направленные на снижение подверженности личности и группы манипуляциям в условиях информационных войн и киберопераций;
- исследование культурной идентичности гражданина Российской Федерации в цифровом пространстве и аксиологии общения в цифровой информационно-коммуникационной среде;
- изучение закономерностей функционирования и развития психики человека в условиях радикальных технологических и социокультурных изменений;
- изучение психологических закономерностей развития современного ребенка в условиях цифрового общества;

- проблема социализации в информационном пространстве мультикультурного общества; формирование целостной картины факторов, определяющих различные варианты социализации детей и подростков;
- поиск научных оснований развития системы воспитания в информационном обществе;
- обеспечение информационной безопасности личности участников образовательных отношений и сохранения их физического и психического здоровья при формировании и развитии современной цифровой образовательной среды».

Внедрение указанных направлений является актуальным для выявления показателей, механизмов и факторов, связанных с развитием информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам при цифровой трансформации общества.

1.2 Основные подходы к пониманию содержания психологической устойчивости личности

В условиях обострения проблем социума, тема, связанная с личностной безопасностью и устойчивостью к рискам и угрозам, становится ведущей в научной литературе. Проблемы, связанные с адаптацией человека к социальной среде, которая зачастую меняется не только в конструктивном направлении, с сохранением устойчивости личности и целостности «Я» являются важнейшими для психологии [88].

Как указывает А.А. Смирнов, проблему, которая связана с противодействием негативным влияниям информационного и психологического характера, важно рассматриваться в целом в контексте, который связан с национальной безопасностью. Она определяется устойчивостью национального менталитета [160].

П.А. Кисляков отмечает, что безопасность человека связана с психологической сопротивляемостью, устойчивостью и защищенностью от опасностей, наносящих ущерб, прежде всего, жизни и здоровью, способностью противостоять факторам социального риска [85].

Проблема, связанная устойчивостью, в отечественной психологии была представлена в первый раз в 1966 году Л.И. Божович. Под этим термином автор подразумевала особый уровень сформированности человека, когда он может сохранять свои индивидуальные позиции в самых разных условиях. Также у него формируется иммунитет ко внешним воздействиям, таким как чуждые взгляды, установки и убеждения [28, С. 101]. В трудах С.Л. Рубинштейна [148], А.Н. Леонтьева [112], Б.Ф. Ломова [117] психологический тип устойчивости описывается и с позиции устойчивости человека в поведении, то, как происходит регуляция в отношениях с окружающей средой.

В зарубежных психологических теориях, посвященных исследованию устойчивости личности к неблагоприятным внешним воздействиям, используется термин “resilience” (гибкость, упругость, эластичность). В исследованиях российских психологов термин “resilience” представлен в нескольких вариантах: резилентность, устойчивость, жизнеспособность.

Эта проблема стала все больше развиваться в исследованиях, которые в полной мере раскрывают ее аспекты, такие как устойчивость на эмоциональном, нравственном, моральном уровне. Также сюда относится устойчивость поведенческих форм, в сложных напряженных условиях, то, насколько личность устойчива к аддиктивным факторам. Еще одна форма – социокультурная устойчивость.

Психологическая устойчивость рассматривается как равновесное подвижное состояние, которое сохраняется при помощи противодействия факторам внутри и снаружи, которые нарушают данное равновесие, а также в виде целенаправленного нарушения данного баланса, беря во внимание задачи, которые появляются в процессе взаимоотношений человека и среды

[63, 106]. В этом понятии содержатся вместе такие проявления, как устойчивость, уравновешенность, стабильность, соразмерность, сопротивляемость [144].

И.А. Баевой вместе с другими авторами [22] проанализировал ряд категорий устойчивости психики в контексте образовательной среды и ее психологической безопасности.

Как видно из исследований Л.М. Аболина [2], устойчивость определяется в качестве характеристики сферы эмоций (эмоциональная устойчивость) как системное личностное качество, которое человек приобретает в процессе жизни. Оно проявляется в форме единства ряда эмоциональных, волевых и интеллектуальных отношений, в которые происходит его вовлечение в процессе сложной деятельности, а также в форме результата цельной функциональной системы саморегуляции эмоциональной сферы деятельности, которая выполняется с напряжением [22]. Если человек является психологически устойчивым, он контролирует свои эмоции и применяет конструктивные поведенческие стратегии [137].

Как было установлено О.Б. Дарвиш, психологическая устойчивость выражается в умении тем или иным образом реагировать на влияния внешней среды, выработать избирательные отношения к влияниям извне, соотносить поступки и мнения людей, свои личные поступки с теми принципами и нормами, которым он следует. Планирование и реализация линии поведения выполняется в соответствии со всем этим [53, С. 12].

Психологическая устойчивость – это один из факторов целостной характеристики индивидуальности, а также главное условие психологической гигиены, процесса усиления здоровья психики [10, 22, 108, 153]. Существует несколько факторов, которые влияют на психологическую устойчивость человека. Среди них – доминирование тех или иных черт характера, баланс эмоциональной и волевой сферы, отсутствие адекватности в процессе отражения реальности, связанная с проблемами в сфере познания [22].

Как можно наблюдать из трудов Л.И. Адамян [5], в качестве отдельного пункта устойчивости психики человека выделяется саногенная рефлексия, главная задача которой состоит в различении патогенных стереотипов мышления, операций в работе ума, которые используются неадекватно ситуации [88].

Е.П. Крупник и Е.Н. Лебедева рассматривают устойчивость индивидуальности в форме подвижного равновесного психического состояния, что сохраняется при помощи противодействия факторам, которые нарушают это равновесие. Также низкая степень устойчивости психики часто характеризуется в качестве деструктивного состояния человеческой психики, когда он становится зависимым от других людей или от обстоятельств. Невысокая степень устойчивости психики – это причина невозможности преодоления человеком ситуации, когда он становится жертвой обстоятельств [106].

Цифровое изменение общества зачастую приводит к искажениям мировоззрения [204, 205]. Мировоззренческая или нравственная устойчивость – это совокупность идеалов, взглядов, принципов, норм и ценностей, которые определяют интеллектуальное и ценностно-эмоциональное человеческое отношение к окружению [122].

Нами проанализированы разные подходы к определению морально-нравственной и социальной устойчивости личности.

В.Э. Чудновский [193] указывая на проблему, связанную с нравственной устойчивости, дает определение устойчивости индивидуума в качестве умения отстаивать свои позиции и не быть подверженным влияниям, которые противоречат установкам личности; кроме того, сюда же относится и способность, связанная с реализацией индивидуальных позиций, изменяя поведение и обстоятельства. В первом варианте подразумевается оборонительный момент личностной устойчивости, а в другом – ее наступательный аспект [22].

В работе А.В. Сажина [151] говорится о том, что нравственная устойчивость – это психологическое образование, которое сложилось в результате определения самим человеком смысла традиционных нравственных ценностей и применения этих ценностей в процессе принятия решений, в основе которых находится интернальный локус моральной ответственности, альтруистическая направленность моральной поведенческой саморегуляции поведения, рефлексивный когнитивный стиль.

В.М. Литвишков и А.В. Вилкова [116], отмечают, что процесс формирования нравственной устойчивости сильно зависит от того, насколько сильно происходит процесс усвоения социально значимого опыта, который осуществляется во время самореализации индивида. Сюда относится его желание «осуществить и выполнить себя».

И.П. Павловой [136] нравственная устойчивость молодого поколения определяется через умение ориентироваться в системе ценностей, норм социума, принимать жизненную позицию, которая основана на целях, одобряемых в обществе [88].

Как видно из исследований М.В. Волковой, нравственная личностная устойчивость подростка проявляется в следующих моментах:

- 1) уважении к личному потенциалу;
- 2) ответственности, связанной с личным выбором, как главной социальной характеристики индивидуума;
- 3) установке в движении к успеху через преодоление неудач;
- 4) поликомпонентности структуры личности, интегративного характера связи, которая существует между рядом главных ее составляющих, таки как направленность, активность, ответственность и устойчивость;
- 5) в объединении в человеке индивидуального, социального и национального;
- 6) полиидентичности, которая указывает на развитие единства универсально-общечеловеческого, индивидуально-особенного, национально-типического;

7) адаптации на нескольких уровнях, в которую входят несколько уровней: личностный или индивидуальный, национальный или типологический, социальный или интересубъектный;

8) процессе идентификации, когда происходит соотношение ее разных качество и уровней с многомерностью человека [35].

В исследованиях М.М. Баландина [17] выделяется ряд компонентов статического и динамического характера, которые входят в совокупность показателей устойчивости психики старшеклассников. Это поведенческий самоконтроль; преобладание психоэмоционального состояния; тип реагирования на сильное напряжение психики, благодаря которой происходит преодоление сложных жизненных ситуаций, а также быстрая активизация скрытых человеческих ресурсов; верная оценка своего уровня здоровья; процесс развития моральных и нравственных качеств.

Как считает К.А. Шиняев [200], социальные и экономические изменения влияют в целом на образовательную систему, в результате чего появляются новые проблемы, которые связаны с требованием сохранения и поддержания устойчивости психики старшеклассников, а также развития адаптивности при полном сохранении личностной аутентичности. Устойчивость психики старшеклассника возможна благодаря высокому личному потенциалу. Этот показатель выражается в балансе, стабильности, адекватности, адаптивности и в желании достичь поставленные цели. Благодаря ним происходит волевая регуляция в процессе учебы и направленность на конструктивное взаимодействие [88].

Как видно из позиции Т.А. Кордон [96] устойчивость человека в социуме зависит от того, насколько он ответственно относится к принятым в социуме нормам и ценностям. Также на этот показатель проявляется в нетерпимости к негативным факторам, в самостоятельной организации и в регуляции своего поведения, а также в умении отстаивать личные убеждения и взгляды, в способности нести ответственность за них перед обществом, коллективом и самим собой.

Одним из направлений в таких разделах психологии, как клиническая психология и психология развития выступает исследование устойчивости психики индивида к разным аддикциям [41, 54, 157, 179, 194, 247, 251].

Е.М. Гамова [41] соединяет нравственную устойчивость молодых людей к деструктивности с нравственным отношением к работе над внутренне-неустойчивым состоянием, с влияниями внешних деструктивных факторов и эмоционально-волевой деятельностью, которая осуществляется в ситуациях, связанных с социальным риском.

Проводя исследование проблемы, связанной с подростковой морально-нравственной устойчивостью к различным идеологиям экстремистской направленности, М.А. Чуносков [194] утверждает, что в психолого-педагогической профилактике можно выделить несколько основных этапов. К этим этапам относится просвещение в сфере права; актуализация значимых в эмоциональном плане референтных лиц, а также значимых в социальном смысле явлений; создание негативного отношения к экстремизму; осознание последствий, которые должен будет взять на себя несовершеннолетний как на эмоциональном, так и на социальном и физиологическом уровнях; работа над умением предвидения последствий экстремистской деятельности в такой логике: правонарушение узнано – происходит вспоминание последствий – рассчитываются возможные эмоциональные, социальные и физиологические потери – выводы – решение [88].

Н.Н. Телепова [149] относит устойчивость психики к аддиктивным факторам к важнейшему личностному качеству. Она понимается ею, как умение личности принимать ответственные решения, которые касаются формирования концепции «Я», на основе направленности на общество, духовности и нравственности. Главными компонентами устойчивости психики к аддиктивным проявлениям являются: когнитивный, к которому относятся знания, мотивационно-поведенческий, а именно мотивация к достижению целей, к успеху, операциональный, при котором происходит определение, как правильно организовать свое жизненное пространство,

ценностно-смысловой, который ориентирует на высокие уровни идеалов в ценностно-смысловой и морально-нравственной сфере, а также рефлексивный, к которому относится осознание себя в качестве самоценного человека, обладающего уникальностью.

Устойчивость психики к аддикциям возможна благодаря индивидуальным конструктам, к которым относятся:

– умение верить в себя – осознание своей духовной сущности и личного предназначения;

– взаимодействие с людьми, к которым относятся установление позитивных социальных контактов и коммуникации;

– подотчётность, а именно умение слышать и выполнять анализ критических замечаний, которые направлены в свой адрес, а также менять свое поведение;

– наличие жизненных ориентиров, связанных со служением (сюда относится созидательная работа человека на гуманистическом, просоциальном и уровнях эсхатологическом) [149].

Е.В. Усенкова [179] работая над программой, связанной с формированием устойчивости нравственности молодых людей, склонных к аддиктивному поведению, утверждала о важности развития навыков и умений, связанных с коррекцией своего поведения, и дающих возможность работать над негативными гедонистическими стремлениями, а также иметь соответствие нравственным нормам в поведении, которые одобряются в социуме.

Как видно из работы А.В. Пегова [140], устойчивость человека к «технологическим зависимостям» можно описать ориентацией в ценностях и смыслах на самоактуализацию и развитие своей личности.

J. Oldfield и его коллеги [258] провели исследование среди молодёжи Гватемалы, которая относится к зоне риска опыта употребления наркотиков, действий противозаконного характера и т.д. В работе говорится, что рост мотивации к реализации себя и образованности – это главные факторы,

которые способны увеличить устойчивость индивидуума к аддиктивным влияниям.

В работах A.N. Hall и его коллегами [235], которые посвящены психологическому здоровью индивидуальности, указывается на важность моральной и психологической устойчивости. Авторы опираются на теорию моральных основ. Она описывает связи, которые возникают между уровнем адаптированности индивида к условиям внешней среды и согласованностью со своей моралью. Как утверждают авторы [238], индивид, который мало склонен к процессу адаптации, зачастую испытывает конфликты со своими взглядами, смыслами, убеждениями, что способствует её невротизации и психологическому неблагополучию.

Как видно из выводов K. Darvishzadeh и Z.D. Bozorgi [224], чем более высокие у старшеклассников ориентиры на морально-нравственные нормы, тем их устойчивость в жизни более высокая.

В контексте культурологического подхода, можно говорить о том, что социокультурная устойчивость отличается воспроизводством главных черт культуры общества, которая передается из поколения в поколение [183]. Подобная устойчивость представляет собой стабильность основных культурных конструкций, которые образуют систему, на основе которых происходит процесс активного обновления самых распространенных компонентов культуры, благодаря чему вся система поддерживается в относительно динамичном состоянии [23].

Рассматривая снова вопрос, связанный с устойчивостью психики при рисках глобального характера, стоит обратить внимание на исследования А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика [133], которое посвящено исследованию поведения человека в социуме, обусловленное отношением к природным и антропогенным рискам глобального уровня. Описывается три типа суждений, которые оказывают влияние на готовность человека противостоять разнообразным катаклизмам:

– суждения, которые имеют функцию защиты и блокируют участие в общих действиях сопротивления рискам и проблемам глобального уровня, увеличивая ориентацию на решения радикального порядка. Сюда относится убеждение в том, что общество несправедливо, неверие в социальные институты, убеждение в том, что судьба преопределена;

– суждения, которые имеют стабилизирующую функцию. Они увеличивают убеждение в том, что важно возвращаться к традиционным ценностям, а также к большей жесткости в контроле за гражданами, что может помочь предотвратить катастрофу. Сюда относится приверженность к религиозности, уважение к авторитетам, основное внимание, направленное на святость и чистоту в моральных оценках;

– суждения, которые имеют функцию преадаптации к возможным будущим угрозам в результате увеличения толерантности к неопределенности, совместная работа в сфере прогнозирования, а также предотвращения больших угроз. Они являются большими помощниками, благодаря которым уменьшается соблазн радикальных, упрощенных и популистских решений. Сюда относятся убеждения в возможности влиять на свое настоящее и будущее, внимание, обращенное на заботу и справедливость, вера в сложность социума, в том, что возможны разные решения одной ситуации, вера в справедливость.

О.В. Анохина в своей работе проводит оценку проявления социальных рисков в обществе, а также их влияние на адаптацию молодых людей в социально-культурном смысле. Автор указывает на то, что необходимо развитие социальной рефлексии [9].

Это означает, что адаптивность и изменчивость имеет такое же большое значение, как и устойчивость. Как видно из исследований Р.В. Агузумцян и Е.Б. Мурадян [4] психологическая устойчивость и процесс адаптации взаимосвязаны. Социальная адаптация, поведенческая и рациональная когнитивная стратегии, могут выступать эффективной стратегией поведения в экстремальных ситуациях. Адаптация – это ценное

личностное качество, которое необходимо при радикальных переменах в социуме. Изменчивость порой может рассматриваться в качестве положительного качества личности. Также следует обращать внимание на условие ее проявления при негативном воздействии информации и появлении ряда социокультурных угроз.

Таким образом, можно отметить, что психологическая устойчивость личности – это многомерный и сложный феномен, который раскрывается в разных контекстах, таких как социально-психологическое, морально-нравственное, когнитивное и системно-деятельностное развитие.

1.3 Информационно-психологическая устойчивость к социокультурным угрозам как условие личностно-профессионального становления студентов вуза

В последние годы исследователями наблюдаются разнообразные нарушения, связанные с процессами социокультурной идентификации молодых людей, которые уменьшают ее социальный и личностный потенциал. Неуверенность, жестокость, депрессии, эгоцентризм, зависимости, избыточная властность, уход от реальности, личностная дезинтеграция, кризис духовный и психосоциальный – все это является характеристиками, которые указывают на возможный кризис социокультурной идентичности. Также исследователи считают, что главная опасность как для человека, так и общества в целом, состоит в нехватке психологических ресурсов для возможности справляться с требованиями, темпами и характером изменений социальной действительности [82].

Социализация может повлиять на процесс формирования негативной социокультурной идентичности, а также к увеличению социального конформизма личности к разным деструктивным идеологиям, к которым относятся также экстремизм и терроризм. Молодые люди оказываются в

трудной ситуации, которая характеризуется повышенной опасностью, связанной с потерей ориентиров в жизни.

Молодые люди отличаются психологической неустойчивостью и социальной незрелостью, а потому они являются в большей мере подверженными влиянию разных негативных «идентификационных проектов». Интерес в самореализации может стать основой для экстремистской линии поведения. В основном тревога вызвана фактом вступления молодежи в террористические группировки и вовлечения молодых людей в деструктивные протестные акции и движения [82].

Это означает, что изучение механизмов и факторов устойчивости молодых людей к социокультурным угрозам является актуальным вопросом.

Вопросы, связанные с исследованием и формированием нравственной, психологической и моральной устойчивости у молодежи часто рассматриваются в педагогической психологии, а также в педагогике высшего образования.

Исследование Т.В. Кононенко [95] посвящено нравственной устойчивости студента педагогического вуза. Автор выделяет в данном конструкте следующие основные элементы:

– нравственная Я-позиция, включая «Я как ценность», «Я гражданин», «Я хранитель и создатель культуры», «Я профессионал»;

– устойчивость по отношению к мотивационным влияниям, которые побуждают к выходу за пределы нравственных позиций. Сюда относится сопротивление явлениям асоциального характера, устойчивость к аддиктивным формам поведения, противодействие нарушениям законов;

Психологическими показателями устойчивости нравственной сферы при этом выступают социальная адаптивность, критичность, гражданственность, самокритичность.

Т.А. Кордоном [96] раскрывается категория, связанная с социальной устойчивостью студентов – будущих педагогов. Сюда входит патриотизм, умение противостоять деструктивному влиянию, способность критически

оценивать поступки, принимать верные решения. Как отмечает автор, социальная устойчивость характеризуется ответственным отношением к нормам социума, его ценностям, а также нетерпимым отношением к негативным явлениям, самоорганизацией, регуляцией поведения, отстаиванием своих убеждений и взглядов, умением быть ответственным перед коллективом, обществом и самим собой.

В процессе работы над исследованием психологической устойчивости студентов, З.И. Гадаборшева [39] говорит о ведущей роли в развитии субъектности и в овладении навыками, связанными с саморегуляцией, в формировании данного психологического конструкта. Устойчивость студента определяется его умением быть саморегулируемым субъектом активности, который гибко реагирует на процессы изменений внешней и внутренней среды, который реализует уникальный метод организации личной жизнедеятельности, а также среды, в которой будет происходить развитие, чтобы обеспечить психологическое благополучие и самореализацию. Умение поддерживать психологическую устойчивость может обеспечиваться как способностью фиксировать внимание на решении текущих задач в настоящем, так и наличием значимых для личности целей в будущем.

В.М. Усков с коллегами [180] обосновывает важность развития психологической устойчивости у студентов учебных заведений пожарной службы за счет создания психолого-педагогических условий, связанных с обеспечением материально-технической базы, куда входит подготовка методических материалов и образовательных программ, а также проведение лекций и семинаров по определенной тематике. Авторы указывают на важность проведения профессионального отбора, чтобы отсеять лица, которые не имеют возможности сформировать такое качество.

В.Р. Кислов [80] в качестве модели формирования эмоционально-волевой устойчивости (включающей ценностные ориентации личности, эмоциональные характеристики, систему волевых качеств, морально

психологическую готовность) у курсантов военных ВУЗов, указывает на необходимость формирования знаний о эмоционально-волевой устойчивости у курсантов и осознание её важности в профессиональной деятельности посредством лекций и тренингов в системе учебно-воспитательной работы.

Е.И. Зыкина нравственную устойчивость студента в процессе освоения образовательных программ рассматривает как некое внутреннее качество, включающее различные структуры, которые в первую очередь проявляются в сознательном отношении индивидуума к принятым в социуме правилам и нормам. При этом должна быть выражена способность студента независимо выражать свои собственные суждения, а также сдерживать свое повседневное поведение в рамках существующих норм и законов [73].

Автором обоснованы следующие компоненты психологической устойчивости:

– когнитивный – заключается в знании и всестороннем понимании существующих нравственных ценностей, а также этических принципов;

– эмоционально-ценностный – определяет готовность индивидуума придерживаться и следовать во всем существующим в обществе нравственным ценностям

– деятельностный – сопротивляемость и невосприимчивость к отрицательным воздействиям [73].

R. Ganguly и H.N. Perera [232], осуществляя исследование психологической устойчивости студентов, определили следующие три основные типа устойчивости:

– устойчивость, которая непосредственно обусловлена заинтересованностью индивидуума в развитии;

– отсутствие устойчивости (нейстойчивость);

– устойчивость, которая обусловлена нравственными, духовными и моральными установками личности.

M.J. Al-Salkhi [215], осуществляя всестороннее исследование среди студентов вузов смог доказать, что психологическая устойчивость напрямую зависит от уровня духовности студента, а также от принятия им нравственных и моральных норм.

Z.-S. Li и F. Hasson [252] также в ходе проводимых исследований смогли непосредственно вынести научно обоснованные рекомендации касательно эффективного формирования психологической устойчивости в рамках профессиональной подготовки, что влечет, в конечном счете, за собой социальное благополучие индивидуума.

Y. Мао со своими коллегами [253] было осуществлено исследование среди студентов ряда вузов Китая. В ходе данного исследования было установлено, что деятельное сосредоточение способствует усилению психологической устойчивости индивидуума.

В свою очередь, в ходе проведенного исследования R. Kleynhans и M. Kotzé [250] было установлено, что повышению академической успеваемости студентов способствует психологическая устойчивость, которая опосредована их духовностью.

J.D. Kass [248] в результате проведенного им исследования была создана и в дальнейшем спешно внедрена инновационная программа активного обучения. Основной упор в данной программе делался на развитие психологической устойчивости в следующих сферах личности:

- социальная эмоциональная сфера;
- поведенческая сфера;
- когнитивно-социокультурная сфера;
- мировоззренческая сфера;
- духовная сфера.

Совершенствование каждой личности в выше обозначенных сферах способствует адаптации к изменениям в его социальном окружении, а также повышают его устойчивость к воздействиям различных сложных жизненных

ситуаций. В конечном итоге все это, в определенной мере, способствует укреплению психологического здоровья человека.

Также важно рассмотреть, актуальную проблему негативного влияния информационного воздействия на психику студента.

Е.Г. Баранов осуществил всесторонний анализ содержания информационно-психологической устойчивости личности. Автор выделил два ее компонента: морально-психологический (ценности, убеждения, идентичность) и эмоционально-волевой (стабильность психических процессов и состояний в стрессовых ситуациях) [18].

Е.Б. Богатова [25] осуществила в рамках своего исследования всесторонний анализ социально-психологической устойчивости личности к воздействию на нее информационных потоков, образующихся во время политических выборов. При этом подобного рода воздействия обосновывается разными социальными, индивидуальными, профессиональными, а также социальными характеристиками и качествами личности. У людей, отличающихся высокой устойчивостью, наблюдается позитивная эмоциональная модальность, а также они характеризуются адаптивными поведенческими стратегиями.

И.В. Андреев [8] выделил в структуре психологической устойчивости студента к негативному влиянию интернет-технологий пять компонентов: когнитивный (знания и представления, обеспечивающие независимость и устойчивость личности к неблагоприятным факторам); мотивационный (установки на достижения); эмоционально-оценочный (ценностное отношение к себе); операциональный (определение путей оптимальной организации жизненного пространства); ценностный (ориентация на духовно-нравственные ценности, заботу об окружающих и альтруизм); рефлексивный (умения и навыки самоанализа и самоуправления).

Информационно-психологическая устойчивость входит в систему информационно-психологической безопасности личности [26, 65, 75; 191; 207].

В проекте Федерального закона «Об информационно-психологической безопасности» под информационно-психологической безопасностью понимается «состояние защищенности отдельных лиц и (или) групп лиц от негативных информационно-психологических воздействий и связанных с этим иных жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере».

Г.В. Грачев в своем диссертационном исследовании определил информационно-психологическую безопасность личности как «состояние защищенности ее психики, от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека (и в целом, жизнедеятельности в обществе), а также адекватной системы его субъективных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе» [46, с. 33].

Т.М. Краснянская и В.Г. Тылец на основе системного анализа исследуемой области дают следующее определение: информационно-психологическая безопасность – это психическое состояние человека, характеризующееся единством переживания защищённости от актуальных и прогнозируемых угроз в информационном пространстве со способностью оптимального использования возможностей этого пространства для своего развития в лично значимом направлении. Информационно-психологическая безопасность, по мнению авторов, характеризует состояние человека, сохраняющего в условиях информационных воздействий, в первую очередь неблагоприятных, контроль над своим актуальным состоянием и потенциалом развития с учётом сильных и слабых сторон собственного взаимодействия с информацией [103].

Т.В. Харламова и Л.В. Астахова обосновали значение критичности мышления в роли своеобразного способа защиты от разрушительного воздействия различного рода информации на студентов. Авторами в ходе исследований был разработан специальный курс под названием

«Информационно-психологическая безопасность личности и общества», в рамках которого студенты осуществляют всестороннее изучение особенностей и нюансов воздействия информации на психику человека, а также варианты эффективного противодействия этому [15].

С.В. Матюшенко в качестве главного принципа формирования информационно-психологической устойчивости у курсантов образовательных учреждений МВД, видит информирование обучающихся о фактах искажения объективной информационной повестки и проведение дискуссий на проблемные темы [126].

Угрозы информационно-психологической безопасности зачастую обусловлены кризисом духовно-нравственной сферы.

Духовно-нравственная безопасность личности подразумевает развитие моральных и нравственных качеств. Именно это и определяет уровень нравственного здоровья, которое связано с принятыми в обществе понятиями красоты, любви и добра [85, С. 134]. Макроуровень духовной безопасности представляет собой всеобщий феномен, характеризующийся целостностью культурной, религиозной, научно-образовательной, информационной и идеологической безопасности [176, С. 145].

В.Ю. Микрюков определяет духовно-нравственную безопасность как совокупность условий, при которых общество может эффективно сохранить критически важные параметры в рамках нормы, которая исторически сложилась у социума. При этом, любой выход за пределы установленных границ автоматически ведет к неминуемому распаду общества. Это, в первую очередь, связано с разрушением присутствующих в нем нравственных и духовных оснований. Стоит заметить, что именно на непринятии общественностью засилья разврата, насилия, пошлости и проявлений экстремизма основывается непосредственно сама нравственная равно как и духовная безопасность всей страны в целом [128].

Проведенный нами контент-анализ подходов к определению информационно-психологической безопасности и психологической

устойчивости личности позволяет установить, что информационно-психологическая устойчивость личности к социокультурным угрозам определяется следующими компонентами:

– ценностно-мотивационным: совокупность взглядов, идеалов, социальных норм, жизненных принципов и морально-нравственных ценностей;

– эмоционально-волевым: стабильность психических процессов и состояний в условиях информационных воздействий, самоорганизация и саморегуляция поведения, психосоциальное благополучие, адаптивность и толерантности к неопределенности;

– когнитивным: система знаний и представлений о социокультурных угрозах цифровой трансформации общества и способах их прогнозирования и противостояния им; независимость взглядов и убеждений, критичность мышления;

– межличностным: налаживание прочных социальных связей; адаптивные поведенческие стратегии информационного поведения и цифровой коммуникации; оптимальная организация жизненного пространства в цифровой среде.

Данные личностные конструкты позволяют дать следующую характеристику информационно-психологической устойчивости студента вуза к социокультурным угрозам: качество личности, лежащее в основе способности сохранения психики от актуальных и прогнозируемых угроз в цифровом пространстве в условиях социокультурных изменений; способности ориентации в системе социальных норм, ценностей и принятием жизненной позиции, основанной на общественно одобряемых целях и традиционных ценностях; способности оптимального использования возможностей цифрового пространства для своего личностно-профессионального развития.

Проведенный нами анализ исследований психологической

устойчивости и духовного интеллекта, обеспечивающего эффективность в ситуациях неопределенности [215; 224], в условиях воздействия негативных интернет-технологий [8], эмоциональной стабильности как средства совладания со стрессом [252], позволил выделить следующие инвариантные показатели, детерминирующие психологическую устойчивость личности в различных контекстах противодействия социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию [88]:

- социокультурная идентичность, основанная на взглядах, убеждениях, установках, согласованных с социальными нормами, духовно-нравственными ценностями и культурными традициями;

- информационное поведение, основанное на критическом мышлении и способности к прогнозированию рисков и угроз, владении конструктивными копинг-стратегиями в онлайн-коммуникации и налаживании конструктивных социальных связей;

- коллективизм, основанный на нормах лояльности и уважения власти, просоциальной направленности, положительном отношении к нормам закона, ответственности перед коллективом, обществом;

- субъективное благополучие, включая позитивное психоэмоциональное состояние, адаптационный личностный потенциал, выраженный в овладении методами саморегуляции, обеспечивающими успешность адаптации к изменяющейся цифровой и социокультурной среде, мотивацию личности на самоактуализацию, достижение успеха, на открытость и приверженность социуму.

Важными компонентами формирования устойчивости личности являются гармоничное воспитание, поддержка референтной социальной группы (семья, коллектив и т.п.), мотивирование на просоциальную и общественно полезную деятельность.

Необходимо включение в социокультурную среду молодого поколения ориентации на саморазвитие. Важна актуализация знаний о себе как

личности, о своих психологических возможностях и механизмах саморегуляции; разъяснение моральных, нравственных, традиционных устоев и правовых норм нашего общества. Всё это, реализуясь в рамках образовательной системы, будет способствовать гармонизации развития молодежи, готовить её к активному и конструктивному включению в социальные институты в современных условиях [164; 165; 187; 200; 218].

Итак, устойчивость личности – «полифакторный феномен, обеспечивающий сохранность целостности личности и её характеристик при оптимальной адаптивности индивида к внешним воздействиям разной модальности, формируемый в процессе воспитания, становления и самореализации, согласованно морально-нравственным, социально ориентированным и ценностным установкам, имеющимся и культивирующимся в обществе» [82].

Психологическая устойчивость к социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию, понимаемая не как ригидность, а включающая возможность оптимальной адаптации, без потерь для собственного «Я», будет способствовать готовности личности к рациональному реагированию на современные проблемы и вызовы, минимизируя тем самым информационный стресс.

Выводы по первой главе

Именно психологическая устойчивость личности к деструктивному информационному воздействию определяет её жизнестойкость, проявляющуюся в умении индивидуума сохранять свою личностную психологическую устойчивость к негативным воздействиям внутренней и внешней среды. При этом чувство безопасности может быть у личности нарушено деструктивным воздействием различных внешних факторов. Подобная незащищенность (отсутствие чувства безопасности личности) в определенной степени детерминирует неявно выраженную идентификацию индивидуума непосредственно с референтной социальной группой в

частности, и со всей страной в целом. Социум не является предельно устойчивой структурой и со временем в нем происходят определенные изменения. При этом, сама изменчивость социума, а в частности его образа, запечатленного в сознании общества, людей принадлежащих к различным культурным и социальным группам и отличающимся своим менталитетом, так и регионом проживания меняет в их мировоззрении непосредственно представление, как о межгрупповых, так и о межличностных отношениях.

На наш взгляд, понимание путей преодоления кризиса социокультурной идентичности у молодежи в условиях цифровой трансформации общества и предотвращение формирования негативной идентичности, а также информационно-психологической устойчивости (безопасности) и готовности к противодействию возникающим социокультурным угрозам возможно на основе формирования культурных ценностных ориентаций, гражданственности, этничности, патриотизма, критичности мышления, просоциальности, политического интеллекта, позиции ненасилия.

Просоциальное поведение, патриотизм, любовь к Родине, социальная активность молодежи в современной России становятся инструментом обеспечения национальной безопасности посредством формирования у детей и молодежи информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам [82; 208].

Теоретико-методологическими предпосылками формирования информационно-психологической устойчивости студентов к социокультурным угрозам выступают особенности цифровой социализации, макропсихологическое состояние общества, информационно-психологическая безопасность личности и общества.

Информационно-психологическая устойчивость к различного рода социокультурным угрозам, равно как и к деструктивному воздействию информации, в которую непосредственно включена возможность адаптироваться без потери свое личного Я будет эффективно способствовать

готовности индивидуума к оптимальному реагированию на все возникающие в современном обществе угрозы и вызовы. Тем самым снижая уровень получаемого человеком информационного стресса.

Информационно-психологическая устойчивость к социокультурным угрозам представляет собой системную характеристику личности студента, лежащую в основе способности сохранения психики (эмоционально-волевой, ценностно-мотивационной, когнитивной, межличностной сфер) от актуальных и прогнозируемых угроз в цифровом пространстве в условиях социокультурных изменений; способности ориентации в системе социальных норм, ценностей и принятием жизненной позиции, основанной на общественно одобряемых целях и традиционных ценностях; способности оптимального использования возможностей цифрового пространства для своего личностно-профессионального развития.

Глава 2 ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МОДЕЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ К СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ УГРОЗАМ СТУДЕНТОВ ВУЗА

2.1 Восприятие студенческой молодежью социокультурных угроз цифровой трансформации общества

Изучение представлений студентов о социокультурных угрозах цифровой трансформации общества является необходимым условием построения модели информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам и программы ее формирования на этапе обучения в вузе. В исследованиях Т. А. Басановой [20], Ю. К. Дугановой [57], А. Г. Костоусова [99], Н. Е. Харламенковой [185] показано, что представления студентов о психологической безопасности имеют особенности и формируются в процессе личностно-профессионального становления.

«Изучение и сравнение социокультурных угроз позволит ответить на вопрос – на каком месте по значимости продуцируемых угроз находится современная социокультурная среда. В связи с этим актуальной и своевременной становится задача изучения восприятия и оценки студентами вузов социокультурных угроз цифровой трансформации общества, на что и было направлено наше эмпирическое исследование» [89].

К исследованию нему было привлечено 583 студента из разных регионов Российской Федерации: Иваново (18,8%), Москва (34,6%), Нижний Новгород (22,5%), Новосибирск (6,8%), Санкт-Петербург (8,1%), Ярославль (9,2%) (23% мужчины, 77% женщины; средний возраст 20,5 лет). Был разработан опросник, состоящий из тринадцати пунктов. При его создании использовали всесторонний анализ нормативных документов, а также различных литературных источников.

При опросе студентам предлагалось поставить взвешенную оценку угрозам развития интернет – технологий и цифровизации общества, которые могут возникнуть в ближайшие десять лет. Участники опроса должны были оценить будущие угрозы интернет технологий для социума по пятибалльной шкале, в которой отметке 1 присваивалась низкая степень возникновения угрозы, а отметке 5 присваивалась высокая степень возникновения угрозы [89].

Данные внутренней согласованности всех пунктов используемой анкеты оказались весьма высокими (α -Кронбаха = 0,913), а переменные распределены были примерно нормально, т.к. значения эксцесса и асимметрии варьировались в пределах от -1 до +1 [132]) (таблица 1).

Таблица 1 – Описательная статистика опросника «Социокультурные угрозы цифровой трансформации общества»

Пункты опросника (социокультурные угрозы)	M	SD	As	Ex
1. Рост информационного стресса у людей (неспособность справиться с большим объемом поступающей информации и информационным шумом, снижение адаптационного потенциала)	3,49	1,20	-0,39	-0,76
2. Снижение интеллектуального уровня общества	3,19	1,25	-0,12	-0,97
3. Размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей	3,05	1,36	-0,07	-1,18
4. Сокращение живого межличностного общения и уход от реального мира	3,68	1,22	-0,58	-0,71
5. Рост агрессии, кибербуллинга	3,65	1,22	-0,59	-0,55
6. Снижение культурного уровня общества, духовный кризис	3,04	1,28	0,00	-0,97
7. Атомизация общества и разрыв социальных связей	2,95	1,23	0,06	-0,89
8. Рост проявлений асоциального поведения и пропаганды вседозволенности	3,18	1,30	-0,13	-1,05
9. Рост киберпреступности и кибертерроризма	3,77	1,20	-0,64	-0,58
10. Ослабление единства многонационального народа России	2,52	1,30	0,46	-0,85
11. Рост межэтнических и межконфессиональных конфликтов, расовой, национальной и религиозной нетерпимости	2,67	1,29	0,32	-0,94
12. Возникновение неформальных объединений контркультурной направленности	2,93	1,27	0,09	-1,01
13. Потеря культурных традиций и самобытности	2,76	1,29	0,23	-1,02

Примечание: здесь и далее Min – минимальное значение, Max – максимальное значение, M – среднее значение, SD – стандартное отклонение, As – асимметрия, Ex – эксцесс.

Однако распределение по использованным шкалам по критерию Колмогорова-Смирнова несколько отличалось от нормального, поэтому в дальнейшем применялись непараметрические статистики.

«В таблице 2 представлены значения средних рангов социокультурных угроз цифровой трансформации общества, а также расчет двухфакторного рангового дисперсионного анализа Фридмана» [89].

Таблица 2 – Ранжирование студенческой молодежью социокультурных угроз цифровой трансформации общества

Пункты опросника (социокультурные угрозы)	Средний ранг
9. Рост киберпреступности и кибертерроризма	9,07
4. Сокращение живого межличностного общения и уход от реального мира	8,88
5. Рост агрессии, кибербуллинга	8,70
1. Рост информационного стресса у людей	7,98
2. Снижение интеллектуального уровня общества	7,17
8. Рост проявлений асоциального поведения и пропаганды вседозволенности	7,09
3. Размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей	6,71
6. Снижение культурного уровня общества, духовный кризис	6,69
7. Атомизация общества и разрыв социальных связей	6,41
12. Возникновение неформальных объединений контркультурной направленности	6,26
13. Потеря культурных традиций и самобытности	5,74
11. Рост межэтнических и межконфессиональных конфликтов, расовой, национальной и религиозной нетерпимости	5,38
10. Ослабление единства многонационального народа России	4,92
Критерий Фридмана $\chi^2 = 723,9; p < 0,001$	

«Для классификации социокультурных угроз цифровой трансформации общества был проведен иерархический кластерный анализ (метод межгрупповой связи) (рисунок 1).

«Кластерный анализ позволил выделить два типа угроз безопасности цифровой трансформации общества:

– социальные, включают рост киберпреступности, сокращение межличностного общения, рост агрессии и асоциального поведения, информационный стресс;

– культурные, включают снижение культурного уровня общества, ослабление единства народа, рост межэтнических конфликтов, размывание

традиционных ценностей). При этом в исследуемой выборке студенческая молодежь в большей степени видит социальные угрозы цифровой трансформации общества, угрозы же культурной безопасности находятся на периферии» [89].

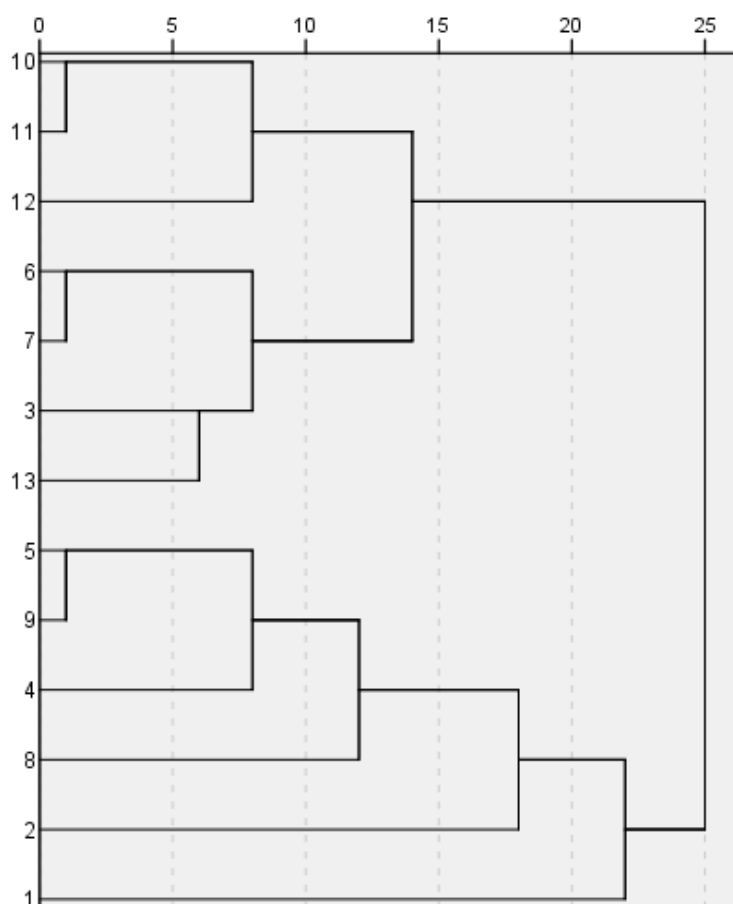

Рисунок 1 – Классификация социокультурных угроз цифровой трансформации общества (иерархическая кластеризация по переменным – пункты опросника 1-13)

«Таким образом, студенческая молодежь демонстрирует лояльность к глобализационным процессам массовой культуры с акцентом на ценности личного благополучия, традиционные консервативные ценности общества оказались недостаточно востребованы» [89].

«Для выявления различий в оценке молодыми людьми из различных регионов социокультурных угроз цифровой трансформации общества производился расчет критерия Крускала-Уоллеса (таблица 3) [89].

Таблица 3 – Оценка студентами из различных регионов РФ социокультурных угроз цифровой трансформации общества

Пункты анкеты (социокультурные угрозы)	Иваново	Москва	Нижегород	Новосибирск	Санкт-Петербург	Ярославль	χ^2
	Средний ранг						
1. Рост информационного стресса у людей	139,6	202,2	200,2	181,8	214,7	223,4	23,6; $p < 0,001$
2. Снижение интеллектуального уровня общества	161,6	200,2	207,7	210,6	185,6	171,5	10,5; $p = 0,062$
3. Размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей	161,4	214,8	187,0	209,0	152	198,8	16,8; $p = 0,005$
4. Сокращение живого межличностного общения и уход от реального мира	151,2	192,6	234,7	195	161,8	187,8	26,9; $p < 0,001$
5. Рост агрессии, кибербуллинга	142,5	204,1	238,2	172,8	168,6	164,1	38; $p < 0,001$
6. Снижение культурного уровня общества, духовный кризис	161,7	201,3	214,8	199	150,9	189	15,2; $p = 0,009$
7. Атомизация общества и разрыв социальных связей	157,1	199,3	214,9	180,1	175,1	198,2	13,3; $p = 0,02$
8. Рост проявлений асоциального поведения и пропаганды вседозволенности	161,8	198,6	226,4	175,7	162,9	177,2	18,4; $p = 0,002$
9. Рост киберпреступности и кибертерроризма	165	195	224,6	158,9	210	159,3	19,6; $p = 0,001$
10. Ослабление единства многонационального народа России	171,6	206,8	204,3	162,9	164,3	188,5	10,2; $p = 0,069$
11. Рост межэтнических и межконфессиональных конфликтов, расовой, национальной и религиозной нетерпимости	175,2	215	192,6	142,3	168,8	190,6	14,8; $p = 0,011$
12. Возникновение неформальных объединений контркультурной направленности	173,2	198,4	203,5	172,0	182,7	196	4,8; $p = 0,44$
13. Потеря культурных традиций и самобытности	161,5	204,5	204,8	202,8	158,7	192,2	12; $p = 0,035$
Среднее значение	181,4	207,2	196,8	177,7	180,5	187,4	

Сравнение по региональному признаку дало возможность определить имеющиеся различия в восприятии студентами вузов угроз обществу социального и культурного порядка исходящих непосредственно от деструктивных информационных воздействий. «В регионах доминируют различные социокультурные угрозы, но, как правило, присутствуют как социальные, так и культурные. Исключение составила студенческая молодежь Москвы, отметившая в большей степени угрозы культурной безопасности и студенческая молодежь Нижнего Новгорода, признающая в основном социальные угрозы обществу. При сравнении регионов, также было установлено, что студенческая молодежь Москвы и Нижнего Новгорода в большей степени признает рискогенность цифровой трансформации общества. Полученные результаты обусловлены спецификой социального, идеологического, культурного бытия социально-территориальных общностей (регионов) России. Проблема цифровой трансформации общества может быть детерминирована отсутствием чувства безопасности в основных сферах жизни социально территориальных общностей – межличностной, бытовой, этнической, религиозной, политической, экономической, информационной и пр. Незащищенность в этих сферах детерминирует актуализацию соответствующих угроз и рисков. Предотвращению социокультурных угроз будет способствовать объективная оценка студенческой молодежью их реальности за счет формирования социокультурной идентичности, развития критического мышления и социальных навыков взаимодействия» [89].

Полученные эмпирические данные в дальнейшем нами использовались при разработке и реализации в вузах Иваново и Москвы программы формирования информационно-психологической устойчивости студентов к актуальным и потенциальным социокультурным угрозам [130].

2.2 Психологические детерминанты и механизмы развития информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам

На следующем этапе исследования нами были поставлены следующие вопросы: «какие психологические детерминанты (факторы) влияют на восприятие студенческой молодежью социокультурных угроз цифровой трансформации общества? Какие механизмы обеспечивают информационно-психологическую устойчивость личности к возникающим социокультурным рискам в цифровой среде?» [86, С. 144].

В исследовании приняли участие 385 студентов российских вузов городов Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Новосибирск, Ярославль, Иваново. Из них 39 % мужчины и 61% женщины. Возраст испытуемых составил от 18 до 24 лет ($M = 20,5$ лет) [86].

«Для изучения восприятия студенческой молодежью факторов социального риска цифровой трансформации общества использовался авторский опросник, включающий перечень из 11 социальных угроз развития интернет-технологий в ближайшие десять лет» [86].

На основе проведенного теоретического анализа (п. 1.3) нами были выбраны следующие исследуемые переменные (детерминанты) информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам: психологическое благополучие, информационное поведение, социокультурная идентичность и коллективизм.

Психологическое благополучие оценивалось с помощью методики «Шкала субъективного благополучия» (Perrudel-Badoux, Mendelsohn, Chiche, адаптация М.В. Соколовой [182]), позволяющей изучить качество эмоциональных переживаний в диапазоне от оптимизма, бодрости и уверенности в себе до подавленности, раздражительности и ощущения одиночества.

Для оценки сформированности социокультурной идентичности

использовалась методика «Определение социокультурной идентичности» (ОСКИ) (модифицированный вариант Крупенко О.В., Фролова О.В. [173]), которая позволяет исследовать этническую и региональную идентичность (самоотождествление с культурными и этническими традициями, с социально-территориальной общностью), расовую толерантность (позитивное или нейтральное отношения к другим народам) и «Опросник моральных оснований» (MFQ) (J. Haidt с соавт., в адаптации О.А. Сычева с соавт. [170; 237]): шкала «Власть» (соблюдение общественного порядка, традиций, правил поведения, уважение власти) и шкала «Лояльность» (патриотизм, преданность человека социальной группе, с которой себя идентифицирует).

Информационное поведение оценивалось с помощью «Шкалы виртуальной аутизации» методики «Индекс социокультурной безопасности подростка» (Гилемханова Э.Н.) [43], которая позволяет выявить такие угрозы социокультурной безопасности личности, как проблемы самоидентификации, нарушение коммуникативного диалога, низкая продуктивность и эффективность социальных контактов, обусловленные чрезмерным использованием социальных сетей и методики «Индекс самооценки навыков работы с информацией» (ИРИ) (Войнилов Ю.Л., Мальцева Д.В., Шубина Л.В., в авторской модификации) [34], которая позволяет изучить критичность мышления в отношении информации, размещенной в Интернет-ресурсах и медиаграмотность (по результатам расчета интегрального индекса определяется уровень навыков работы с информацией: низкий, средний или высокий) [86].

Результаты диагностики показателей информационно-психологической устойчивости молодежи к социокультурным угрозам представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Описательные статистики показателей информационно-психологической устойчивости студенческой молодежи к социокультурным угрозам

Методики/шкалы	Min	Max	M	SD
Психологическое благополучие (ШСБ)	38	112	71,2	13,03
Социокультурная идентичность (ОСКИ)	36	141	107,9	15,60
Уважение к власти (MFQ)	6	36	19,9	5,68
Лояльность (MFQ)	6	36	22,4	5,41
Индекс работы с информацией	8	24	17,1	2,94
Виртуальная аутизация	8	28	14,7	3,93
Оценка факторов социального риска цифровой трансформации общества				
рост информационного стресса у людей	1	5	3,5	1,20
снижение интеллектуального уровня общества	1	5	3,2	1,25
размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей	1	5	3,0	1,36
сокращение живого межличностного общения и уход от реального мира	1	5	3,7	1,22
рост агрессии, кибербуллинга	1	5	3,6	1,22
атомизация общества и разрыв социальных связей	1	5	2,9	1,23
рост проявлений асоциального поведения и пропаганды вседозволенности	1	5	3,2	1,30
рост киберпреступности и кибертерроризма	1	5	3,8	1,20
ослабление единства многонационального народа России	1	5	2,5	1,30
рост межэтнических и межконфессиональных конфликтов, расовой, национальной и религиозной нетерпимости	1	5	2,7	1,29
потеря культурных традиций и самобытности	1	5	2,8	1,29

«Проведенное исследование показало, что у студенческой молодежи в целом на достаточном уровне (выше среднего) сформированы социокультурная идентичность, критичность мышления при работе с информацией, моральные нормы лояльности и уважения к власти, а также

студенты демонстрируют психологическое благополучие и невысокий уровень виртуальной аутизации. Оценивая социокультурные угрозы цифровой трансформации общества, студенты, в большинстве случаев признают их актуальность на среднем уровне. При этом наибольшую угрозу студенты видят в угрозах личности (сокращение живого межличностного общения и уход от реального мира; рост агрессии, кибербуллинга; рост информационного стресса) и государству (рост киберпреступности и кибертерроризма)» [86].

Оценка студентами социокультурных угроз цифровой трансформации общества (факторов социального риска) были обработаны методом эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, вращение Varimax). Содержание, удельный вес и наполнение факторов представлены в таблице 5 [86].

Таблица 5 – Факторная структура восприятия студенческой молодежью социокультурных угроз цифровой трансформации общества

Наименование фактора	Переменные	Удельный вес
F1. Этнокультурные риски (48,50%)	ослабление единства многонационального народа России	0,884
	потеря культурных традиций и самобытности	0,791
	рост межэтнических и межконфессиональных конфликтов, расовой, национальной и религиозной нетерпимости	0,743
	размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей	0,631
	атомизация общества и разрыв социальных связей	0,518
F2. Асоциальные риски (10,70%)	рост киберпреступности и кибертерроризма	0,826
	рост агрессии, кибербуллинга	0,818
	рост проявлений асоциального поведения и пропаганды вседозволенности	0,707
F3. Когнитивно-коммуникационные риски (8,40%)	рост информационного стресса у людей	0,794
	снижение интеллектуального уровня общества	0,626
	сокращение живого межличностного общения и уход от реального мира	0,510

Полученная суммарная доля дисперсии факторов составила 67,6%, что считается приемлемым результатом. «При интерпретации факторов мы обращали внимание на нагрузки более 0,5. Значения выделенных факторов (баллы) были сохранены как переменные (методом регрессии) для дальнейшего анализа взаимосвязи с исследуемыми показателями. Проведенный факторный анализ позволил выделить три фактора социального риска цифровой трансформации общества» [86].

«Наибольший вес имеет первый фактор (F1), который можно охарактеризовать как этнокультурные риски или фактор социокультурной безопасности общества. Это соотносится с выводами Ю.П. Зинченко, Л.А. Шайгеровой, Р.С. Шилко [69]. Повлечь утрату этнокультурной идентичности может ослабление единства многонационального народа России, потеря культурных традиций и самобытности, рост межэтнических и межконфессиональных конфликтов, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, атомизация общества и разрыв социальных связей. «Врастание» человека в культуру социума (в терминологии Л.С. Выготского [38]) происходит через присвоение материальной и духовной, а не цифровой культуры своего народа, его общественно значимых ценностей, усвоение принятых норм и установок. В многонациональной социокультурной общности россиян человек может принадлежать к той или иной этнической группе, но страна у всех граждан одна. В связи с этим культивирование общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями будет способствовать психологической устойчивости личности в условиях цифровизации общества» [86].

«Второй фактор (F2) отражает асоциальные риски, возникающие в ответ на вызов, выраженный социальной кластеризацией, расслоением, поляризацией мнений; повышением роли неформальных лидеров (в

противовес партиям, общественным организациям); усилением онтологического неравенства (по отношению к пользованию ИТ-технологиями). Выявленный фактор отвечает рассмотренному С.Ю. Малковым и А.А. Максимовым [123] переходу к обществу разных скоростей развития и соотносится с рисками информационного общества на основе рассмотрения современной ситуации в глобальном историческом контексте. Асоциальные риски представляют угрозу безопасности государства и характеризуется ростом киберпреступности и кибертерроризма, агрессии и кибербуллинга, частыми проявлениями асоциального поведения и пропаганды вседозволенности и способны повлиять на снижение управляемости, повышение уязвимости к социальной дестабилизации» [86].

«Наполнение третьего фактора (F3) связано с когнитивно-коммуникационными рисками и определяет социокультурную безопасность индивида. С.Ю. Малков и А.А. Максимов связывают возникновение этих рисков с усилением онтологического неравенства, множественностью идентичности (по разным сетевым сообществам, повышенной психологической нагрузкой, стрессовыми состояниями) [123]. Когнитивно-коммуникационные риски выражаются ростом информационного стресса у людей, снижением интеллектуального уровня общества, сокращением живого межличностного общения и уходом от реального мира. На личностном уровне они характеризуются, как отмечается в исследованиях Г.У. Солдатовой [161], снижением социализации (замена реального общения виртуальным), способности к эмпатии; повышением управляемости через сети, зомбированием сознания; снижением способностей к принятию самостоятельных решений, способности сосредоточиться» [86].

«Для выявления взаимосвязи между исследуемыми показателями информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам в условиях цифровой трансформации общества был проведен корреляционный анализ с использованием ранговой

корреляции Спирмена» [86] (таблица 6, рисунок 2).

Таблица 6 – Результаты корреляционного анализа показателей устойчивости личности к социокультурным угрозам в условиях цифровой трансформации общества

Методики (переменные)	1	2	3	4	5	6
1. Индекс работы с информацией	-					
2. Виртуальная аутизация	-0,172***	-				
3. Социокультурная идентичность (ОСКИ)	0,216***	-0,110**	-			
4. Психологическое благополучие (ШСБ)	0,251***	-0,378***	0,184***	-		
5. Уважение к власти (MFQ)	-0,021	-0,031	-0,039	0,018	-	
6. Лояльность (MFQ)	0,064	-0,046	0,103*	0,040	0,718***	-
F1	-0,052	-0,086	-0,105*	0,007	0,424***	0,338***
F2	-0,037	-0,024	0,067	0,090	0,144**	0,129*
F3	-0,077	-0,062	-0,008	-0,161***	0,061	0,075

Примечание: уровень значимости * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

«Корреляционная плеяда взаимосвязей между показателями информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам в условиях цифровой трансформации общества указывает на наличие трех психологических механизмов (М) ее развития» [86] (рисунок 2).

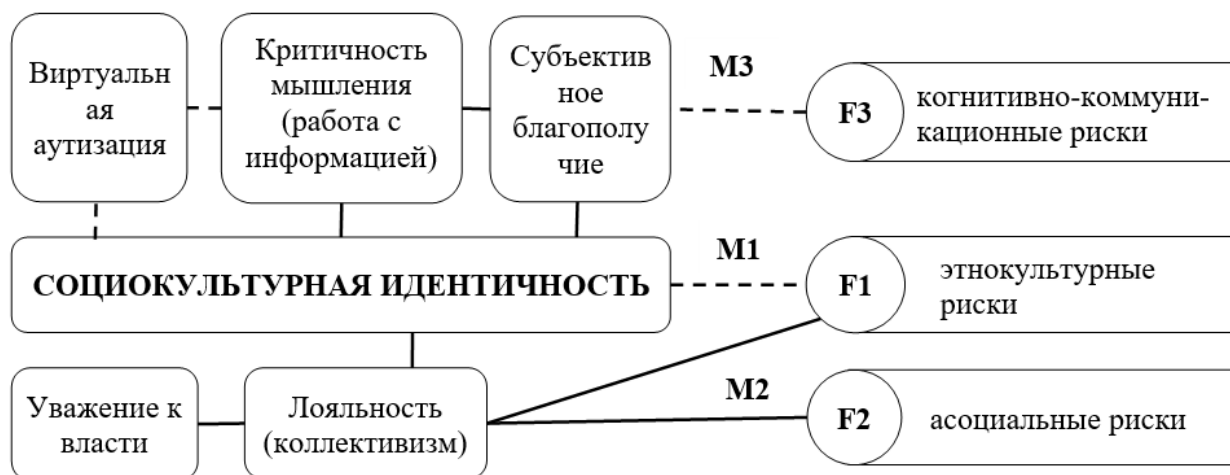

Рисунок 2 – Корреляционная плеяда взаимосвязей между показателями информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам (уровень значимости $p < 0,05$; "—" – прямая корреляция, "----" – обратная корреляция)

«Психологические механизмы регуляции социального поведения человека обществом и им самим следует рассматривать через призму социальных норм [206] и мотивации [111], как систему психологических факторов, условий, феноменов, на базе которых возникают нормы и мотивы, обеспечивающие тот или иной процесс проявления психических свойств и поведенческих паттернов. При этом одни психологические механизмы социального поведения актуализируются в привычных условиях повседневной жизни, при взаимодействии хорошо знакомых между собой людей, другие, напротив, начинают действовать в непривычных условиях или при контактах с незнакомыми людьми [1]. Проведенный корреляционный анализ позволил выявить три психологических механизма, позволяющих индивиду сохранять устойчивость к социокультурным угрозам в условиях цифровой трансформации общества» [86].

«Механизм самоидентификации и социальной толерантности (vs алармизм, vs расизм) (M1) связан с отрицанием этно-культурных угроз и характеризуется сформированной социокультурной идентичностью [259]. Данный механизм отражает убеждение в неэффективности алармизма,

основывается на признании сложности общества, низкой тревоге перед будущим, ориентацией на лояльность и гармонию в социальных отношениях, связан с региональной идентичностью. Приверженность же к алармизму провоцирует молодежь к радикальным силовым мерам, включая идеологию расизма [133]. Исследования, проведенные О.В. Лукьяновым [119] и Ю.В. Живаевой [62], показали, что социокультурная идентичность выступает фактором психологической (мировоззренческой) устойчивости человека в меняющемся мире» [86]. Показатели устойчивости человека определяются модальностью социокультурной идентичности: «при положительной модальности восприятие мира как стабильного, надежного, справедливого, сбалансированного, сформировано осознание своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям, что позволяет обнаруживать и реализовывать возможности, открываемые во взаимодействии со средой, определять направления дальнейшего собственного развития; при отрицательной модальности отсутствие равновесия между реальностью и желаемой гармонией, непринятие своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям, отсутствуют перспективы дальнейшего саморазвития, отсутствуют способности противостоять возникающим проблемным ситуациям» [62, С. 7].

«Механизм конформизма (социальной адаптации) (М2) связан с признанием этно-культурных и асоциальных угроз и характеризуется демонстрацией лояльности, приверженности к традициям, и уважением к власти. Исследования, проведенные Е.Б. Богатовой [25], А.В. Сажиним [152], П.А. Кислякова с соавт. [91], показали, что психологическая устойчивость и безопасность личности обеспечивается через повышение конформности, интериоризации традиционных нравственных ценностей (ориентация на чистоту и святость в моральных оценках, а также на уважение к власти)» [86].

«Механизм психологической защиты (копинга) (М3) связан с нивелированием когнитивно-коммуникационных угроз и характеризуется

субъективным благополучием, которое в свою очередь связано с критичностью мышления при работе с информацией и низкой виртуальной аутичностью. Данный вывод согласуется с результатами исследований S. Dixon [227], Т.А. Нестик и А.Л. Журавлева [133], согласно которым психологическая устойчивость выполняет защитную функцию совладания с угрозами, а также функцию преадаптации к изменяющемуся социуму через повышение толерантности к неопределенности» [86].

«Таким образом, информационно-психологическая устойчивость, основанная на сформированной социокультурной идентичности, приверженности нормам лояльности и уважения власти, безопасном информационном поведении, а значит, и на психологическом благополучии, с учетом особенностей восприятия факторов социального риска в условиях цифровой трансформации общества, предусматривает актуализацию знаний о себе как личности, о своих психологических возможностях и механизмах саморегуляции; разъяснение моральных, нравственных, традиционных устоев и правовых норм общества» [86]. Данные особенности также использовались нами при разработке и реализации в вузах программы формирования информационно-психологической устойчивости студентов к актуальным и потенциальным социокультурным угрозам» [130].

2.3 Разработка и обоснование методики исследования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам студентов вуза

На основе анализа литературных источников и собственных исследований нами выделены следующие детерминанты информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам, которые легли в основу разработки опросника: информационное поведение (устойчивость к когнитивно-коммуникационным рискам), социокультурная идентичность (устойчивость к этно-культурным рискам) и нормы уважения к власти и коллективизма (устойчивость к асоциальным рискам).

На основе предложенной теоретической модели нами было проведено эмпирическое исследование информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам, участниками которого стали 276 студентов российских вузов Москвы, Ярославля, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Иванова (16 % мужчины, 84 % женщины; от 17 до 24 лет, средний возраст 20 лет).

Опросник представляет собой пятибалльную шкалу (Лайкерта) самоочета и нацелен на изучение трех факторов психологической устойчивости к социокультурным угрозам: информационное поведение (ИП): (пункты 1, 4, 7, -10, -13, -16, 19, -22, 25, -28); социокультурная идентичность (СИ) (пункты 2, -5, 8, 11, -14, 17, 20, 23, -26, 29); уважение к власти (УВ) (пункты 3, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 27, 30) (Приложение Б).

Получены достаточно высокие показатели внутренней согласованности шкал опросника (α -Кронбаха $> 0,7$). Все переменные (пункты опросника) были примерно нормально распределены (значения асимметрии и эксцесса варьировались от -1 до +1) (таблица 7). Но поскольку по критерию Колмогорова-Смирнова распределение по всем шкалам отличалось от нормального, в дальнейшем использовались непараметрические статистики.

Таблица 7 – Описательная статистика опросника «Устойчивость личности к социокультурным угрозам»

Шкалы	α -Кронбаха	Min	Max	M	SD	As	Ex
ИП	0,713	25	50	35,4	4,66	0,25	0,19
СИ	0,835	14	50	35,9	7,65	-0,46	-0,08
УВ	0,823	10	48	30,7	7,42	-0,34	-0,15

С помощью расчета коэффициента корреляции Спирмена между шкалами и составляющих их пунктов определялась дискриминативность пунктов шкал опросника. Исследование позволило установить достаточную дискриминативность всех пунктов опросника ($r > 0,5$; $p < 0,001$) (таблица 8).

Таблица 8 – Коэффициенты корреляции Спирмана между шкалами и составляющих их пунктов опросника «Устойчивость личности к социокультурным угрозам» ($p < 0,001$)

Шкалы /пункты	п. 1	п. 4	п. 7	п. 10	п. 13	п. 16	п. 19	п. 22	п. 25	п. 28
ИП	0,555	0,54	0,547	0,581	0,548	0,577	0,536	0,587	0,572	0,585
	п. 2	п. 5	п. 8	п. 11	п. 14	п. 17	п. 20	п. 23	п. 26	п. 29
СИ	0,76	0,572	0,721	0,781	0,519	0,746	0,723	0,68	0,563	0,637
	п. 3	п. 6	п. 9	п. 12	п. 15	п. 18	п. 21	п. 24	п. 27	п. 30
УВ	0,668	0,73	0,656	0,509	0,594	0,737	0,529	0,63	0,67	0,654

Надежность шкал опросника проверялась с использованием метода «расщепления». Для этого все шкалы были разделены на две части (четные и нечетные вопросы) по 5 пунктов в каждой. Расчет коэффициента корреляции Спирмена между двумя частями соответствующих шкал показал их достаточную однородность ($r > 0,5$; $p < 0,001$) (таблица 9).

Таблица 9 – Коэффициенты корреляции Спирмана между «расщепленными» частями шкал опросника «Устойчивость личности к социокультурным угрозам» ($p < 0,001$)

Шкалы	ИП-2	СИ-2	УВ-2
ИП-1	0,502	-	-
СИ-1	-	0,701	-
УВ-1	-	-	0,689

Также проводилась ретестовая надежность шкал опросника «Устойчивость личности к социокультурным угрозам» на подгруппе испытуемых, состоящей из 76 человек (19% мужчины, 81% женщины; возраст – от 17 до 24 лет). Повторное заполнение опросника осуществлялось через четыре недели. По итогам анализа результатов с использованием коэффициента Спирмена подтверждена адекватная ретестовая надежность по каждой из шкал: ИП ($r = 0,69$), СИ ($r = 0,81$), УВ ($r = 0,76$) ($p < 0,001$).

С помощью конфирматорного факторного анализа проверялась факторная структура опросника. Расчеты осуществлялись в программе Amos 23. Трехфакторная модель имеет приемлемое согласие: $\chi^2 = 792,634$; $df = 314$; $p < 0,001$; RMSEA = 0,072; GFI = 0,902; AGFI = 0,9; $Hi\ 90 = 0,086$.

Оценка конвергентной валидности проводилась на основе корреляционного анализа шкал опросника со шкалами методик «Определение социокультурной идентичности» (модифицированный вариант Крупенко О.В., Фролова О.В.), «Опросник моральных оснований» (MFQ) (J. Haidt с соавт., в адаптации О.А. Сычева с соавт.), «Индекс самооценки навыков работы с информацией» (Войнилов Ю.Л., Мальцева Д.В., Шубина Л.В.) (таблица 10). Корреляционный анализ Спирмена позволил выявить значимые положительные связи между шкалами конвергируемых методик и соответствующими шкалами разработанного опросника.

Таблица 10 – Корреляционные связи между шкалами опросника «Устойчивость личности к социокультурным угрозам» и шкалами конвергируемых методик

Шкалы опросника «Устойчивость личности к социокультурным угрозам»	Методики (шкалы) для конвергентной валидации
Шкала «Информационное поведение»	«Индекс самооценки навыков работы с информацией» ($r = 0,63$; $p < 0,001$)
Шкала «Социокультурная идентичность»	«Определение социокультурной идентичности» ($r = 0,467$; $p < 0,001$)
Шкала «Уважение к власти»	Шкала «Лояльность» - MFQ-32 ($r = 0,503$, $p < 0,001$)
	Шкала «Уважение к власти» - MFQ-32 ($r = 0,512$, $p < 0,001$)

Для определения доминирующих механизмов информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам нами был проведен анализ процентного распределения респондентов по баллам внутри шкал (рисунок 3) и расчет двухфакторного рангового дисперсионного анализа Фридмана (рисунок 4). Полученные данные показали, что в целом по исследуемой выборке статистически значимо доминируют механизмы социокультурной идентификации (шкала «Социокультурная идентичность») и психологической защиты (шкала «Информационное поведение»).

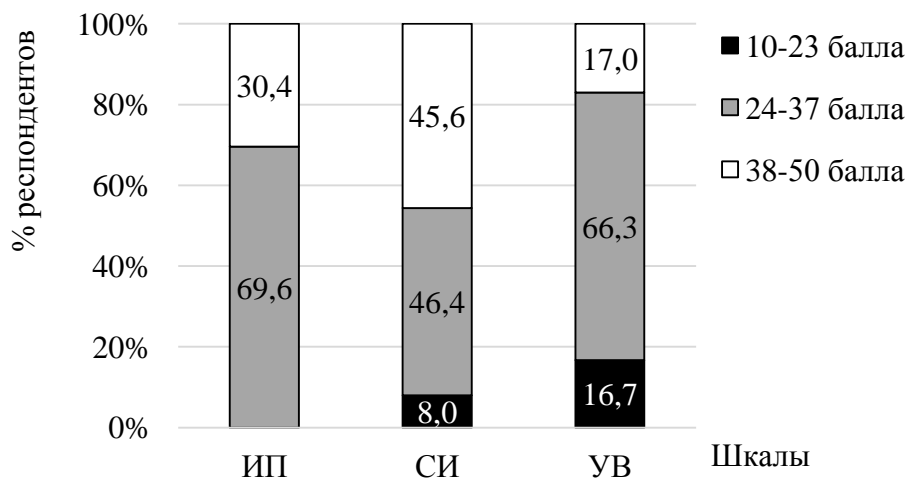

Рисунок 3 – Распределение респондентов по баллам шкал опросника «Устойчивость личности к социокультурным угрозам», %

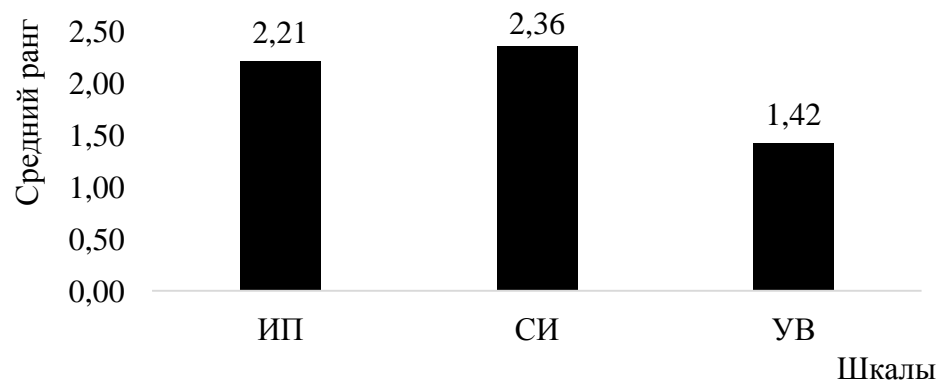

Рисунок 4 – Сравнение средних рангов механизмов информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам по критерию Фридмана ($\chi^2 = 147,682$; $p < 0,001$)

Для выявления половозрастных особенностей, на доминирование механизмов информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам был произведен расчет критерия U-Манна-Уитни (таблица 11). По полу не были выявлены значимые различия, что указывает на универсальность механизмов информационно-психологической устойчивости.

Для анализа возрастных характеристик выборка была разделена на 2 группы. Первая группа от 17 до 22 лет (юношество) – студенты бакалавриата или специалитета и от 23 до 24 лет (ранняя зрелость) – студенты магистратуры. Следует также отметить, что обе возрастные группы соответствуют так называемому «поколению Z» (в терминологии N. Howe и W. Strauss) или «цифровым аборигенам» (в терминологии M. Prensky), т.е. прошедшие социализацию в условиях цифровизации общества, а также развитие их когнитивной, эмоциональной, ценностно-смысловой, социально-коммуникативных сфер обусловлены в том числе широким использованием информационных технологий в быту и учебной деятельности. Также по некоторым данным, «развитие и созревание нервной системы и головного мозга продолжается вплоть до 25 лет [216]. Особенно значимые изменения с начала подросткового периода и до ранней зрелости происходят в префронтальной коре больших полушарий (лобных долях мозга), отвечающей за комплексное управление мышлением, планирование, волевой контроль» [78].

По возрастным характеристикам были получены значимые различия по шкале «Информационное поведение» – ниже оценивается респондентами более старшего возраста (корреляционный анализ Спирмена по всей выборке также позволил установить слабую обратную зависимость между возрастом и самооценкой информационного поведения: $r = -0,152$; $p = 0,012$). Возможно, это связано с более критичной самооценкой рисков информационного поведения лицами раннего зрелого возраста.

Таблица 11 – Сравнение доминирующих механизмов информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам по критериям пола и возраста

Шкалы	Средние ранги					
	Пол			Возраст		
	Муж. n = 45	Жен. n = 231	U- Манна- Уитни	17-21 n = 206	22-24 n = 70	U- Манна- Уитни
ИП	134,88	144,05	4823	143,79	122,94	6121*
СИ	146,83	141,62	5131,5	138,67	138,00	7175
УВ	138,65	143,28	4853,5	136,02	145,80	6699

Примечание: уровень значимости * $p < 0,05$

Для выявления региональных (средовых социокультурных) особенностей, на доминирование механизмов информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам был произведен расчет критерия Краскала-Уоллеса (таблица 12). По шкалам «Социокультурная идентичность» и «Уважение к власти» наименьшие показатели выявлены у студентов Санкт-Петербурга. Это согласуется с исследованием, проведенным Центром экономических и политических реформ, по результатам которого установлено, что в 2018 году Санкт-Петербург стал лидером протестов в России [143]. По всей видимости это связано с особенностями менталитета петербуржцев, а также направленностью петербургских студентов на построение карьеры в Европе.

Таблица 12 – Сравнение доминирующих механизмов информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам по критерию региональной принадлежности

Шкалы	Средние ранги					
	Москва n = 89	Санкт- Петербург n = 137	Ярославль n = 16	Новосибирск n = 11	Иваново n = 23	Н Крускала- Уоллеса
ИП	119,96	144,83	135,28	164,33	160,36	8,965
СИ	152,26	123,67	157,88	158,17	142,50	9,763*
УВ	162,17	115,73	161,50	158,91	154,50	22,301**

Примечание: уровень значимости * $p < 0,05$; ** $p < 0,001$

Также с использованием метода ранговой корреляции Спирмена выявлялись взаимосвязи между показателями (механизмами) информационно-психологической устойчивости личности и показателями психосоциального благополучия (по методике «Шкала субъективного благополучия», Perrudel-Badoux, Mendelsohn, Chiche, адаптация М.В. Соколовой). Для каждой переменной баллы шкал субъективного благополучия были обращены таким образом, что более высокие баллы указывали на более высокие уровни конструкции. В результате было установлено, что информационное поведение взаимосвязано со всеми шкалами субъективного благополучия, а социокультурная идентичность и моральная норма уважения к власти взаимосвязаны с субъективным благополучием частично (таблица 13).

Проведенный регрессионный анализ (метод шагового отбора) показал, что предикторами устойчивости личности к социокультурным угрозам выступают хорошее настроение ($\beta = 0,208$; $p = 0,005$), позитивное социальное окружение ($\beta = 0,209$; $p = 0,003$) и удовлетворенность повседневной деятельностью ($\beta = 0,187$; $p = 0,007$) ($F = 18,27$; $p < 0,001$; $R^2 = 0,212$).

Таблица 13 – Корреляционные связи между шкалами опросника «Устойчивость личности к социокультурным угрозам» и шкалами опросника «Шкала субъективного благополучия» (Perrudel-Badoux, Mendelsohn, Chiche, адаптация М.В. Соколовой)

Шкалы	напряженность и чувствительность	психо-эмоциональная симптоматика	изменение настроения	значимость социального окружения	самооценка здоровья	удовлетворенность повседневной деятельностью
ИП	0,194*	0,318**	0,264**	0,342**	0,181*	0,237*
СИ	0,099	0,062	0,320**	0,298**	0,241**	0,247**
УВ	-0,029	-0,045	0,303**	0,208**	0,240**	0,270**

Примечание: уровень значимости * $p < 0,01$; ** $p < 0,001$

Проведенное нами исследование доминирующих механизмов информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам с использованием авторского опросника обосновано как теоретически, так и эмпирически. Развитие характерной для индивида информационно-психологической устойчивости определяется многими нормами и социальными установками и может быть связано в течение жизни с разнообразным поведением.

В дальнейшей экспериментальной работе опросник использовался для обоснования эффективности реализуемой в вузах программы формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам.

Выводы по второй главе

Таким образом, проведенное исследование оценки (восприятия) студентами вузов позволило выделить три группы социокультурных угроз: этно-культурные, асоциальные, когнитивно-коммуникационные. Предотвращению социокультурных угроз будет способствовать объективная оценка студенческой молодежью их потенциальности и реальности.

Установлено, что информационно-психологическая устойчивость студентов вуза к социокультурным угрозам имеет внешнюю (факторы социального риска) и внутреннюю (социокультурная идентичность, психосоциальное благополучие, лояльность, информационное поведение) детерминацию; ресурсами, способствующими формированию информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам, выступают историческое сознание, социальная толерантность, просоциальная направленность, критичность мышления.

Разработанный опросник «Устойчивость личности к социокультурным угрозам» направлен на изучение механизмов информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам: психологической защиты (шкала «Информационное поведение» – устойчивость к когнитивно-

коммуникационным рискам), самоидентификации и социальной толерантности (шкала «Социокультурная идентичность» – устойчивость к этно-культурным рискам), конформизма (шкала «Уважение к власти, коллективизм» – устойчивость к асоциальным рискам).

Глава 3 ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ К СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ УГРОЗАМ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

3.1 Методологическое обоснование программы формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза

Как показали многочисленные исследования, психологическая устойчивость как личностное качество формируется условиями жизни, опытом человека, ее можно целенаправленно развивать и тренировать. «Соответственно и информационно-психологическая устойчивость личности студента может формироваться в процессе обучения, воспитания, самореализации в цифровой среде и личностно-профессионального становления на этапе обучения в вузе» [130].

Остановимся на определении понятия «формирование» в педагогической психологии и педагогике. И.П. Подласый [141] в своем учебнике по педагогике отмечает, что формирование характеризуется достижением определенного уровня зрелости, законченностью человеческой личности. Формирование, также как и развитие личности обучающегося представляет собой целенаправленный и непрерывный процесс, в ходе которого осуществляется социальное становление, овладение качеств, способностей, необходимых для социального взаимодействия и профессиональной деятельности [68; 107; 212].

На основании вышесказанного «формирование у студента вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам определяется нами как целенаправленный педагогически управляемый

процесс развития и становления его как личности и субъекта образовательной деятельности; приобщения его к ценностям безопасности личности, общества, государства; приобретения им профессионально и личностно важных качеств по развитию умений, навыков обеспечения информационно-психологической безопасности. Данный процесс является одним из направлений социализации и социального воспитания личности» [130].

«Методологическую основу формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза составляют культурно-исторический, риск-ресурсный и субъектно-деятельностный подходы» [130].

«Культурно-исторический подход предполагает анализ особенностей цифровой социализации студенческой молодежи в условиях социокультурных изменений (А.Г. Асмолов, А.А. Нестерова, Г.У. Солдатова и др.) [130]».

«В соответствии с культурно-историческим подходом, цифровизация общества рассматривается как культурный процесс, способствующий порождению новых форм деятельности, культурных практик, феноменов, значений и смыслов» [82, С. 6]. В современном мире объем и скорость распространения информации стали одним из основных факторов окружающей действительности. Каждый человек является субъектом и объектом информационного воздействия [163]. Г.У. Солдатова использует термин «цифровая социализация» для описания процесса «овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн / онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» [161, С. 76]. «Цифровая среда влияет на когнитивное развитие, самосознание личности, эмоционально-волевою, мотивационную сферу, а также особенности межличностного взаимодействия» [82, С. 29].

По мнению академика Т.В. Черниговской, сейчас необходимо конвергентное образование, которое поможет научить детей жить в цифровом мире, разовьет навыки адаптации к постоянным переменам и умение верифицировать информацию, переобучаться и противостоять стрессу [190].

А.Г. Асмолов [13], констатируя невозможность достаточного прогнозирования для сохранности человека как системы в призме эволюционного развития. Автор заключает, что невозможно предопределить все риски и устранить их. Единственное возможное решение имеется в преадаптации как способности личности быть готовой, в когнитивном контексте, к любому из стечений обстоятельств. В противном случае возможно возникновение кризисов самоидентичности, проявляющихся в форме интолерантности к неопределенности вплоть до неophobia [119]. «Содержанием социокультурной идентичности как характеристики открытой саморазвивающейся системы выступает самоотождествление человека с социокультурным пространством, формирующееся в зависимости от характеристик социальной реальности и заключающееся в способности удерживать непрерывность своего Я в потоке пространственно-временных трансформаций социальной реальности» [62, С. 8].

«Риск-ресурсный подход предполагает выделение актуальных и потенциальных факторов социального риска нарушения информационно-психологической безопасности личности и общества и противопоставление им ресурсов, в качестве которых выступают социально-значимые личностные качества студентов (И.А. Баева, Д.А. Леонтьев, А.А. Обознов и др.)» [130].

«Факторы социального риска обоснованы П.А. Кисляковым с соавт. в качестве неблагоприятных детерминант, условий, порождаемых совместной деятельностью людей как членов общества, социальных групп, и увеличивающих вероятность или реальность наступления неблагоприятного события (потеря социокультурной идентичности, виртуальная аутизация,

психологическая напряженность и пр.) [92]. При этом факторы социального риска становятся рисками социализации подрастающих поколений [161; 249], провоцируя их при определенных обстоятельствах на деструктивные, асоциальные действия. В условиях современной социокультурной трансформации А.Н. Тарасов и Д.В. Катаев [172] наряду с институциональными и технологическими рисками выделяют личностные риски, связанные с особенностями развития подрастающего поколения под влиянием цифровизации» [86].

«Исследуя цифровую среду, авторы указывают на многочисленные риски социализации детей и молодежи [6; 161; 264; 267]. Среди них социальная изоляция и аутичность; утрата связи с реальной социальной средой, выраженной в утрате доверия, агрессивности, цифровом разрыве между поколениями; ухудшение психосоциального благополучия; потеря национальной и социокультурной идентичности; эгоцентризм, выраженный в ориентации исключительно на собственные интересы и потребности и пр. [82, С. 30].

Как отмечает И.А. Баева с соавторами, «психологическая устойчивость в целом рассматривается как сложное качество личности, синтез отдельных качеств и способностей; устойчивость поддерживают внутренние (личностные) и внешние (социальная поддержка) ресурсы» [22, С. 130].

«Ресурсы, как предмет психологического исследования и ресурсный подход используются при оценке способности субъекта удовлетворять требованиям среды, при наличии внешних и внутренних ограничений. К ресурсам относятся личностные ресурсы педагогов и обучающихся, организацию образовательного процесса и ресурсы социальной среды» [16, С. 47]. А. А. Маленов, анализируя работы Д. А. Леонтьева, А. А. Обознова, К. К. Платонова, Е. А. Сергиенко, С. А. Хазовой отмечает, что «ресурсы являются достаточно объемным и многогранным феноменом, объединяя субъекта с миром через соединение внутренних предпосылок и внешних условий эффективного поведения и деятельности» [121, С. 32].

Л.А. Гаязова на основе обзора литературных источников отмечает, что «к внутренним ресурсам относятся следующие личностные особенности: ориентация на цели, выводящие личность за пределы ситуации и личных интересов (нравственные ценности); особенности эмоционально-физиологической реактивности; социально-психологические особенности личности; особенности интеллекта; опыт удачных/неудачных попыток совладания; отношения личности; сознание (вера, принадлежность к группе и пр.); эмоции и чувства; опыт поведения и деятельности; доминирование определенных черт характера; равновесие эмоциональной сферы; адекватность отражения окружающей действительности (познавательная сфера); тип нервной системы» [22, С. 128].

Личностные ресурсы, по мнению Л.В. Куликова, «делятся на отношения личности, ее сознание, эмоции и чувства, познание и опыт, поведение и деятельность. Отношения личности: оптимистическое и активное, философское отношение к жизненной ситуации, уверенность и открытость в общении, терпимость, чувство общности, удовлетворенность статусом и социальной ролью, высокая самооценка, согласованность Я-концепции. Сознание личности: вера в различных формах, экзистенциальная определенность, осознание принадлежности к группе установка на распоряжение жизнью. Эмоции и чувства: доминирование стеничных позитивных эмоций, переживание успешности самореализации, эмоциональное насыщение от межличностного взаимодействия. Познание и опыт: понимание и прогнозирование жизненной ситуации, рациональная их интерпретация, адекватная оценка своих ресурсов, структурированный опыт преодоления трудных ситуаций. Поведение и деятельность: активность, использование активных способов преодоления трудностей» [108].

Проведенный нами анализ показал, что психологическими детерминантами развития информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам выступают социокультурная идентичность, информационное поведение и психологическое благополучие.

При этом социокультурные угрозы (факторы риска) цифровой среды могут нивелироваться с помощью формирования соответствующих личностных ресурсов: историческое сознание, просоциальная направленность, критичность мышления, социальная толерантность.

Проведенное нами исследование позволило выделить три группы социокультурных угроз цифровой трансформации общества: когнитивно-коммуникационные, этно-культурные, асоциальные. С целью нивелирования каждой группы угроз, необходимо формирование информационно-психологической устойчивости личности за счет развития соответствующих нивелирующих личностных ресурсов (таблица 14).

Социокультурная идентичность общества во много определяется восприятием истории. Стратегия Национальной безопасности РФ к числу задач обеспечения социокультурной (духовной) безопасности относит «защиту исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории».

Социокультурный кризис российского общества находит свое отражение в историческом сознании общества в целом и особенно подрастающего поколения. При трансформации исторического сознания возникает угроза потери обществом своей социокультурной идентичности, раскола общества, переоценки ценностей исторического прошлого, фактов и явлений, утрачиваются культурные и исторические традиции [56]. В последние годы наблюдаются факты манипуляции с историческим сознанием, искажения трактовки исторических событий (исторические события советского периода, события Второй мировой войны и Победа СССР в Великой Отечественной Войне, национальные символы, образ России и ее правителей и пр.), что подрывает социальную стабильность и представляет социокультурную угрозу.

Таблица 14 – Личностные ресурсы, нивелирующие социокультурные угрозы цифровой трансформации общества

Группа угроз	Нивелирующий личностный ресурс	Показатели сформированности личностного ресурса
этно-культурные	историческое сознание	<ul style="list-style-type: none"> – самоотождествление себя с социальной, культурной и этно-территориальной общностью и её традициями и историей; – самоидентификация личности со своей Родиной и ее историческим прошлым;
	социальная толерантность	<ul style="list-style-type: none"> – здоровые психологические границы в цифровой среде; – толерантность к неопределённости и адекватная открытость новому, принятие разнообразия;
когнитивно-коммуникационные	критичность мышления	<ul style="list-style-type: none"> – эмоциональная саморегуляция; – умение работать с информацией (выявление главного, критичность к информации, аргументация и пр.); – избегание когнитивных искажений; – умение распознавать манипуляции; – налаживание конструктивных социальных связей и онлайн-коммуникации; – личностная устойчивость к виртуальной аутизации;
асоциальные	просоциальная направленность	<ul style="list-style-type: none"> – лояльность личности к отождествляемой с собой общности; – направленность к соблюдению социальных и культурных норм, правил поведения и общественного порядка, принятых в отождествляемой с собой общности; – ориентация на общее благо, оказание бескорыстной помощи другим людям в кризисных ситуациях

А.А. Гостев подчеркивает значимость осмысления образцов культурногенетической памяти группового субъекта и указывает на необходимость наличия в обществе связи как минимум трех поколений, хранящих культурно значимое прошлое (на 100-200 лет назад) и субъективно реальное обозримое будущее [45]. «Историческая память объединяет народ, позволяет понимать происходящее, позволяет не теряться в исторических

событиях, формирует личность, сопричастную выполнению общих исторических целей» [45, С. 238].

Т.В. Грачева говорит о «памяти русской души», как об особом виде памяти, связанном со способностью к запоминанию, сохранению и воспроизведению духовной информации, передающейся от поколения к поколению [48]. Утрата исторической памяти является психологической проблемой, поскольку порождает общую расслабленность человека во всех сферах психики, социальный пессимизм, чувство обреченности [45].

А.А. Линченко рассматривает историческое сознание как набор опытов применения ценностных принципов к различным историческим проблемам, что является важной базой формирования толерантности к неопределенности в эпоху турбулентной трансформации глобального общества [113].

В педагогике и психологии высшего и общего образования историческое сознание рассматривается как необходимый результат патриотического воспитания детей и молодежи, а также социогуманитарного образования.

А.В. Шепет отводит историческому сознанию роль фундамента патриотического воспитания, способного укреплять, транслировать и поддерживать самоидентификацию личности со своей Родиной, что является важным аспектом в условиях современной трансформации социальных и политических институтов [198].

Т.В. Рязанцева рассматривает историческое сознание как фундамент нравственно-психологической самоидентификации в сегодняшнем социогуманитарном знании [150].

А.А. Сидельников заключает, что формирование исторического сознания посредством контролируемого информационного поля общественных дискуссий, позволит осмыслить историю страны и закрепить государственное видение прошлого, формируя общественный консенсус на острые вопросы [156].

Т.Е. Хорольской разработана модель формирования исторического сознания будущих сотрудников ОВД в системе учебно-воспитательного процесса, служебно-боевой подготовки и самовоспитания. Методика формирования исторического сознания раскрывается в программе, включающей мероприятия согласно историческим, государственным и профессиональным датам, событиям и традициям» [186].

К.А. Абульханова, выступая в июне 2022 года на круглом столе «Научная и социокультурная проблема личности», отметила, что «необходимым качеством современной личности является позиция толерантности как устойчивости к трудностям и противоречиям. Толерантность есть этап на пути к взаимодоверию как источнику социального и психологического благополучия общества» (http://xn--n1abc.xn--plai/news/news_rpo/unit/10213).

А.Г. Асмолов в своих работах подчеркивает необходимость формирования толерантных установок для обеспечения полноценной гармоничной жизни человека, разных социальных групп и человечества в целом в изменяющемся мире [12]. Формирование социальной толерантности рассматривается как способ управления социокультурными рисками ксенофобии и экстремизма [87; 162]. Т.Д. Марцинковская и Н.С. Полева отмечают, что «взаимодействие между людьми разных культур в условиях глобализации приводит к необходимости формирования у людей толерантности к мультикультурному окружению... Толерантность к изменчивости и неопределенности, так же как и потребность в понимании языка и культуры других людей, является одним из важнейших факторов, снижающих напряженность» [125, С. 25].

В психологии личности и социальной психологии толерантность личности характеризуется принятием другого человека (его мнения, образа жизни, характера поведения и пр.), стремлением понять его и позитивно взаимодействовать с ним, проявлением интереса к другому, проявлением сочувствия и сострадания к другому, отказом от агрессии, признанием

«ценности многообразия человеческой культуры» [11; 158]. В контексте цифровой социализации актуальной является проблема формирования социальной толерантности в цифровой среде. Информационно-психологическая безопасность для современного молодого поколения рассматривается сквозь призму понимания сопричастности, открытости психологических границ «Я» в онлайн-коммуникации при взаимодействии с внешним миром, благодаря чему реализуется неразрывность связи человека и социума [94].

«Разработка психолого-педагогических аспектов в формировании у молодежи социальной толерантности может сыграть значительную роль в социализации личности, выполняя ряд важных функций: профилактика, коррекция, ориентация в социальных условиях жизни, гуманизация отношений с окружающим миром, снижение количества рисков и опасных ситуаций социального происхождения» [87, С. 7].

Сегодня наблюдается рост интереса к проблеме сопротивления информационно-психологическим воздействиям на основе принципа активности субъекта противодействия психоманипуляциям [45; 47]. На Всемирном экономическом форуме (Давос, 2018) критическое мышление, было определено третье по значимости среди необходимых навыков для работы в XXI веке. Поскольку критическое мышление часто считается одной из ключевых компетенций для жизни и работы, неудивительно, что важность развития критического мышления подчеркивается, когда речь заходит об образовании. Образовательные стандарты высшего образования к универсальным компетенциям выпускника относят компетенцию поиска, критического анализа и синтеза информации на основе критического и системного мышления.

Критическое мышление – это больше, чем навыки аргументации, это сложный метакогнитивный процесс, который благодаря целенаправленному, саморегулирующемуся рефлексивному суждению, навыкам анализа, оценки и вывода, а также склонности к мышлению увеличивает шансы на

логическое завершение аргументации или решение проблемы [229; 230]. Критическое мышление включает в себя ряд различных навыков, таких, как решение проблем, принятие решений, рассуждение и оценка на основе определенных критериев. Критическое мышление также связывается со способностью взвешенно подходить к переработке и потреблению информации.

А.А. Гостев к факторам развития критичности к поступающей информации относит мотивацию, когнитивные способности человека, его осведомленность о проблеме [45].

Проведенные исследования позволили установить, что когнитивное ядро критического мышления включает независимость, гибкость ума и смелость, наблюдательность и настойчивость, готовность к самопознанию, метапознанию и планированию, уверенность в силе ума [220]. Критическое мышление становится чертой определенных личностей и на ее развитие уходят годы.

Высшие учебные заведения должны готовить специалистов таким образом, чтобы они могли стимулировать рефлексию над аффективными аспектами. Стратегии обучения должны способствовать приобретению творческих, активных и прикладных знаний, а также развитию критического мышления [217].

В настоящее время существует два подхода к концептуализации критического мышления в дисциплинах высшего образования. Согласно первому – критическое мышление является универсальной и, следовательно, переносимой из одной области в другую; второй подход указывает на то, что критическое мышление является предметно-специфичным и задачи развития критического мышления решаются в рамках специальных дисциплин (например, при обучении финансовому учету, сестринскому делу, экологии, иностранному языку, юриспруденции, робототехнике и пр.). Есть опыт развития критического мышления при обучении междисциплинарным курсам.

Высшей школой экономики, на базе Школы философии и культурологии, разработан курс «Критическое мышление», который нацелен на развитие логической культуры студентов, развитие у них навыков критического мышления и обоснованного рассуждения; даёт базовые логические знания, формирует умение вести аргументированную дискуссию, построения выводов, распознавания логических ошибок (<https://www.hse.ru/edu/courses/492547640>).

Учебным центром «Специалист» при МГТУ им. Н.Э. Баумана разработана и реализуется программа «Развитие критического мышления», цель которой состоит в формировании навыков критического мышления, поиска, отбора и получения информации из необходимых источников, оценки объективности предлагаемых фактов и ситуаций (<https://www.specialist.ru/courses>).

Международным сервисом онлайн-образования «Яндекс Практикум» разработан и реализуется курс «Критическое мышление: анализ информации, аргументация и принятие решений», в котором упор ставится на изучении теории о работе мозга и когнитивных искажениях, обучении работе с информацией (развитие навыка определения проблемы, распознавания и противодействия манипуляционному влиянию) и отработке практических навыков в рамках организованных воркшопов (<https://practicum.yandex.ru>).

Заведующая кафедрой педагогического образования Бухарестского университета D. Dumitru утверждает, что наибольшим ресурсом развития способности к критическому мышлению обладают гуманитарные науки: философия, история, культурология и др. Автор пишет: «Изучайте философию, потому что она представляет собой воплощение критического мышления. Изучайте литературу, потому что она учит интерпретации, анализу и аналитичности. Изучайте историю, потому что вы научитесь пытливости и оценке. Изучайте археологию, потому что вы разовьете в себе искание истины и систематичность. Изучайте искусство, потому что вы обретете открытость, уверенность в себе и познавательную зрелость.

Познавайте культуuroлогию, и у вас будут навыки объяснения и саморегуляции» [228, С. 872].

Основы критического мышления пронизывают всю историю философского знания. Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Рене Декарт, Томас Гоббс, Джон Локк, Иммануил Кант в своих трудах развили то, что можно назвать критическим мышлением, а именно идеи о том, что рассуждения о предмете должны быть рациональными и системными. В XX веке издается большое количество философских работ с такими названиями, как «Критическое мышление», «Аргументация», «Неформальная логика». Джон Дьюи в своей книге «Как мы думаем» (1909) описывает критическое (рефлексивное) мышление как активный, внимательный и настойчивый процесс учета мнения или любой другой формы знания в свете доказательств, которые поддерживаются человеком. Согласно концепции Питера Фационе (1990), критическое мышление представляет собой процесс целенаправленного, саморегулирующегося суждения, уделяющего внимание доказательному, концептуальному, методологическому, критериальному или контекстуальному рассмотрению, на котором оно основано. В последующем участники дискуссионной группы Делфи, которой руководил Фационе, описывают критическое мышление через следующий набор навыков и склонностей: анализ, интерпретация, оценка, умозаключение, объяснение, саморегуляция. Таким образом, изучение философии может стать универсальной базой развития критического мышления у студентов всех направлений подготовки.

Таким образом, в современных условиях социокультурной трансформации возникает необходимость обучения студентов анализу получаемой информации, ее критическому осмыслению на основе нравственных и культурных ценностей. «Развитию критического мышления и освобождению сознания от «информационной слепоты», могут способствовать приобщение к гуманитарному образованию, а также

творческое отношение к жизни и профессиональной деятельности» [140, С. 230].

Стратегия Национальной безопасности РФ к числу задач обеспечения социокультурной (духовной) безопасности относит «развитие коллективных начал российского общества, поддержку социально значимых инициатив, в том числе благотворительных проектов, добровольческого движения». «В условиях современного общества, когда глобальные социальные, экономические, политические и культурные изменения, затрагивающие все более широкие слои населения, формируют ориентацию людей на экономические ценности, актуальной социальной потребностью становится воспитание личности, ориентированной на добровольничество и бескорыстное служение обществу, имеющей альтруистические мотивы и просоциальную направленность» [93, С. 57].

Просоциальное поведение обусловлено социокультурными нормами, нравственными и этическими нормами, моральной идентичностью [196; 233; 256; 261]. Исследование, проведенное В.В. Гриценко и Ю.В. Ковалевой, позволило выявить «прямую взаимосвязь между просоциальным поведением и ценностями традиционализма: ценности уважения и поддержания обычаев, принятие и признание идей, существующих в культуре» [49, С. 56].

Просоциальное поведение и волонтерство способствует обеспечению психологической безопасности личности [254; 271; 275]. Исследование, проведенное В.В. Гриценко и Ю.В. Ковалевой, позволило выявить положительную взаимосвязь между различными видами просоциального поведения и ценностями безопасности (ценности стабильности, безопасности и гармонии общества, семьи и самого индивида) [49]. Исследования, проведенные П.А. Кисляковым и Е.А. Шмелевой, также позволило установить взаимосвязь между просоциальной направленностью личностью и ее ориентацией на нормы безопасности, лояльности и уважения власти [93].

«Просоциальный потенциал волонтерства позволяет рассматривать его важным фактором социальной солидарности и безопасности общества.

А.В. Кисиленко [79] в качестве основы формирования солидарного сознания, активной гражданской позиции молодежи, специфической формы самоорганизации, способствующей осознанию пределов и возможностей саморегулирования в условиях нарастания неопределенности и риска, интенсификации и углублению процессов развития гражданского общества» [93, С. 58]. «Исследователями установлено, что волонтерство способствует формированию просоциальных жизненных стратегий, успешному построению межличностных взаимоотношений, является источником социальных связей, интересного досуга, а также дает основу для профессионального становления» [93, С. 59]. Обобщая обзор исследований [29; 90; 135; 188], П.А. Кисляков с соавт. установили, что «добровольческая деятельность является действенной формой и практикой формирования гражданской, социальной технологией развития гражданской позиции и просоциальной активности личности, а просоциальное поведение – одним из факторов социально-психологической безопасности и устойчивости личности» [93, С. 60]. Создание просоциального медиаконтента, а также участие в цифровом волонтерстве может стать действенной технологией личностно-профессионального развития студентов, обеспечения их информационно-психологической безопасности, а также предупреждения социокультурных угроз цифровой социализации [201].

«Субъектно-деятельностный подход (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, В.А. Бодров, И.А. Зимняя, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко и др.) определяет направленность образовательного процесса и психологического сопровождения на актуализацию у студентов осознания своей социокультурной идентичности, познавательной и деятельностной активности, в том числе в цифровой среде; предполагает личностно-профессиональное развитие студента как активного, самостоятельного деятеля за счет выбора предпочитаемого механизма информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам» [130].

Деятельностный подход был описан в работах А.Н. Леонтьева [112] и

С.Л. Рубинштейна [148]. В работах данных авторов человек рассматривался как субъект деятельности, который, развиваясь в процессе деятельности, определяет дальнейший характер этой деятельности.

Субъектно-деятельностный подход интенсивно развивается в теоретических работах К.А. Абульхановой [3], А.В. Брушлинского [30], А.Л. Журавлева [64], В.В. Знакова, Е.А. Сергиенко [155] и др. «Центром концептуальной схемы анализа психологии является человек как субъект деятельности, общения, отношения и переживания. На каждом этапе своего развития субъект выступает носителем системных психических явлений (процессов, состояний и свойств), раскрывающихся в его взаимодействии с миром» [64].

«Сущность деятельностного подхода заключается в следующих положениях:

- деятельность является главным источником формирования личности и фактором ее развития;
- в процессе активной деятельности личность овладевает содержанием социально-профессионального опыта, накопленного человечеством;
- в образовании позволяет рассмотреть особенности деятельности педагога и обучающихся в их взаимодействии» [85; 155].

«В педагогической психологии деятельностный подход был описан И.А. Зимней. Автор указывает, что обучающийся развивается как субъект деятельности с помощью средств и методов учебной деятельности, определяет характер этой деятельности и общения [68]. «При помощи субъектно-деятельностного подхода в обучении решается задача создания условий для развития гармоничной, нравственно-совершенной, социально-активной, профессионально-компетентной и саморазвивающейся личности» [85, С. 197].

На основании субъектно-деятельностного подхода студент

рассматривается нами как субъект совершенствования и самосовершенствования, обусловленных учебной и социальной деятельностью и образовательными технологиями [3; 30; 77; 195].

Субъектно-деятельностный подход применительно к формированию информационно-психологической устойчивости личности студента направлен на становление и иреализацию способов безопасного информационного поведения. Нами исследуется реальный процесс взаимодействия студента с цифровой средой. На основе субъектно-деятельностного подхода разрабатывались кейс-задания по анализу и созданию информационных ресурсов.

Социально-психологическое воздействие виртуальной среды на социализацию личности неоднозначное. С одной стороны дети и подростки подвержены психологическим, криминогенным, социокультурным интернет-рискам, с другой – интернет расширяет коммуникационные возможности, социальный капитал, возможности в обучении, самопрезентации и групповой принадлежности. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года в числе приоритетных задач ставит расширение возможностей информационных ресурсов в целях воспитания и социализации детей, а также воспитание у детей умений совершать правильный выбор в условиях возможного негативного воздействия информационных ресурсов. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, актуализируя проблему деструктивного информационного воздействия на молодежь (14-30 лет), указывают на необходимость формирования информационного поля, благоприятного для развития молодежи, и повышения культуры информационной безопасности.

Таким образом, на государственном уровне прослеживаются два направления содействия позитивной цифровой социализации. В научной литературе данные направления составляют концепции «защитного образования» (предохранительное от деструктивных манипулятивных

воздействий виртуальной среды) и «аналитического образования», связанного с развитием субъектной позиции в виртуальной среде, удовлетворением потребностей в коммуникации и информационном обмене, формированием критического мышления, медиаграмотности и пр.

Н.В. Калинина отмечает, что «реализация данного подхода предполагает организацию взаимодействия педагогов, обучающихся в ходе совместной активной практической или исследовательской деятельности, направленной на выявление возможностей и рисков использования Интернета обучающимися, а также на разработку и последующую реализацию на этой основе приемов, средств и способов профилактики обнаруженных рисков. Это может быть работа кибер-дружин, отслеживающих появление рисков и угроз и ведущих с ними борьбу; работа исследовательских коллективов и групп, изучающих интернет-риски и угрозы и средства их преодоления; реализация профилактических программ в рамках волонтерского движения «равный – равному» и т.п.» [78, С. 92].

«S.A. Davis [225] в контексте данного подхода, решая задачи профилактики интернет-рисков, связанных с вовлечением детей и подростков в экстремистские и иные опасные группы и сообщества, указывает на необходимость воспитания глобальной гражданственности, которое сосредоточено на формировании знаний, навыков, ценностей и жизненных установок в интересах активного участия в мирном и устойчивом развитии общества. Воспитание глобальной гражданственности означает выработку уважения к правам человека, социальной справедливости, гендерному равенству и экологической устойчивости, которые являются основополагающими ценностями, способствующими укреплению мира и противодействию насильственному экстремизму [78, С. 85].

М.И. Рожков и Л.В. Байбородова отмечают, что «для воспитания свободного человека большое значение имеет использование информационных технологий, которые способствуют самоутверждению и саморазвитию ребенка на основе реализации им субъектной позиции в

виртуальном пространстве в условиях развивающегося сетевого общества» [147, С. 180]. Действительно, интернет-среда дает свободу человека, открывая возможность получить доступ к информации, высказать свое мнение и пр. Но стоит учитывать при этом и риски распространения запрещенного контента, вступления в асоциальные группы, деформации идентичности (этнической, религиозной, гражданской и пр.) [74; 81].

Онлайн-коммуникация становится отдельной зоной обыденного, перенимает часть специфических черт очного межличностного общения и привносит свои. Одной из главных черт коммуникации в цифровом пространстве является минимизация барьеров и сдерживающих факторов общения, большая раскованность и вседозволенность в проявлении эмоций, личностных позиций и ценностных установок [83].

Несдерживаемый традиционными для общения нормами анонимизированный субъект интернет-коммуникации транслирует весь спектр как приемлемых, так и недопустимых в обществе проявлений ценностных установок. Проявление деструктивных ценностных установок и вовлечение в них личностно незрелых представителей молодого поколения, активно вовлеченных в интернет-среду, ставит перед обществом, и, в частности, перед системой образования задачу нивелирования подобного феномена. Исследователи выдвигают различные предложения и модели по решению данной задачи, в частности ставя вопрос о необходимости формирования различных видов психологической устойчивости.

На основе проведенного анализа к определению психологических детерминант, механизмов, личностных ресурсов информационно-психологической безопасности личности к социокультурным угрозам нами разработана психологическая модель данного конструкта (рисунок 5).

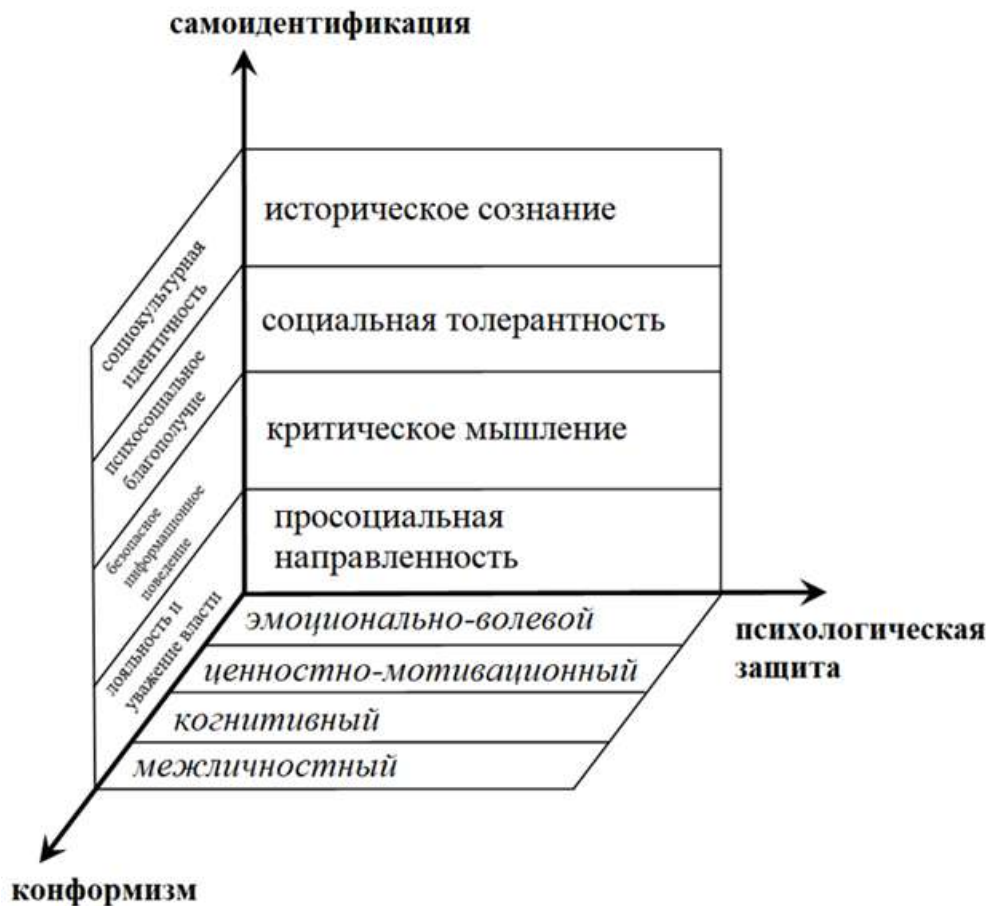

Рисунок 5 – Психологическая модель формирования информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам

В модели формирование информационно-психологической безопасности личности к социокультурным угрозам осуществляется за счет формирования нивелирующих личностных ресурсов (историческое сознание, социальная толерантность, просоциальная направленность, критичность мышления), обеспечивающих психическое развитие (эмоционально-волевой, ценностно-мотивационной, когнитивной, межличностной сфер) и развитие психологических детерминант (психосоциальное благополучие, социокультурная идентичность, безопасное информационное поведение, лояльность и уважение власти), задействуя один или несколько психологических механизмов – векторов (самоидентификации и социальной толерантности, конформизма, психологической защиты), с целью личностно-профессионального становления и позитивной социализации.

Представленные компоненты модели взаимообусловлены и функционируют в тесной взаимосвязи.

На основании подходов Г.П. Вербицкой и Н.В. Соловьевой [31] мы определяем формирование информационно-психологической устойчивости студентов к социокультурным угрозам как психолого-педагогический процесс проектирования и реализации адекватной потребностям личности и общества системы личностно-профессионального развития и социализации, состоящий из специальным образом сконструированных дидактических, психологических и информационных действий субъектов образования.

Опираясь на положение А.Н. Леонтьева [112] о том, что «развитие всех психических качеств человека проходит ряд постепенных этапов», а также на принцип В.В. Давыдова [51] о «постепенности фаз профессиональной адаптации личности» нами выявлено четыре этапа формирования информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам, с учетом того, что каждый из предлагаемых нивелирующих личностных ресурсов (историческое сознание, социальная толерантность, критичность мышления, просоциальная направленность) должен формироваться поэтапно, стимулируя последующий.

Результаты теоретического и эмпирического анализа изучаемой проблемы позволили нам спроектировать психолого-педагогическую модель формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам студентов вузов (рисунок 6).

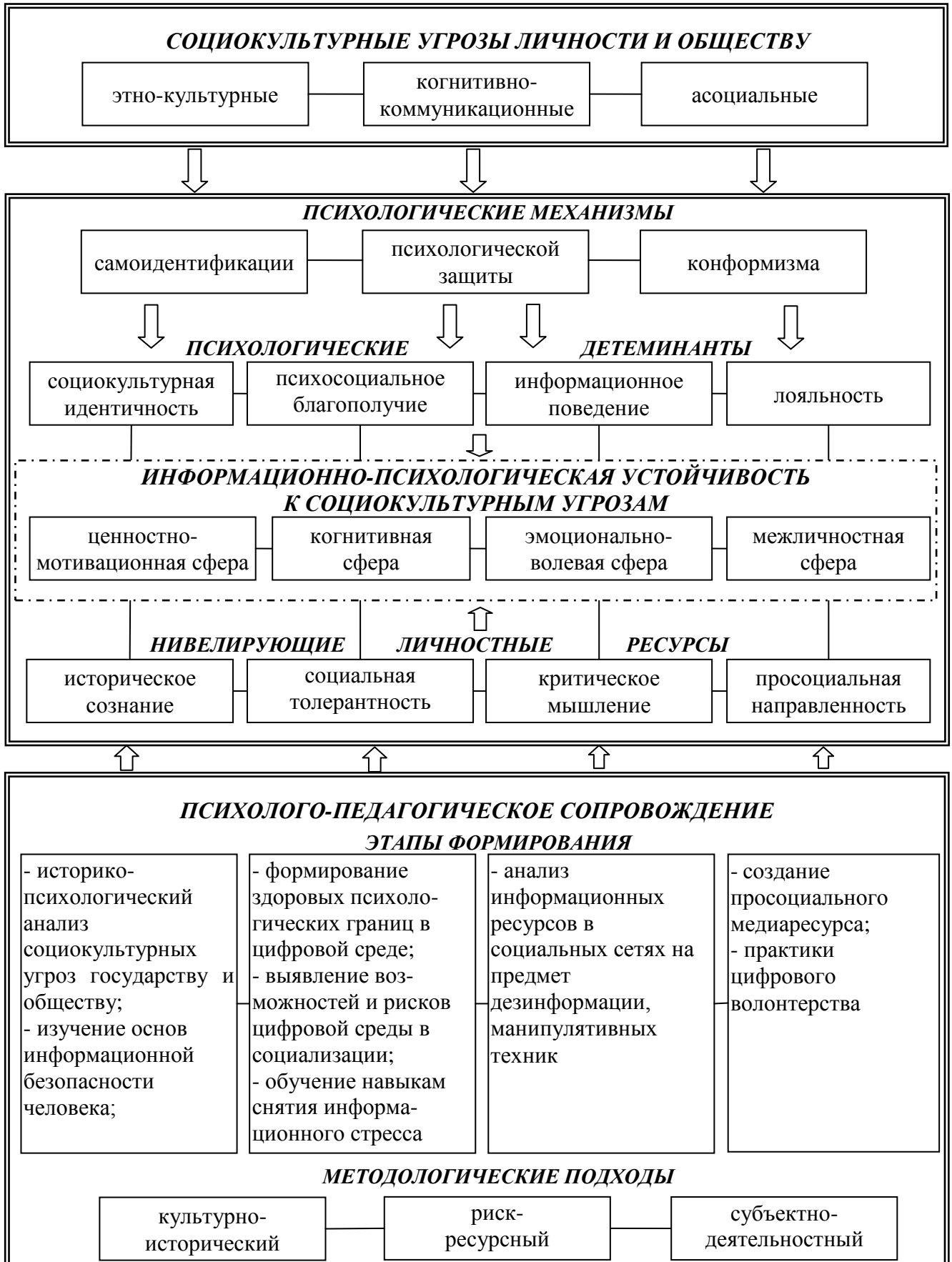

Рисунок 6 – Психолого-педагогическая модель формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам студентов вузов

Модель ориентирована на сбалансированное функционирование процесса формирования информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам на основе риск-ресурсного, культурно-исторического и субъектно-деятельностного подходов и состоит из следующих компонентов: средового, отражающего социокультурные угрозы личности и обществу (факторы социального риска); целевого, отражающего результат формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам, выраженного в развитии ценностно-мотивационной, эмоционально-волевой, когнитивной, межличностной сфер; субъектного, определяющего психологические механизмы, детерминанты и личностные ресурсы информационно-психологической устойчивости, а также особенности информационного поведения студентов в цифровой среде; психолого-педагогического, содержащего описание методологических основ и этапов технологии формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам.

3.2 Программа и технологии формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза

На основе результатов констатирующих экспериментов (пп. 2.1, 2.2, 2.3) нами сделан вывод о необходимости разработки и внедрения психолого-педагогической программы формирования информационно-психологической устойчивости студентов к социокультурным угрозам.

«Цель программы формирования информационно-психологической устойчивости у студентов вуза заключается в развитии личностных ресурсов, нивелирующих социокультурные угрозы» [129].

В основу реализации программы положена идея об этапности формирования предлагаемых нивелирующих личностных ресурсов: каждый

личностный ресурс формируется поэтапно, опираясь на предыдущий и стимулируя последующий (рисунок 7).

Психолого-педагогическое сопровождение программы реализуется в диагностическом, формирующем и закрепляющем направлениях.

Рисунок 7 – Этапы формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным рискам студентов вуза

Задачи диагностического направления:

- «выявить особенности ощущения субъективного благополучия;
- определить особенности социокультурной идентичности;

– оценить уровень выраженности уважения к традициям, правилам общественного порядка, а также преданность (лояльность) социальной группе;

– оценить медиаграмотность и критичность мышления в отношении информации, размещенной в интернет-ресурсах;

– выявить возможные нарушения онлайн-коммуникации, проблемы самоидентификации, низкую продуктивность и эффективность социальных контактов, обусловленных чрезмерным использованием социальных сетей (виртуальная аутизация)» [129].

Формирующий компонент включает следующие направления:

– психодидактическое сопровождение образовательной области «информационно-психологическая безопасность», «социокультурная идентичность», «цифровая социализация»;

– психолого-педагогическое обеспечение воспитательной работы со студентами в области профилактики социокультурных угроз и медиаобразования.

Задачи формирующего направления:

– «сформировать здоровые психологические границы, адекватную открытость новому в цифровой среде;

– сформировать навык эмоциональной саморегуляции в онлайн-коммуникации;

– сформировать навык умения работать с информацией в цифровой среде;

– сформировать навык рефлексии, осознанности и самоидентификации себя с социальной, культурной и этно-территориальной общностью и её традициями, просоциальную направленность;

– сформировать уважение к власти, культурным традициям, правилам поведения и общественному порядку» [129].

Задача закрепляющего направления:

- «закрепить навык критичности к воспринимаемой информации;
- выявить проблемные точки, работы с аргументацией, умения распознавать и противодействовать манипуляции, избегания когнитивных искажений и пр.» [129].

Этапы разрабатываемого нами психолого-педагогического сопровождения программы имеют следующее содержание.

«I этап – формирование мотивации и знаний в области обеспечения информационной и социокультурной безопасности человека. На этом этапе происходит актуализация социокультурной идентичности студентов посредством развития исторического сознания и когнитивной безопасности на основе проводимого ими историко-психологического анализа социокультурных угроз государству и обществу. Не все студенты считают важным предупреждение социокультурных угроз цифровой трансформации общества. И если мы ведем речь о ценности личной и общественной безопасности, то должны найти способ доказать эту ценность студентам в образовательном процессе. Следует учитывать, что для воздействия на спектр ценностей студентов, недостаточно сообщать им готовые представления о ценном, раскрывать объективную значимость тех или иных форм жизнедеятельности, явлений, отношений. Необходимо, чтобы ценностные представления наполнялись личностным смыслом, верифицировались, превращались в проверенную личным опытом мотивацию поведения [33; 85]. Формирование мотивации и потребности в информационно-психологической безопасности и сохранения социокультурной идентичности должно происходить путем непрерывного развития аксиологической и потребностно-мотивационной сферы студентов на каждом этапе усвоения новых знаний и во внеаудиторное время. Особое внимание необходимо уделять самоанализу исторического сознания, социокультурных потребностей [168; 205] и духовных ценностей» [130].

«Теоретическая часть данного этапа включает проведение лекционных занятий, построенных на основе проблемного обучения, в рамках учебного

модуля «Информационно-психологическая безопасность личности» дисциплин «Психология развития» и «Социальная психология», цель которого формирование понимания важности мирного и созидательного сосуществования членов общества, представлений о сущности социокультурных угроз и их деструктивного влияния на социокультурную идентичность личности» [130].

«Проблемное обучение – заключается в том, что знания и способы деятельности не преподносятся в готовом виде, материал не дается, а задается как предмет поиска. Весь смысл обучения заключается в стимулировании поисковой и научно-исследовательской деятельности студента [85; 269]. В учебном процессе используются методы, активизирующие познавательную деятельность студентов: анализ социальной практики, анализ нормативных источников (доктрин, стратегий, федеральных программ)» [82, С. 147]. Студенты изучают и анализируют работы ведущих психологов, философов, культурологов, историков, посвященных психоисторической войне, духовной безопасности, историческому сознанию, и его роли в обеспечении национальной безопасности российского общества и психологической устойчивости личности (А.Л. Журавлев и др. «Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований», М.И. Воловикова «Представления русских о нравственном идеале», А.Л. Журавлев и др. «Нравственность современного российского общества: психологический анализ», В.Е. Лепский «Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике)», В.А. Кольцова и др. «Историогенез и современное состояние российского менталитета», Т.П. Емельянова «Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход», М.И. Воловикова и др. «Духовно-нравственные проблемы современной личности», А.И. Фурсов «Психоисторическая война. Скрытые субъекты глобального управления и фальсификация истории», Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин «Психоисторическое противостояние запада и

России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты» и др.).

«Практическая часть включает интерактивные упражнения в формате диспутов, посвященных анализу и обсуждению дихотомично выстроенных тезисов о социокультурных угрозах и способах противодействия им» [129].

Также проводятся внеаудиторные занятия дискуссионного клуба «Психологическая и информационная безопасность личности и общества». В рамках клуба студенты готовили сообщения на студенческих научных конференциях («Технологии обеспечения психологической и информационной безопасности личности и общества» в рамках Международного Студенческого форума, «Сохранение и развитие культурного и образовательного потенциала Ивановской области», «Социальные явления от зарождения до устойчивых: взгляд со стороны студента»), а также обсуждали доклады ведущих ученых, представленных на тематических научных конференциях (Моисеевские чтения (2019-2022 гг.: «Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения», «Россия в XXI веке: Великая Отечественная война и историческая память», «Россия в XXI веке: образование как важный цивилизационный институт формирования и развития российской культурно-исторической идентичности»; «Психологическая оборона. Информационное противоборство в условиях ментальной войны» в рамках Международного военно-технического форума «Армия-2021» и др.).

«II этап – снятие информационного стресса и осознание психологических границ собственного «Я», включая выход за их пределы при взаимодействии в цифровой среде [94], обеспечивающих устойчивость к отличным от традиционных взглядам, адекватную открытость новому и принятие разнообразия (психологический тренинг); содействие в выявлении возможностей и рисков цифровой трансформации общества и социализации (мозговой штурм, дискуссия), обучение навыкам снятия информационного стресса (психологический тренинг)» [130].

Для проработки осознанности собственных психологических границ используется арт-терапевтическая методика «Я и другие», в которой, при помощи разных средств визуализации, обучающемуся предлагается изобразить как его окружение отличается от него и в каких аспектах эти различия необходимо учитывать для оптимального взаимодействия.

«В теоретической части данного этапа рассматривается важность психосоциального благополучия и влияние на него деструктивной информации, в том числе в контексте рисков виртуальной аутизации. Практическая часть этапа затрагивает следующие практические кейсы: эмоции, их влияние на принятие решений и эмоциональная саморегуляция в онлайн-коммуникации, информационный стресс, инфодемия, социальный капитал цифровой среды и др.» [129].

В рамках обучения аутотренингу по снятию информационного стресса, студентам предлагаются техники, развивающие осознанность «здесь и сейчас», в рамках гештальт-подхода психологического консультирования:

- Что чувствую я в данный момент, воспринимая ту или иную информацию?
- Как влияет на мое эмоциональное состояние воспринимаемая мною сейчас информация?
- Зачем мне «здесь и сейчас» эта информация и для чего мне её подобное влияние на мое эмоциональное состояние?
- Что необходимо сделать мне «здесь и сейчас» для улучшения (или восстановления) моего эмоционального фона (прервать «контакт» с информацией, найти ей альтернативу и т.п.)?

III этап – развитие критичности мышления.

Современное поколение студентов активно использует технологии и имеет доступ к информации в любое время. Эффективное использование информации невозможно без навыков критического мышления [97; 241]. «Теоретическая часть данного этапа включает изучение следующих тем:

виды когнитивных искажений и противодействие им; алгоритмы работы с информацией (критичность к воспринимаемой информации, выявление проблемных точек, анализ и подбор аргументации); манипуляции, их виды и способы противодействия. На занятиях анализируются работы, посвященные психологии манипуляции (С.Г. Кара-Мурза «Манипуляция сознанием», Е.Л. Доценко «Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита», А.А. Гостев «Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты», Г.В. Грачев «Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия»)) [129].

Практическая часть этапа включает анализ информационных ресурсов на предмет дезинформации, манипулятивных техник. Проведенный обзор зарубежных и российских исследований позволил выделить следующие технологии, используемые нами для развития у студентов критического мышления: сократический метод, педагогическая таксономия, аргументационная модель Стивена Тулмина, анализ конкретных ситуаций.

Сократический метод – представляет собой способ ведения диалога между преподавателем и студентом. Цель преподавателя, задающего вопросы, сделать так, чтобы студент усомнился в своих знаниях, но с помощью уточняющих вопросов нашел правильный ответ. В ходе сократического диалога используются управляемые вопросы, диалог и опровержение, помогающие студентам критически осмыслить свое понимание конкретных проблем [219].

«Педагогическая таксономия охватывает когнитивную область, включающую в себя шесть категорий целей: знание (конкретного материала, терминологии, фактов, определений, критериев и т.д.); понимание (объяснение, интерпретация, экстраполяция); применение; анализ (взаимосвязей, принципов построения); синтез (разработка плана и возможной системы действий, получение системы абстрактных отношений);

оценка (суждение на основе имеющихся данных, суждение на основе внешних критериев)» [120, С. 137].

Аргументационная модель Стивена Тулмина – используется для анализа рациональности аргументов, содержащихся в тексте и речи и включает шесть элементов: тезис (заключение), данные (основание), обоснование, поддержка (подкрепление), определитель и оговорка [169; 234].

«Анализ конкретных ситуаций (решение кейсов) – представляет собой глубокое и детальное исследование в учебном процессе реальной или искусственной обстановки, выполняемое для того, чтобы выявить ее характерные свойства. Система таких ситуаций позволяет представить содержание обучения в динамике и обеспечить объективные предпосылки для формирования критического мышления» [85, С. 287].

Выполнение творческих, научно-исследовательских проектов. «Творческий акт включает в себя ощущение трудности, поиск решений, возникновение и формулирование гипотез относительно отсутствующих элементов, проверку и перепроверку этих гипотез, возможность их модификации и, наконец, сообщение результатов» [85, С. 151]. Современное высшее образование стремится развивать научное мышление студентов, в том числе за счет повышения их способности критически мыслить [85; 242].

«Психодидактическую основу изучения студентами вопросов социокультурной безопасности и угроз, в том числе в информационной среде, составляют подходы медиаобразования [90; 181; 211; 257; 263]. Медиаобразование направлено на формирование знаний основных закономерностей, по которым функционируют медиа, умения понимать информационные сообщения, критически их оценивать, осознавать результаты их воздействия на психику и использовать для решения образовательных и жизненных задач, умений оценить и обеспечить личную информационно-психологическую безопасность» [82, С. 148].

Наконец, развитию критического мышления способствует профессиональная психологическая подготовка, в ходе которой студенты

находят ответы на вопросы «Что происходит, когда мы мыслим и мыслим продуктивно и творчески? Как улучшить мышление? Можно ли сформировать навыки критического мышления? Каковы пути и способы выработки адекватного знания и структур знаний?». При поиске ответов на эти вопросы экс-президент Американской психологической ассоциации Дайана Халперн в своей книге опирается на обширный теоретический и фактический материал, накопленный когнитивной психологией при изучении познавательных процессов [184], который используется нами на занятиях. Даже выполнение психологических тестов, направленных на оценку критического мышления (например, «Тест на критическое мышление Уотсона-Глейзера», «Тест критического мышления Л. Старки»), позволяет студентам актуализировать для себя необходимость его развития.

Развитию критического мышления способствует разбор технологии «Окна Овертона» («Окна возможностей»), посвящённой механизмам манипуляции общественным мнением и показывающей как можно изменять социальные нормы, преобразуя область невозможного в сферу обычного и поэтому морально приемлемого [71]. Метод «окон Овертона» применяется нами при обсуждении проблем гомосексуализма, псевдорелигиозности, терроризма и нацизма и пр.

В качестве объекта критического анализа выступает контент социальных сетей. С этой целью нами используется схема анализа, разработанная Т.Н. Ле-ван. Данный анализ осуществляется на основе обсуждения следующих вопросов:

- «Что представлено в интернет-ресурсе (товар, услуга, личность, организация, образ мыслей и т.п.)?»
- Кто создал этот интернет-ресурс? Чья точка зрения в нем выражена?
- Каким образом привлекается наше внимание?
- Какие знаковые системы используются (слова, рисунки, фотографии, символы, цвет, схемы и графики, знакомые образы, шумы, музыка и др.)?»

– Какие рациональные и эмоциональные аргументы заключаются в сообщении?

– Отличается ли то, что отражено в интернет-ресурсе (сообщении), от реальной действительности?

– Какой образ жизни, ценности и точки зрения представлены явно и скрыто?

– С какой целью создан интернет-ресурс и кому это выгодно?» [110].

С целью закрепления приобретенных знаний и навыков необходима их апробация в интерактивной, максимально приближенной к реальности, форме. Данный этап подразумевает обобщенную практическую работу и предполагает решение студентами цикла кейс-задач (рисунок 8).

«Решение данного цикла кейс-задач фиксируется студентами в свободной отчетной форме, с целью последующего анализа и обсуждения, с описанием рефлексии полученного опыта:

– Чего удалось добиться при решении цикла кейс-задач?

– Решение какого кейса можно было бы улучшить или оптимизировать?

– С какими трудностями столкнулись при решении цикла кейс-задач?

– Какие знания и навыки, полученные при прохождении курса, пригодились для решения цикла кейс-задач?

– Каковы общие впечатления от прохождения цикла кейс-задач?

– Насколько полезным был данный и насколько такой опыт был бы полезен в рамках солидарности в борьбе за информационно-психологическую безопасность гражданского общества?» [129].

Рисунок 8 – Этапы решения кейс-задач в области информационно-психологической безопасности личности и общества

В итоге студенты строят умозаключения и логические цепи доказательств, овладевают способами синтеза и анализа информации; учатся выражать свои мысли ясно, уверенно и корректно по отношению к окружающим, учатся вырабатывать собственное мнение на основе осмысления различного опыта, идей и представлений [82], что способствует позитивной социализации, и как следствие, нивелированию информационно-психологических факторов асоциального поведения.

«IV этап – развитие просоциальной направленности с опорой на социальные нормы коллективизма, лояльности с помощью практик создания

просоциального медиаресурса и цифрового волонтерства» [130].

«Желательно, чтобы проведенный студентами анализ Интернет-источников обладал не только антагонистической, но и созидательной общественно-практической значимостью» [85, С. 297]. Это достигается в рамках контекстного обучения, «в котором с помощью системы дидактических форм, методов и средств моделируется предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности студента» [85, С. 195]. Обучение при этом выступает «формой личностной активности, которое обеспечивает формирование необходимых профессиональных и социальных качеств личности студента – будущего специалиста» [32; 134].

«Теоретическая часть этапа подразумевает рассмотрение и обсуждение форм просоциального поведения личности (волонтерство, гражданское поведение), их специфики и пользы для человека и общества. Практическая часть этапа подразумевает привлечение студентов к анализу и созданию просоциальных интернет-ресурсов, направленных на продвижение в молодежной среде норм заботы, традиционализма, безопасности. Студенты создают контент группы в социальной сети, освещающей примеры помогающего поведения, волонтерства (культурного, корпоративного, событийного, экологического и др.), с дальнейшим вовлечением сверстников в обсуждение» [130]. Так, студентами создана группа «Сделаем мир лучше!» в социальной сети «ВКонтакте» (https://vk.com/topic-94833930_48270723).

«Студентам также предлагается создать проект, который они могли бы реализовать при обучении в вузе в рамках реализации цифрового волонтерства: проведение онлайн консультаций для людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, просветительская работа с детьми, участие в проекте «Лиги безопасного интернета» «Кибер-дружина» по выявлению противоправного контента в сети Интернет, участие в работе онлайн-сообществ благотворительных организаций и пр.» [130]. Мы в след за С.В. Гайсиной рассматриваем цифровое волонтерство как психолого-педагогическую технологию обеспечения информационно-психологической

безопасности детей и молодежи [40]. «Цифровое волонтерство предоставляет широкий спектр возможностей для самореализации студенческой молодежи при любой мотивации, уровне здоровья, ресурсного потенциала. Оно является перспективной сферой участия в гражданской общественно-полезной деятельности» [131, С. 31]. Социально-одобряемая и общественно-полезная деятельность добровольчества посредством интернет пространства является действенным средством формирования социальной идентичности» [61; 131; 171]. Еще одним из позитивных социальных эффектов цифрового волонтерства является то, что при организации взаимодействия в цифровом формате нивелируется социальное неравенство и возникающая на его основе социальная напряженность (по возрасту, полу, расовой принадлежности, ограниченным возможностям здоровья и пр.) [19; 214].

Так, например, студенты, принявшие участие в экспериментальной работе, выступали волонтерами проекта «Волонтерский Телефон психологической помощи» при Федерации Психологов-Консультантов (<http://counseling.su/proekt-start-v-professiyu>). В рамках проекта студенты-волонтеры оказывали психологическую помощь людям, оказавшимся в сложных жизненных ситуациях, помогали справиться с трудностями в общении, разобраться со своими чувствами. Такая просоциальная практика студентов – будущих психологов дает им возможность с одной стороны, получить опыт практической деятельности психологического консультирования, с другой – выполнить важную социальную функцию безвозмездного служения обществу.

«Таким образом, разработке и реализации психолого-педагогической программы формирования у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам используются образовательные технологии, активизирующие психологические механизмы устойчивости к актуальным и потенциальным социокультурным угрозам – самоидентификации и социальной толерантности (vs алармизм, vs расизм), конформизма (социальной адаптации), психологической защиты (копинга).

В конечном итоге индивидуальное, личностное и субъектное развитие студента за счет развития нивелирующих личностных ресурсов, и соответственно ценностно-мотивационной, эмоционально-волевой, когнитивной, межличностной сфер способствует формированию устойчивой к социокультурным угрозам Я-концепции посредством приобретения субъектности и построения психологически безопасного информационного поведения» [130].

3.3 Оценка эффективности программы формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза

Психолого-педагогический эксперимент проводился на базе Российского государственного социального университета и Ивановского государственного университета (Шуйский филиал) в 2021-2022 учебном году. В каждом вузе были сформированы экспериментальная (ЭГ_{РГСУ}, n = 57; ЭГ_{ИВГУ}, n = 45) и контрольная (КГ_{РГСУ}, n = 40 и КГ_{ИВГУ}, n = 48) группы из числа студентов вторых курсов направлений подготовки бакалавриата «Психология», «Конфликтология», «Педагогическое образование», «Психолого-педагогическое образование», «Социальная работа», «Организация работы с молодежью».

В рамках экспериментальной работы была разработана и внедрена «психолого-педагогическая программа формирования у студентов информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам» [130].

Входная и контрольная психодиагностика были направлены на определение сформированности показателей информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вузов, а также на анализ их динамики.

Данные, представленные в таблице 15, показывают, что до проведения психолого-педагогического эксперимента, исследуемые группы статистически не различаются по показателям сформированности информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам (однофакторный дисперсионный анализ ANOVA, $p > 0,05$). Все переменные примерно нормально распределены (значения асимметрии и эксцесса варьируются от -1 до +1). В целом по всем исследуемым переменным до проведения эксперимента среднегрупповые показатели соответствуют средним значениям. Сравнительный анализ сформированности показателей информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам студентов экспериментальных групп до и после формирующего эксперимента показал, что по всем переменным наблюдается статистически значимая положительная динамика (t-критерий Стьюдента, $p \leq 0,001$) (рисунок 3, таблица 16).

Таблица 15 – Описательные статистики показателей информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам студентов экспериментальных и контрольных групп до эксперимента

Переменные (методики)		M	SD	Min	Max	As	Ex
Определение социокультурной идентичности	ЭГ _{РГСУ}	74,84	29,16	36	141	0,995	-0,031
	ЭГ _{ИвГУ}	78,31	19,03	41	111	-0,349	-1,089
	КГ _{РГСУ}	78,8	25,93	36	141	0,775	0,289
	КГ _{ИвГУ}	74,16	25,23	36	141	0,62	-0,229
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 0,399, p = 0,754$						
MFQ - шкала «Власть»	ЭГ _{РГСУ}	19,22	9,61	6	36	0,246	-1,435
	ЭГ _{ИвГУ}	21,17	9,18	6	36	-0,268	-1,143
	КГ _{РГСУ}	20,55	9,7	6	36	-0,07	-1,463
	КГ _{ИвГУ}	19,2	7,93	6	36	0,006	-0,837
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 0,553, p = 0,647$						
MFQ - шкала «Лояльность»	ЭГ _{РГСУ}	21,64	8,27	6	36	-0,198	-0,731
	ЭГ _{ИвГУ}	23,42	8,81	6	33	-1,086	-0,387
	КГ _{РГСУ}	20,27	7,19	6	34	-0,101	-0,633
	КГ _{ИвГУ}	22,77	8,33	6	33	-0,83	-0,555
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 1,211, p = 0,307$						
Индекс самооценки навыков работы с информацией	ЭГ _{РГСУ}	16,85	4,47	8	24	-0,767	-0,61
	ЭГ _{ИвГУ}	16,06	5,07	8	24	0,103	-1,187
	КГ _{РГСУ}	17,17	3,6	8	24	-0,908	0,754
	КГ _{ИвГУ}	15,29	4,71	8	24	0,129	-0,999
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 1,618, p = 0,187$						
Шкала виртуальной аутизации	ЭГ _{РГСУ}	15,05	4,35	8	25	0,169	-0,775
	ЭГ _{ИвГУ}	15,24	4,43	8	24	-0,015	-0,866
	КГ _{РГСУ}	14,37	3,59	8	21	-0,013	-0,867
	КГ _{ИвГУ}	16,18	3,78	8	24	-0,124	-0,314
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 1,497, p = 0,217$						
Шкала субъективного благополучия	ЭГ _{РГСУ}	67,59	22,47	38	112	0,404	-1,028
	ЭГ _{ИвГУ}	68,91	19,9	37	112	0,36	-0,41
	КГ _{РГСУ}	72,1	22,79	38	112	-0,145	-1,268
	КГ _{ИвГУ}	64,64	17,26	37	112	0,666	0,487
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 0,988, p = 0,399$						
УЛСКУ - шкала «Информационное поведение»	ЭГ _{РГСУ}	35,64	7,62	25	50	0,447	-0,879
	ЭГ _{ИвГУ}	36,84	7,16	25	50	0,123	-0,847
	КГ _{РГСУ}	38,05	7,55	25	50	-0,028	-1,216
	КГ _{ИвГУ}	35,33	6,32	25	50	0,631	0,321
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 1,317, p = 0,27$						
УЛСКУ - шкала «Социокультурная идентичность»	ЭГ _{РГСУ}	32,96	8,68	14	50	0,403	-0,434
	ЭГ _{ИвГУ}	32,86	11,38	14	50	-0,162	-1,475
	КГ _{РГСУ}	34,6	9,25	20	50	0,232	-1,175
	КГ _{ИвГУ}	29,5	10,41	14	50	0,535	-0,922
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 2,111, p = 0,1$						
УЛСКУ - шкала «Уважение к власти, коллективизм»	ЭГ _{РГСУ}	28,24	12,26	10	47	0,401	-1,39
	ЭГ _{ИвГУ}	28,28	10,87	10	49	0,14	-0,653
	КГ _{РГСУ}	30,5	11,68	15	48	0,147	-1,453
	КГ _{ИвГУ}	25,54	9,02	10	48	0,263	-0,071
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 1,489, p = 0,219$						

Таблица 16 – Динамика показателей информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам студентов до и после эксперимента (экспериментальные группы), t-критерий Стьюдента

Переменные (методики)	ЭГ _{РГСУ} (N = 57)				ЭГ _{ИВГУ} (N = 45)			
	М		t	p ≤	М		t	p ≤
	до	после			до	после		
Определение социокультурной идентичности	74,8	83,1	-4,876	0,001	78,3	85,9	-4,597	0,001
MFQ - шкала «Власть»	19,2	23	-6,346	0,001	21,2	25	-6,057	0,001
MFQ - шкала «Лояльность»	21,6	24,6	-5,499	0,001	23,4	26,3	-5,807	0,001
Индекс самооценки навыков работы с информацией	16,9	19,2	-5,740	0,001	16,1	18,9	-5,025	0,001
Шкала виртуальной аутизации	15,1	12,7	4,699	0,001	15,2	12,6	4,167	0,001
Шкала субъективного благополучия	67,6	77,4	-5,549	0,001	68,9	77,3	-4,079	0,001
УЛСКУ - шкала «Информационное поведение»	35,6	40,6	-5,863	0,001	36,8	40,8	-3,799	0,001
УЛСКУ - шкала «Социокультурная идентичность»	33	39,6	-6,127	0,001	32,9	37,6	-4,825	0,001
УЛСКУ - шкала «Уважение к власти, коллективизм»	28,2	35,1	-5,261	0,001	28,3	34,1	-4,986	0,001

Для проведения качественного анализа динамики показателей информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам студентов до и после эксперимента нами были определены уровни их сформированности. При определении уровней были установлены интервалы группировки значений с помощью методики А. А. Кыверялга: средний уровень определяется 25% отклонением значения от среднего по диапазону балльных оценок. В результате балл из интервала от R_{min} до R_{max} в пределах 0,25 позволяет констатировать низкий уровень, а баллы, превышающие 75% до максимально возможных – высокий уровень [109].

Из рисунка 9 видно, что в после проведения экспериментальной работы возрос процент студентов с высоким уровнем социокультурной идентичности (с 14,8% до 15,2% в ЭГргсу и с 7,3% до 11% в ЭГивгу). Количество студентов с низким уровнем социокультурной идентичности снизилось вдвое (с 41% до 21% в ЭГргсу и с 28% до 13% в ЭГивгу). При этом большая часть студентов с низким уровнем социокультурной идентичности после обучения перешла в группу среднего уровня. В целом статистически значимо вырос средний балл по группам. Т.е. в результате реализации программы студенты в большей степени стали отождествлять себя с культурными и этническими традициями, с социально-территориальной общностью, а также проявлять расовую толерантность (позитивное или нейтральное отношения к другим народам).

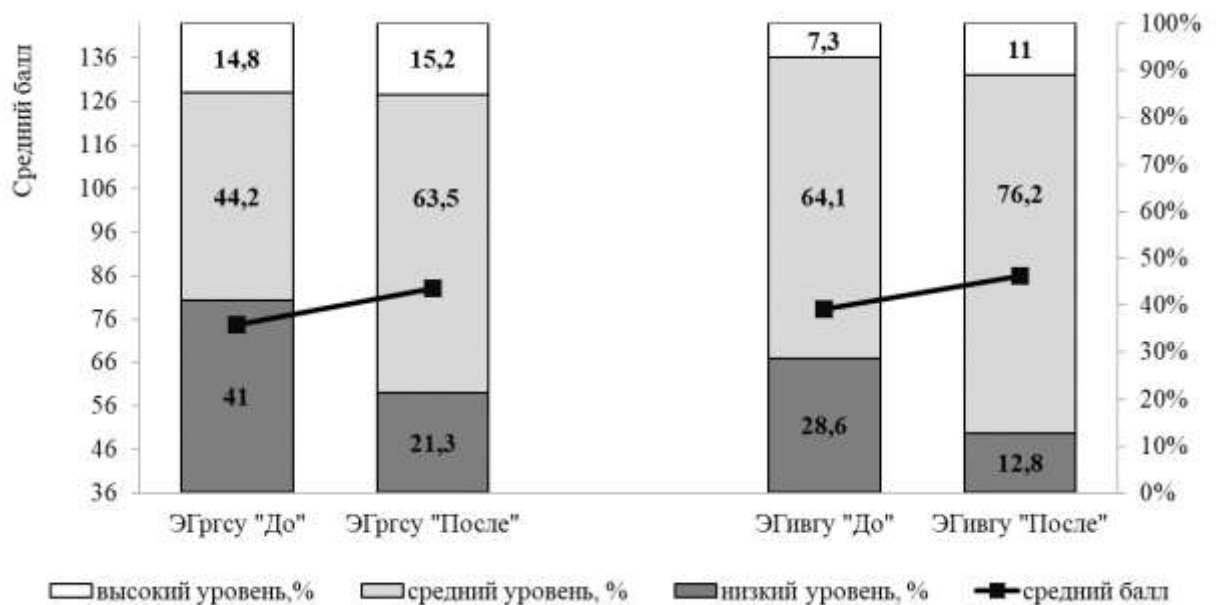

Рисунок 9 – Динамика показателя информационно-психологической устойчивости студентов по методике «Определение социокультурной идентичности» до и после эксперимента (экспериментальные группы)

Аналогичная тенденция была выявлена с помощью разработанной нами методики «Устойчивость личности к социокультурным угрозам» (шкала «Социокультурная идентичность») (рисунок 10), которая показала

увеличение вдвое студентов с высоким уровнем данного показателя устойчивости (с 17,5% до 45,5% в ЭГргсу и с 29,2% до 49,1% в ЭГивгу).

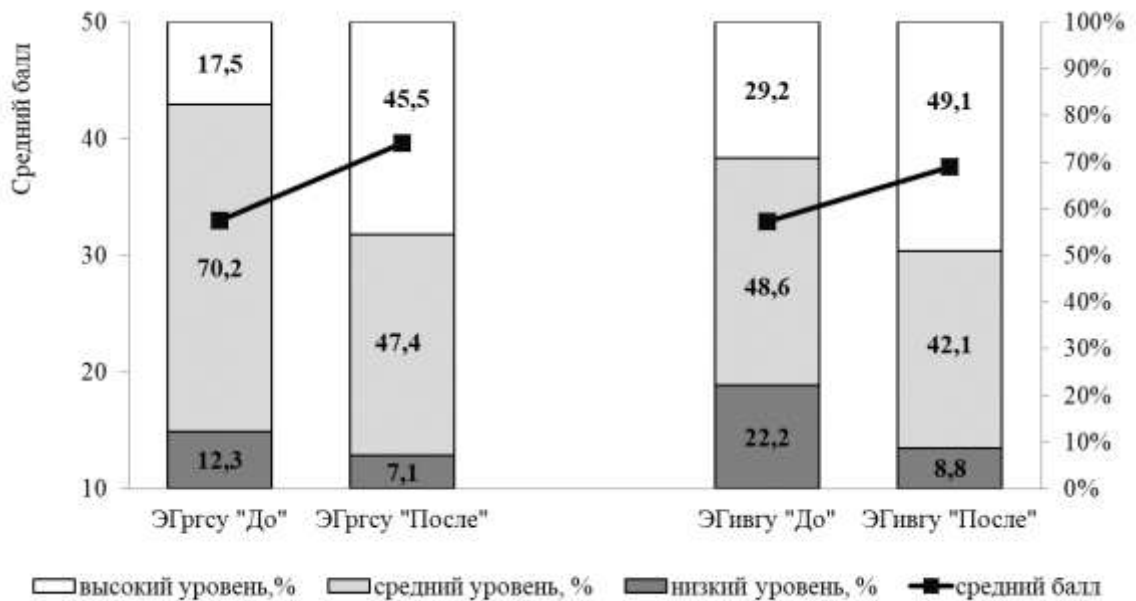

Рисунок 10 – Динамика показателя информационно-психологической устойчивости студентов по методике УЛСКУ – шкала «Социокультурная идентичность» до и после эксперимента (экспериментальные группы)

Пожалуй, наиболее чувствительными показателями информационно-психологической устойчивости студенческой молодежи к социокультурным угрозам выступают лояльность (коллективизм) и уважение к власти. Это связано с высоким протестным потенциалом молодежи, ориентацией на свободу и индивидуализм, обостренным чувством справедливости на фоне социальной и мировоззренческой незрелости. Результаты исследования показали, что в результате реализации программы психолого-педагогического сопровождения формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам значительно возрос процент студентов разделяющих нормы уважения власти, соблюдения традиций, правил поведения и общественного порядка (шкала «Власть» методики «Опросник моральных оснований»), преданности социальной группе и патриотизма (шкала «Лояльность» методики «Опросник моральных оснований») (рисунки 11 и 12).

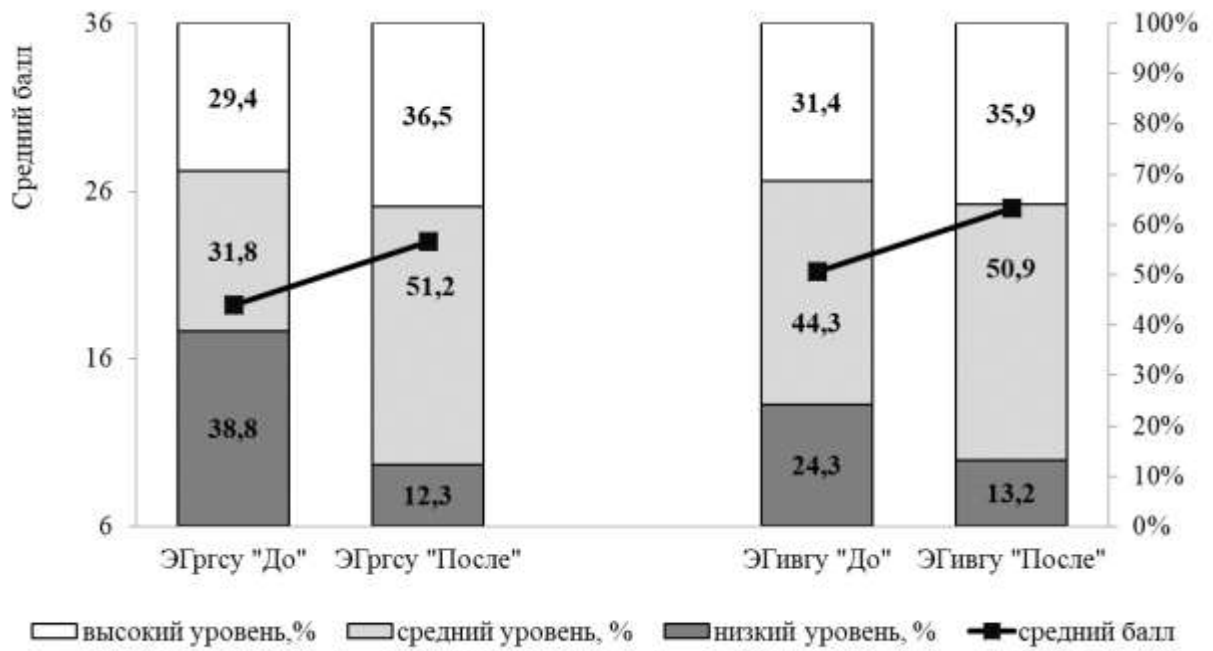

Рисунок 11 – Динамика показателя информационно-психологической устойчивости студентов по методике MFQ – шкала «Власть» до и после эксперимента (экспериментальные группы)

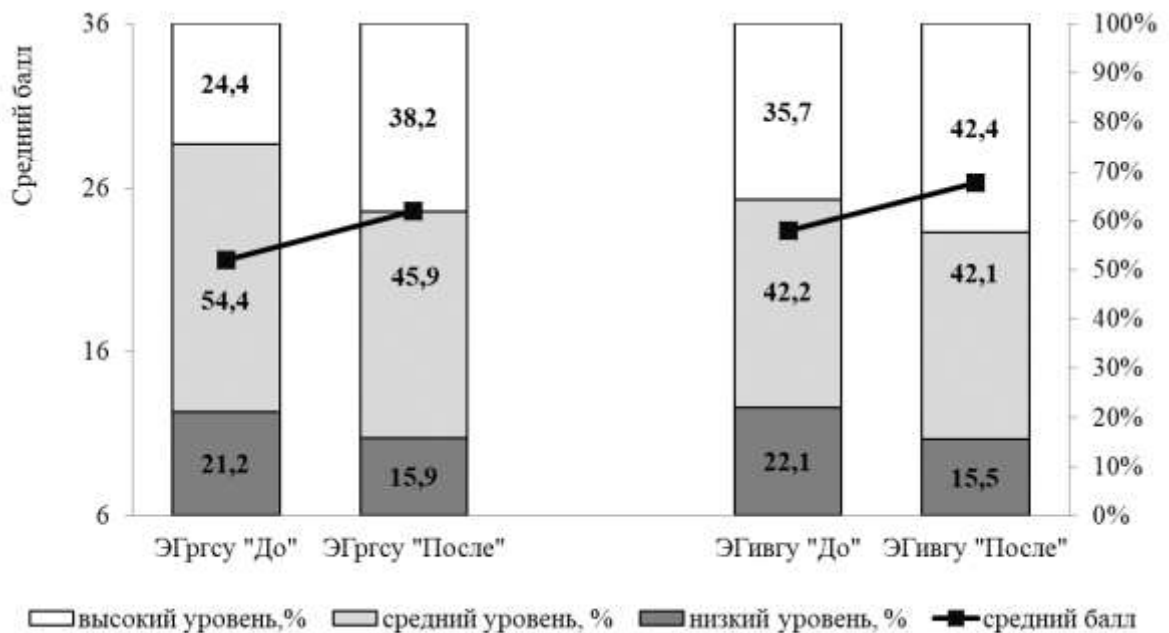

Рисунок 12 – Динамика показателя информационно-психологической устойчивости студентов по методике MFQ – шкала «Лояльность» до и после эксперимента (экспериментальные группы)

Проведенная диагностика с помощью разработанной нами методики «Устойчивость личности к социокультурным угрозам» (шкала «Уважение к власти, коллективизм») (рисунок 13), показала уменьшение вдвое студентов с низким уровнем данного показателя устойчивости (с 37% до 15,5% в ЭГргсу и с 26,6% до 13,3% в ЭГивгу).

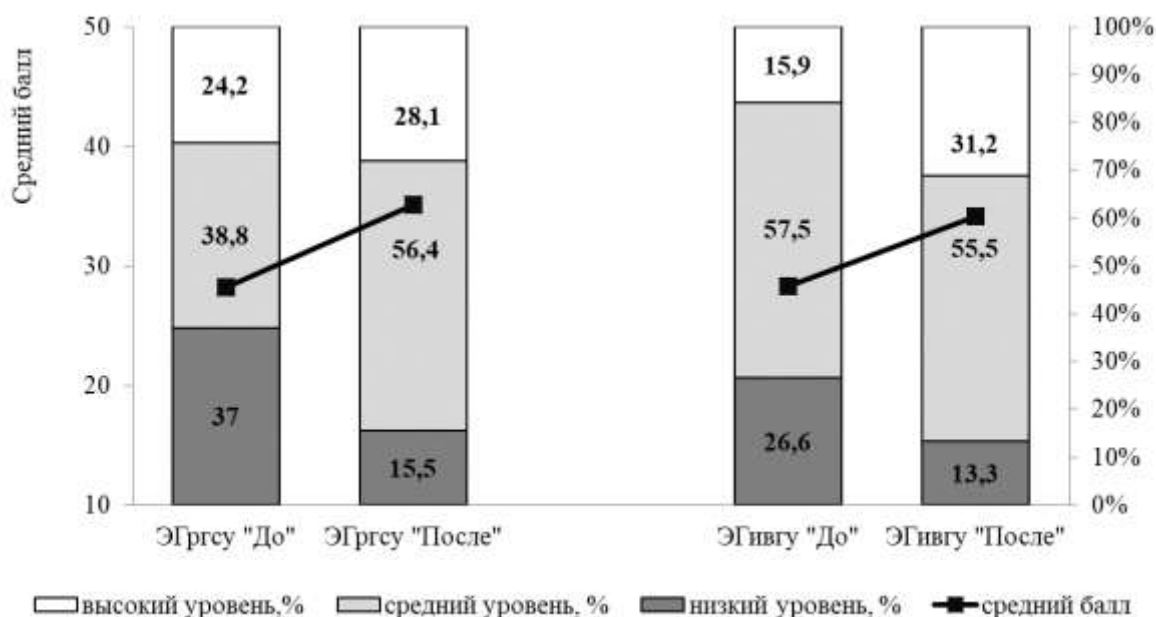

Рисунок 13 – Динамика показателя информационно-психологической устойчивости студентов по методике УЛСКУ – шкала «Уважение к власти, коллективизм» до и после эксперимента (экспериментальные группы)

Студенты, принявшие участие в исследовании, относятся к так называемому «поколению Z», для которого Интернет-среда и виртуальная коммуникация являются неотъемлемой частью жизни. В связи с этим, закономерно, что по результатам проведенного исследования почти все студенты изначально оценили свою медиаграмотность и критичность мышления в отношении информации, размещенной в Интернете, на высоком и среднем уровнях (рисунок 14). Стоит отметить, что по данным ВЦИОМ 78% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет считают, что всегда или почти всегда возможно отличить недостоверную информацию в интернете [166].

Как показали проведенные нами практические занятия в рамках реализуемой программы, многие студенты имели завышенную самооценку данных навыков, поскольку никогда не реализовывали практики критического анализа интернет-ресурсов на предмет достоверности и манипулятивности.

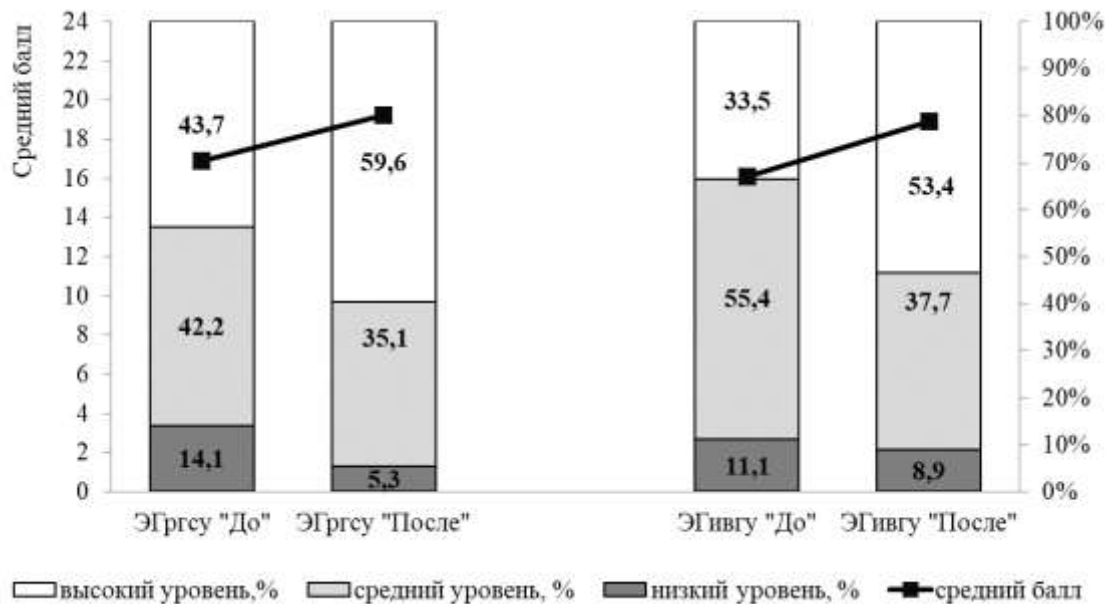

Рисунок 14 – Динамика показателя информационно-психологической устойчивости студентов по методике «Индекс самооценки навыков работы с информацией» до и после эксперимента (экспериментальные группы)

Что касается виртуальной аутизации, выраженной в нарушениях коммуникации, проблемах самоидентификации, низкой продуктивности социальных контактов, то до реализации программы только около трети респондентов экспериментальных групп демонстрировали ее низкий уровень (35,1% в ЭГргсу и 28,9% в ЭГивгу) (рисунок 15).

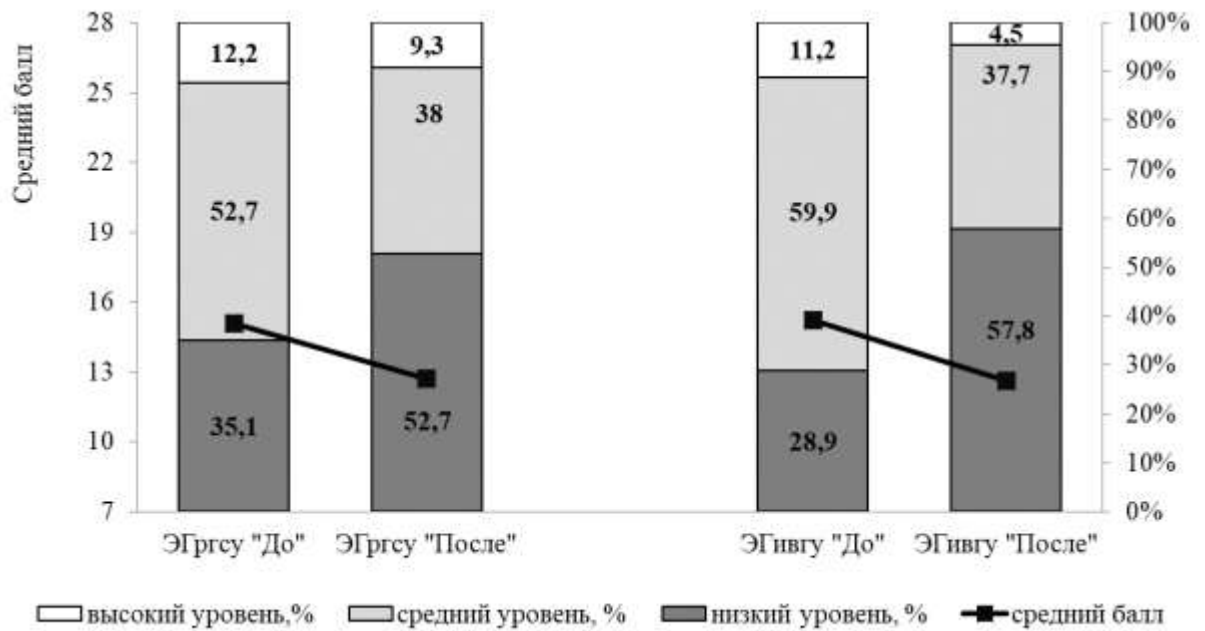

Рисунок 15 – Динамика показателя информационно-психологической устойчивости студентов по методике «Шкала виртуальной аутизации» до и после эксперимента (экспериментальные группы)

В целом после реализации программы произошли положительные изменения особенностей информационного поведения студентов как показателя информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам (рисунки 14 и 15). Что также установлено с помощью разработанной нами методики «Устойчивость личности к социокультурным угрозам» (шкала «Информационное поведение») (рисунок 16).

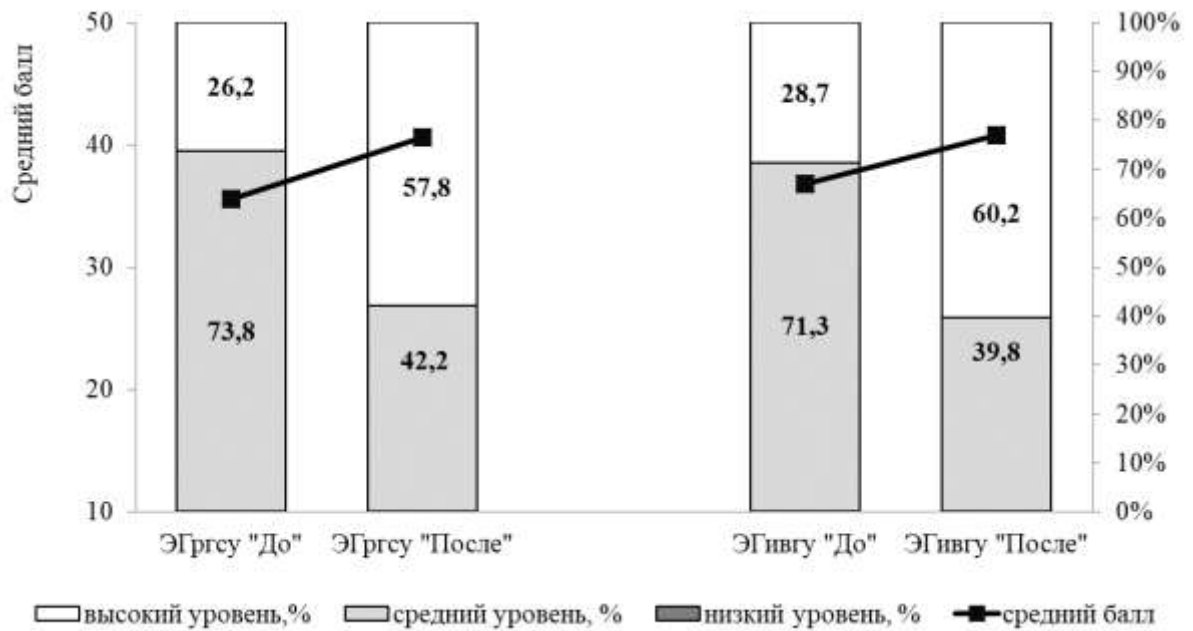

Рисунок 16 – Динамика показателя информационно-психологической устойчивости студентов по УЛСКУ – шкала «Информационное поведение» до и после эксперимента (экспериментальные группы)

Результаты исследования показали, что после реализации внедрения программы психолого-педагогического сопровождения формирования информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам возрос процент студентов с высоким уровнем субъективного благополучия (рисунок 17). Проводимые со студентами занятия и тренинги позволили в большей степени повысить такие показатели благополучия, как значимость социального окружения и удовлетворенность повседневной деятельностью.

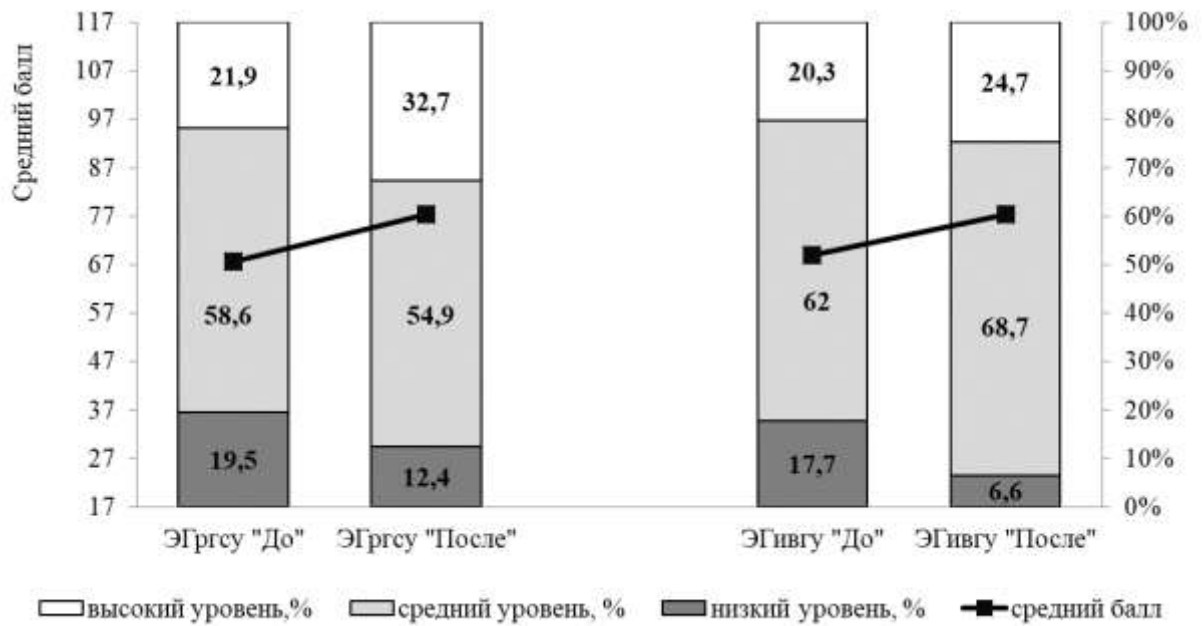

Рисунок 17 – Динамика показателя информационно-психологической устойчивости студентов по методике «Шкала субъективного благополучия» до и после эксперимента (экспериментальные группы)

Таким образом, проведенный эксперимент позволяет заключить, что разработанная нами психолого-педагогическая модель и программа эффективно формирует и развивает показатели информационно-психологической устойчивости студентов к социокультурным угрозам.

Сравнение результатов контрольной и экспериментальных групп в конце учебного года с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), позволило сделать вывод о существенном повышении уровня сформированности показателей информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов экспериментальных групп и, следовательно, об эффективности психолого-педагогической программы, реализованной в ходе формирующего эксперимента (таблица 17).

Таблица 17 – Описательные статистики показателей информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам студентов экспериментальных и контрольных групп после эксперимента

Переменные (методики)		M	SD	Min	Max	As	Ex
Определение социокультурной идентичности	ЭГ _{РГСУ}	83,07	26,88	42	141	0,64	-0,452
	ЭГ _{ИвГУ}	85,95	14,23	59	110	-0,505	-0,872
	КГ _{РГСУ}	78,75	24,81	44	141	0,873	0,548
	КГ _{ИвГУ}	74,83	22,49	44	130	0,551	-0,654
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 2,947, p = 0,046$						
MFQ - шкала «Власть»	ЭГ _{РГСУ}	23,03	7,63	9	36	0,037	-1,258
	ЭГ _{ИвГУ}	25	7,46	9	36	-0,786	-0,318
	КГ _{РГСУ}	21,15	8,41	9	34	-0,06	-1,468
	КГ _{ИвГУ}	19,81	6,84	9	36	0,483	-0,417
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 4,114, p = 0,007$						
MFQ - шкала «Лояльность»	ЭГ _{РГСУ}	24,63	7,76	9	36	-0,468	-0,719
	ЭГ _{ИвГУ}	26,33	7,1	8	33	-1,243	0,281
	КГ _{РГСУ}	20,6	6,4	9	34	0,012	-0,458
	КГ _{ИвГУ}	22,83	7,03	7	33	-0,771	-0,344
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 5,091, p = 0,002$						
Индекс самооценки навыков работы с информацией	ЭГ _{РГСУ}	19,24	3,65	10	24	-0,54	-0,502
	ЭГ _{ИвГУ}	18,95	4,03	10	24	-0,497	-1,061
	КГ _{РГСУ}	17,55	3,79	9	24	-0,61	-0,245
	КГ _{ИвГУ}	15,56	4,22	8	24	0,188	-0,607
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 9,102, p < 0,001$						
Шкала виртуальной аутизации	ЭГ _{РГСУ}	12,7	3,83	8	22	0,642	-0,548
	ЭГ _{ИвГУ}	12,64	3,45	8	20	0,621	-0,539
	КГ _{РГСУ}	14,05	3,75	8	21	0,094	-0,96
	КГ _{ИвГУ}	15,22	4,55	8	25	0,174	-0,76
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 4,804, p = 0,003$						
Шкала субъективного благополучия	ЭГ _{РГСУ}	77,4	23,57	38	112	-0,074	-1,321
	ЭГ _{ИвГУ}	77,35	14,97	45	112	0,726	0,694
	КГ _{РГСУ}	75,15	20,99	38	112	-0,421	-0,714
	КГ _{ИвГУ}	65,47	16,81	37	112	0,608	0,701
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 4,08, p = 0,008$						
УЛСКУ - шкала «Информационное поведение»	ЭГ _{РГСУ}	40,78	7,38	25	50	-0,737	-0,9
	ЭГ _{ИвГУ}	40,55	7,82	25	50	-0,683	-0,576
	КГ _{РГСУ}	39	7,46	25	50	-0,251	-1,232
	КГ _{ИвГУ}	35,66	6,42	25	50	0,449	-0,255
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 5,474, p = 0,001$						
УЛСКУ - шкала «Социокультурная идентичность»	ЭГ _{РГСУ}	39,59	8,02	23	50	-0,412	-1,076
	ЭГ _{ИвГУ}	37,64	8,6	18	50	-0,536	-0,667
	КГ _{РГСУ}	35,67	8,76	20	50	0,09	-1,007
	КГ _{ИвГУ}	29,79	9,81	14	50	0,211	-0,955
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 11,668, p < 0,001$						
УЛСКУ - шкала «Уважение к власти, коллективизм»	ЭГ _{РГСУ}	35,08	11,29	15	48	-0,565	-1,35
	ЭГ _{ИвГУ}	34,08	9,16	16	48	-0,098	-0,902
	КГ _{РГСУ}	30,92	10,26	16	48	0,299	-1,342
	КГ _{ИвГУ}	25,93	9,03	10	48	0,179	-0,185
	Достоверность различий (ANOVA): $F = 8,347, p < 0,001$						

В ходе психолого-педагогического эксперимента у студентов контрольной группы, не обучавшихся в условиях внедрения психолого-педагогической программы, не было выявлено статистически значимое изменение показателей информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам, что также свидетельствует о целесообразности внедрения данной модели в систему вузовской подготовки (таблица 18).

Таблица 18 – Динамика сформированности показателей информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам студентов до и после эксперимента (контрольные группы), t-критерий Стьюдента

Переменные (методики)	КГ _{РГСУ} (N = 40)				КГ _{ИВГУ} (N = 48)			
	М		t	p	М		t	p
	до	после			до	после		
Определение социокультурной идентичности	78,8	78,75	0,033	0,974	74,16	74,83	-0,628	0,533
MFQ - шкала «Власть»	20,55	21,15	-0,832	0,411	19,2	19,81	-1,266	0,212
MFQ - шкала «Лояльность»	20,27	20,6	-0,687	0,496	22,77	22,83	-0,144	0,886
Индекс самооценки навыков работы с информацией	17,17	17,55	-1,356	0,183	15,29	15,56	-0,784	0,437
Шкала виртуальной аутизации	14,37	14,05	0,691	0,493	16,18	15,22	1,651	0,105
Шкала субъективного благополучия	72,1	75,15	-2,012	0,054	64,64	65,47	-1,460	0,151
УЛСКУ - шкала «Информационное поведение»	38,05	39	-2,038	0,051	35,33	35,66	-0,630	0,531
УЛСКУ - шкала «Социокультурная идентичность»	34,6	35,67	-1,774	0,084	29,5	29,79	-0,428	0,671
УЛСКУ - шкала «Уважение к власти, коллективизм»	30,5	30,92	-0,970	0,338	25,54	25,93	-1,345	0,185

Данные констатирующего и контролирующего этапов исследования позволили нам определить направления совершенствования образовательного процесса в вузе с целью формирования у студентов

информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам. Кроме того, необходима постоянная актуализация данной работы, поскольку высшее образование тесно связано с процессами, происходящими в обществе: социокультурные, геополитические, экономические трансформации.

Нами определены направления дальнейшей актуализации программы формирования у студентов информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам.

Первое направление мы связываем с расширением психологического образования, с включением в него вопросов информационно-психологической безопасности личности и социокультурной идентичности как фактора психологической безопасности личности и общества. В условиях информационно-психологического противостояния в международной сфере продолжают появляться новые социокультурные угрозы, требующие анализа и прогнозирования их последствий.

Второе направление мы связываем с включением новых показателей информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам. Элементами реализации данного направления должны стать следующие:

- формирование у студентов адекватной самооценки и рефлексии информационного поведения, а также способности и готовности к реализации безопасного информационного поведения, обеспечивающего психосоциальное благополучие;
- развитие у студентов толерантности к неопределенности и способности к прогнозированию последствий социокультурных угроз цифровой трансформации общества;
- развитие у студентов критического мышления и исторического сознания;
- формирование психологически безопасной онлайн-коммуникации.

Третьим направлением оптимизации мы считаем поиск новых предикторов информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам (жизнестойкости, социального самочувствия, социальной преадаптации, копинг-стратегий, патриотизма, религиозной идентичности и др.) и расширение диагностики восприятия социокультурных угроз в связи с появлением новых социокультурных угроз.

Четвертое направление связано с усилением компетенций преподавательского потенциала, и привлечением специалистов соответствующего профиля – специалистов массмедиа, национальной безопасности, социального прогнозирования, IT-сферы и других сфер в области информационной безопасности. Также в качестве предмета психологической диагностики должна выступать образовательная среда вуза.

Выводы по третьей главе

Спроектированная психологическая модель формирования информационно-психологической устойчивости студентов вуза к социокультурным угрозам состоит из средового, целевого, субъектного, психолого-педагогического компонентов.

Разработанная психолого-педагогическая программа формирования у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам предусматривает анализ особенностей цифровой социализации студенческой молодежи, выделение актуальных и потенциальных факторов социального риска нарушения информационно-психологической безопасности, актуализацию у студентов осознанности их социокультурной идентичности, познавательной и деятельностной активности в цифровой среде. Доказано, что формирование информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам обеспечивается, если реализуется проблемное и контекстное обучение, медиаобразование в области информационно-психологической и социокультурной безопасности личности и общества.

В программе используется технология, активизирующая психологические механизмы устойчивости личности студента к актуальным и потенциальным социокультурным угрозам на основе развития нивелирующих личностных ресурсов (историческое сознание, социальная толерантность, просоциальная направленность, критичность мышления) и, как следствие, способствующая его позитивной цифровой социализации и личностно-профессиональному развитию.

Показано, что процесс формирования у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам состоит из четырех взаимосвязанных этапов, предполагающих развитие личностных ресурсов, нивелирующих угрозы: обучение навыкам снятия информационного стресса и обеспечения психосоциального благополучия, формирование ценностей и мотивов, актуализация социокультурной идентичности и развитие исторического сознания, формирование просоциальной направленности и критичности мышления.

Для повседневной защиты от социокультурных угроз и негативного информационного воздействия студентам нужно знать цели, методы и средства современного манипулирования сознанием людей и уметь контролировать степень своей зависимости от внешних воздействий в различных жизненных ситуациях. Развитию информационно-психологической устойчивости будут способствовать приобщение к психологическому образованию, а также адаптация к изменяющейся цифровой социокультурной среде, творческое отношение к жизни и предстоящей профессиональной деятельности в цифровой среде.

Результаты верификации психологической модели и реализации психолого-педагогической программы формирования у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам на основе культурно-исторического, риск-ресурсного и субъектно-деятельностного подходов позволили выявить системный характер взаимосвязи между детерминантами данного личностного конструкта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поиск путей преодоления кризиса социокультурной идентичности у молодежи в условиях цифровой трансформации общества и предотвращение формирования негативной социокультурной идентичности за счет выбора продуктивных стратегий возможно в связи с такими свойствами личности, как информационно-психологическая устойчивость (безопасность) и готовность к противодействию возникающим социокультурным угрозам, сформированные на основе культурных ценностных ориентаций, гражданственности, этничности, патриотизма, критичности мышления, просоциальности, политического интеллекта, позиции ненасилия. Перед вузами стоит задача психолого-педагогического сопровождения формирования и развития у студенческой молодежи информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Теоретико-методологическими предпосылками формирования информационно-психологической устойчивости студентов к социокультурным угрозам выступают особенности цифровой социализации, макропсихологическое состояние общества, информационно-психологическая безопасность личности и общества. «Информационно-психологическая устойчивость к социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию, включающая возможность оптимальной адаптации, без потерь для собственного «Я», будет способствовать готовности личности к рациональному реагированию на современные проблемы и вызовы, минимизируя тем самым информационный стресс. Информационно-психологическая устойчивость к социокультурным угрозам представляет собой системную характеристику личности студента, лежащую в основе способности сохранения психики (эмоционально-волевой, ценностно-мотивационной, когнитивной, межличностной сфер) от актуальных и прогнозируемых угроз в цифровом пространстве в условиях

социокультурных изменений; способности ориентации в системе социальных норм, ценностей и принятием жизненной позиции, основанной на общественно одобряемых целях и традиционных ценностях; способности оптимального использования возможностей цифрового пространства для своего личностно-профессионального развития.

2. Проведенное исследование оценки (восприятия) студентами вузов позволило выделить три группы социокультурных угроз: этно-культурные, асоциальные, когнитивно-коммуникационные. Предотвращению социокультурных угроз будет способствовать объективная оценка студенческой молодежью их потенциальности и реальности.

3. Установлено, что информационно-психологическая устойчивость студентов вуза к социокультурным угрозам имеет внешнюю (факторы социального риска) и внутреннюю (социокультурная идентичность, психосоциальное благополучие, лояльность, информационное поведение) детерминацию; ресурсами, способствующими формированию информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам, выступают историческое сознание, социальная толерантность, просоциальная направленность, критичность мышления.

4. Разработанный опросник «Устойчивость личности к социокультурным угрозам» направлен изучение механизмов информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам: психологической защиты (шкала «Информационное поведение» – устойчивость к когнитивно-коммуникационным рискам), самоидентификации и социальной толерантности (шкала «Социокультурная идентичность» – устойчивость к этно-культурным рискам), конформизма (шкала «Уважение к власти, коллективизм» – устойчивость к асоциальным рискам).

5. Спроектированная психологическая модель формирования информационно-психологической устойчивости студентов вуза к

социокультурным угрозам, которая состоит из средового, целевого, субъектного, психолого-педагогического компонентов.

6. Разработанная психолого-педагогическая программа формирования у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам предусматривает анализ особенностей цифровой социализации студенческой молодежи, выделение актуальных и потенциальных факторов социального риска нарушения информационно-психологической безопасности, актуализацию у студентов осознанности их социокультурной идентичности, познавательной и деятельностной активности в цифровой среде. Доказано, что формирование информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам обеспечивается, если реализуется проблемное и контекстное обучение, медиаобразование в области информационно-психологической и социокультурной безопасности личности и общества.

7. Показано, что процесс формирования у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам состоит из четырех взаимосвязанных этапов, предполагающих развитие личностных ресурсов, нивелирующих угрозы: обучение навыкам снятия информационного стресса и обеспечения психосоциального благополучия, формирование ценностей и мотивов, актуализация социокультурной идентичности и развитие исторического сознания, формирование просоциальной направленности и критичности мышления. Для повседневной защиты от социокультурных угроз и негативного информационного воздействия студентам нужно знать цели, методы и средства современного манипулирования сознанием людей и уметь контролировать степень своей зависимости от внешних воздействий в различных жизненных ситуациях. Развитию информационно-психологической устойчивости будут способствовать приобщение к психологическому образованию, а также адаптация к изменяющейся цифровой социокультурной среде, творческое

отношение к жизни и предстоящей профессиональной деятельности в цифровой среде.

8. Результаты верификации психологической модели и реализации психолого-педагогической программы формирования у студентов вуза информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам на основе культурно-исторического, риск-ресурсного и субъектно-деятельностного подходов позволили выявить системный характер взаимосвязи между детерминантами данного личностного конструкта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев, В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В. С. Агеев. – М.: Издательство МГУ, 1990. – 239 с.
2. Аболин, Л. М. Эмоциональная устойчивость в напряженной деятельности, ее психологические механизмы и пути повышения: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Аболин Лев Михайлович. – М., 1989. – 43 с.
3. Абульханова, К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии / К. А. Абульханова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т. 2. – № 4. – С. 3-21.
4. Агузумцян, Р. В. Психологические аспекты безопасности личности / Р. В. Агузумцян, Е. Б. Мурадян // Вестник практической психологии образования. – 2009. – Т. 6. – № 1. – С. 43-47.
5. Адамян, Л. И. Связь саногенной рефлексии с показателями психологической устойчивости личности / Л. И. Адамян // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 73-76.
6. Айсина, Р. М. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски / Р. М. Айсина, А. А. Нестерова // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 42-57.
7. Алиев, Ш. И. Жизненное проектирование российской молодежи в условиях информационной реальности: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Алиев Шапи Изиевич, 2019. – 444 с.
8. Андреев, И. В. Формирование психологической устойчивости студентов к негативному влиянию интернет-технологий: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Андреев Игорь Витальевич, 2008. – 225 с.

9. Анохина, О. В. Социокультурные измерения риска в молодежной среде / О. В. Анохина // Омский научный вестник. – 2010. – № 5(91). – С. 103-106.
10. Аракелов, Г. Г. Стресс-факторы, влияющие на формирование психосоциальной устойчивости личности в период студенчества / Г. Г. Аракелов, В. В. Аршинова, Г. Е. Жданова // Психологическая наука и образование. – 2008. – № 2. – С. 52-60.
11. Асмолов, А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа / А. Г. Асмолов – М.: Смысл; Академия, 2002. – 416 с.
12. Асмолов, А. Г. Школа жизни с непохожими людьми / А. Г. Асмолов // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2(6). – С. 1-3.
13. Асмолов, А. Г. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции / А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов. М.: Акрополь, 2018. – 212 с.
14. Астахова, А. А. Формирование психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел к деструктивным информационным воздействиям как составляющая профессионального мастерства / А. А. Астахова, Ю. А. Кошкарова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – Т. 8. – № 3(28). – С. 25-27.
15. Астахова, Л. В. Критическое мышление как средство обеспечения информационно-психологической безопасности личности / Л. В. Астахова, Т. В. Харламьева; Российская академия наук; Министерство обороны РФ; Федеральное космическое агентство Министерство образования и науки РФ Высшая аттестационная комиссия Межрегиональный совет по науке и технологиям. – М.: Российская академия наук, 2009. – 141 с.
16. Баева, И. А. Психологическое сопровождение безопасности субъектов образования: риск-ресурсный подход / И. А. Баева, Л. И. Шахова // Психологическая безопасность образовательной среды региона:

теоретические основы и практика создания. – СПб.: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. – С. 47-55.

17. Баландин, М. М. Условия формирования психологической устойчивости у старшеклассников: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Баландин Максим Михайлович, 2003. – 150 с.

18. Баранов, Е. Г. Информационно-психологическая устойчивость личности: сущность и психологическое содержание / Е. Г. Баранов // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 58-64.

19. Басаева, Е. К. Количественная оценка фоновой социальной напряженности / Е. К. Басаева, Е. С. Каменецкий, З. Х. Хосаева // Информационные войны. – 2015. – № 2(34). – С. 25-28.

20. Басанова, Т. А. Представления студентов вуза об информационно-психологической безопасности и пути их трансформации: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Басанова Татьяна Александровна. – Ставрополь, 2007. – 23 с.

21. Бегалинов, А. С. Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации / А. С. Бегалинов, К. К. Бегалинова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник, Москва, 12–13 сентября 2018 года / Ответственный редактор В.И. Герасимов. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. – С. 512-514.

22. Безопасная образовательная среда: психолого-педагогические основы формирования, сопровождения и оценки: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, ведущих подготовку по направлению 44.04.01 / И. А. Баева, С. В. Тарасов, Е. Б. Лактионова [и др.]. – СПб.: Ленинградский областной институт развития образования, 2014. – 269 с.

23. Бережная, М.А. Социокультурная устойчивость как категория социологического анализа / М. А. Бережная // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования:

Материалы XX международной конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 265–275.

24. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн; [Пер. с нем. А. Ю. Антоновского и др.]. – М.: Логос, 2010. – 247 с.

25. Богатова, Е. Б. Устойчивость личности к информационному воздействию как центральное психологическое образование эпохи глобализации / Е. Б. Богатова, В. В. Константинов // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 1154-1155.

26. Богатырева, Ю. И. Информационная безопасность личности: актуальные вопросы психолого-педагогического сопровождения и поддержки школьников / Ю. И. Богатырева, А. Н. Привалов // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2016. – № 1(33). – С. 99-105.

27. Богачева, Н. В. Мифы о "поколении z" / Н. В. Богачева, Е. В. Сивак // Современная аналитика образования. – 2019. – № 1(22). – С. 1-64.

28. Божович, Л. И. Устойчивость личности, процесс и условия ее формирования / Л. И. Божович // Материалы XVIII Международного психологического конгресса. Симпозиум 35: Формирование личности в коллективе. – М., 1966. – С. 101-111.

29. Болотова, Л. В. Основные составляющие педагогического потенциала добровольческой деятельности студентов – будущих специалистов социальной работы / Л. В. Болотова // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – №7. – С. 273-278.

30. Брушлинский, А. В. Психология субъекта: научное издание / А. В. Брушлинский. – СПб.: Издательство «Алетейя», 2003. – 272 с.

31. Вербицкая, Г. П. Акмеологические механизмы формирования педагогического мастерства в профессиональной среде высшей школы: монография / Г. П. Вербицкая, Н. В. Соловьева; М-во внутренних дел

Российской Федерации, Учеб. центр Гл. упр. внутренних дел по Московской обл. им. В. А. Тинькова. – Воронеж: Научная книга, 2007. – 159 с.

32. Вербицкий, А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения / А. А. Вербицкий. – М.: ИЦ ПКПС. – 2004. – 84 с.

33. Виленский, М. Я. Здоровье как аксиологический потенциал качества подготовки выпускника вуза / М. Я. Виленский, О. Ю. Масалова // Автономия личности. – 2011. – Т. 4. – № 2. – С. 66-71.

34. Войнилов, Ю. Л. Уровень медиаграмотности населения РФ: текущее состояние и перспективы изменения (на основе всероссийского мониторинга медиаповедения) / Ю. Л. Войнилов, Д. В. Мальцева, Л. В. Шубина // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 4. / Под ред. Е. Г. Ясин. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ – 2017. – С. 154-172.

35. Волкова, М. В. Методология и теория формирования нравственно устойчивой личности школьников на основе интеграции педагогических технологий: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Волкова Марина Владиславовна. – Чебоксары, 2012. – 46 с.

36. Володько, Н. В. Психологическая служба вуза как компонент единого психолого-педагогического пространства / Н. В. Володько // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 10. – С. 37-39.

37. Вульф, Б. З. Педагогическое сопровождение как явление / Б. З. Вульф // Психологическое и социально-педагогическое сопровождение детей и молодежи: материалы межд. научной конференции: в 2-х т. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского – 2005. – Т. 1. – С. 11-16.

38. Выготский, Л. С. Сознание как проблема психологии поведения // Собрание сочинений – М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 78-98.

39. Гадаборшева, З. И. Показатели психологической устойчивости личности студента в образовательной среде вуза / З. И. Гадаборшева // Вестник университета. – 2014. – № 8. – С. 234-236.

40. Гайсина, С. В. Цифровое волонтерство и его роль в формировании информационной безопасности школы / С. В. Гайсина, М. Б. Лебедева, В. М. Кравцов // Научно-методический электронный журнал Калининградский вестник образования. – 2022. – № 1(13). – С. 11-16.

41. Гамова, Е. М. Формирование нравственно волевой устойчивости подростков к виктимизации / Е. М. Гамова // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 3(79). – С. 186-194.

42. Гафиатулина, Н. Х. Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации / Н. Х. Гафиатулина, В. В. Касьянов, С. И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9. – № 2. – С. 147-158.

43. Гилемханова, Э. Н. Методика «индекс социокультурной безопасности школьника» / Э. Н. Гилемханова // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2019. – № 2. – С. 164-183.

44. Глазкова, Ю. А. Негативное влияние использования информационных технологий в образовательной деятельности / Ю. А. Глазкова, Е. П. Трофимов // Наука, техника и образование. – 2015. – № 7(13). – С. 5-7.

45. Гостев, А. А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты: монография / А. А. Гостев; Институт психологии РАН. – М.: Ин-т психологии РАН, 2017. – 466 с.

46. Грачев, Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты / Под общ. ред. С. А. Анисимова, А. А. Деркача. – М.: Издательство РАГС – 1998. – 120 с.

47. Грачев, Г. В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. В. Грачев, И. К. Мельник. – М.: Издательство «Алгоритм», 2002. – 153 с.

48. Грачева, Т. В. Память русской души: алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы / Т. В. Грачева – Рязань: Зерна, 2011. – 383 с.

49. Гриценко, В. В. Связь ценностей культуры с нормами и типами просоциального поведения русских и белорусов / В. В. Гриценко, Ю. В. Ковалева // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35. – № 4. – С. 56-67.

50. Гулевич, О. А. Психология массовой коммуникации: от газет до Интернета : Учебник / О. А. Гулевич. – 1-е изд.. – М.: Издательство «Юрайт», 2019. – 264 с.

51. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального психологического исследования / В. В. Давыдов. – М.: Педагогика, 1986. – 240 с.

52. Данилов, С. А. Рискогенность образования и социокультурный потенциал общества в условиях цифровизации / С. А. Данилов, В. А. Ручин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 10-14.

53. Дарвиш, О. Б. Психологическая устойчивость как базовая характеристика личности / О. Б. Дарвиш // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 7. – С. 362-370.

54. Деткова, И. В. Формирование психологической устойчивости как средство профилактики аддикций у подростков / И. В. Деткова, А. В. Леонтьева, Н. В. Ковалева // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 2-2(115). – С. 378-382.

55. Донцов, А. И. Психология безопасности: учебное пособие для вузов / А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова, Е. Б. Перельгина. – М.: Издательство «Юрайт», 2020. – 276 с.

56. Донцов, А. И. Социальная стабильность: от психологии до политики / А. И. Донцов, Е. Б. Перельгина. – М.: Эксмо, 2011. – 298 с.

57. Дуганова, Ю. К. Личностные особенности молодых людей с разным представлением о психологической безопасности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Дуганова Юлия Константиновна. – Ростов-на-Дону, 2014. – 24 с.

58. Дутко, Ю. А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования / Ю. А. Дутко // Проблемы современного образования. – 2020. – № 4. – С. 28-37.

59. Емельянова, Т. П. Социальное самочувствие молодежи: психолого-политические аспекты / Т. П. Емельянова, Т. В. Семенова // Организационная психология и психология труда. – 2021. – №4. – С. 87-102.

60. Емельянова, Т. П. Культурная травма: социально-психологические аспекты / Т. П. Емельянова // Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН. – М.: Издательство ИП РАН. – 2008. – С. 61-69.

61. Ефремова, М. В. Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн и офлайн-контекстах / М. В. Ефремова, М. А. Бульцева // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 107-126.

62. Живаева, Ю. В. Социокультурная идентичность как фактор устойчивости жизненного мира человека: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Живаева Юлия Валерьяновна. – Томск, 2014. – 24 с.

63. Жожикашвили, Н. А. Психическая устойчивость / Н. А. Жожикашвили, А. С. Малых, А. А. Девятерикова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 49-66.

64. Журавлев, А. Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН. – URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/media/on-layn-bibliote/materialy_3/materialy_/doklad_al_.html (дата обращения 20.03.2022).

65. Журавлев, А. Л., Павлова, Н. Д., Зачесова, И. А. О дискурсе, дискурсивном воздействии и информационно-психологической безопасности (вместо предисловия) // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Издательство Института психологии РАН, 2016. С. 5-10.

66. Захаров, М. Ю. Социология безопасности знания в цифровом образовательном пространстве / М. Ю. Захаров, И. Е. Старовойтова, А. В. Шишкова // Вестник университета. – 2020. – № 3. – С. 154-159.

67. Звездин, Л. А. Цивилизационная безопасность России в языковом измерении: сущность и обеспечение в современных условиях дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Звездин Лев Александрович, 2020. – 184 с.

68. Зимняя, И. А. Педагогическая психология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим и психологическим направлениям и специальностям / И. А. Зимняя. – Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. – М.: Университетская книга; Логос, 2008. – 382 с.

69. Зинченко, Ю. П. Методологические проблемы изучения этнокультурной идентичности детей и подростков в цифровом обществе / Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгерова, Р. С. Шилко // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2019. – № 2. – С. 875-884.

70. Зинченко, Ю. П. Психологическая безопасность личности и общества в современном информационном пространстве / Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгерова, Р. С. Шилко // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2(6). – С. 48-59.

71. Знаков, В. В. Психология возможного: новое направление исследований понимания / В. В. Знаков; Российская академия наук, Институт психологии. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Института психологии РАН, 2020. – 306 с.

72. Зотова, О. М. Информационные перегрузки как фактор стресса студентов вузов / О. М. Зотова, В. В. Зотов // Курский научно-практический вестник Человек и его здоровье. – 2015. – № 4. – С. 108-115.

73. Зыкина, Е. И. Методика развития нравственной устойчивости у студентов – будущих юристов на занятиях по английскому языку / Е. И. Зыкина // Вестник ИжГТУ имени М.Т. Калашникова. – 2015. – Т. 18. – № 3(67). – С. 129-130.

74. Интернет и дети: социальное поведение молодых россиян в Интернете / Э. П. Печерская, В. Б. Звоновский, Д. Ю. Меркулова [и др.]. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2013. – 140 с.

75. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: монография / Н. А. Баранов, А. Л. Вассоевич, С. М. Виноградова [и др.]. – СПб.: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Петрополис», 2017. – 300 с.

76. Исмаилова, Н. П. Цифровизация образовательного процесса и обеспечение информационно-психологической безопасности / Н. П. Исмаилова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 1(80). – С. 61-62.

77. Калинина, Н. В. Профилактика рисков интернет-активности обучающихся: субъект-порождающее взаимодействие / Н. В. Калинина // Образование личности. – 2017. – № 1. – С. 12-17.

78. Калинина, Н. В. Развитие устойчивости к интернет-рискам у детей и подростков (методические рекомендации для педагогов) / Н. В. Калинина // Профилактика зависимостей. – 2018. – № 3(15). – С. 82-92.

79. Кисиленко, А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи / А. В. Кисиленко // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 63-71.

80. Кислов, В. Р. Модель формирования эмоционально-волевой устойчивости курсантов военных вузов / В. Р. Кислов // Пенитенциарная наука. – 2020. – Т. 14. – № 2(50). – С. 287-293.

81. Кисляков, П. А. Возможности позитивной социализации и самореализации детей и молодежи в виртуальном пространстве / П. А. Кисляков, А.-Л. С. Меерсон, О. А. Силаева // Ценностно-смысловые основания воспитания свободного человека: материалы международной научно-практической конференции (Ярославль, 09-10 сентября 2021 г.). – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2021. – С. 257-259.

82. Кисляков, П. А. Информационно-психологическая устойчивость личности к социокультурным угрозам / П. А. Кисляков, А.-Л. С. Меерсон, Е. А. Шмелева; под. ред. П. А. Кислякова. – Иваново: ПресСто, 2022. – 180 с.

83. Кисляков, П. А. Направления противодействия коммуникативным рискам цифровой среды в системе образования / П. А. Кисляков, А.-Л. С. Меерсон // Общение в эпоху конвергенции технологий: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 9-11 декабря 2021 г.). – М.: Издательство ФГБНУ «ПИ РАО». – С. 477-479.

84. Кисляков, П. А. Психологическая устойчивость в контексте различных теорий личности / П. А. Кисляков, А. С. Меерсон // Психология XXI столетия: материалы Конгресса «Психология XXI столетия» (Ярославль, 15-17 мая 2020 г.). – Ярославль: Международная Академия Психологических Наук, 2020. – С. 189-194.

85. Кисляков, П. А. Психолого-педагогическая концепция формирования социальной безопасности личности будущего педагога: системно-логический подход: монография / П. А. Кисляков. – М.: Русский журнал; Шуя: Издательство Шуйского фил. ИвГУ, 2014. – 438 с.

86. Кисляков, П. А. Устойчивость личности к социокультурным угрозам в условиях цифровой трансформации общества / П. А. Кисляков, А. Л. С. Меерсон, Е. А. Шмелева, М. О. Александрович // Образование и наука. – 2021. – Т. 23. – № 9. – С. 142-168.

87. Кисляков, П. А. Формирование толерантности и профилактика идеологии экстремизма в молодежной среде / П. А. Кисляков // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2011. – № 3. – С. 7.

88. Кисляков, П. А. Показатели психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию / П. А. Кисляков, А. Л. С. Меерсон, П. А. Егорова // Вестник Мининского университета. – 2020. – Т. 8. – № 2(31). – С. 11.

89. Кисляков П. А. Восприятие молодежью социокультурных угроз цифровой трансформации общества / П. А. Кисляков, А. Л. С. Меерсон, О. А. Силаева, Е. Е. Дмитриева // Вестник Мининского университета. – 2020. – Т. 8. – № 4. – С. 8.
90. Кисляков П.А., Шмелева Е.А. Media education in training students to provide information and psychological security / П.А. Кисляков, Е.А. Шмелева // Медиаобразование. – 2018. – № 1. – С. 107-116.
91. Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Александрович М. О. Моральные основания и социальные нормы безопасного просоциального поведения молодежи // Образование и наука. 2020. – №10. – С. 116-138.
92. Кисляков, П. А. Обеспечение социально-психологической безопасности субъектов образования / П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева, С. Н. Толстов // Вопросы психологии. – 2015. – № 5. – С. 46-55.
93. Кисляков, П. А. Психология безопасного просоциального поведения личности / П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева. – М.: ООО «Когито-Центр», 2021. – 357 с.
94. Князева, Н. Н. Психологическая безопасность медиасреды с позиций феномена психологических границ / Н. Н. Князева // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 4(75). – С. 42-46.
95. Кононенко, Т. В. Воспитание нравственной устойчивости у студентов педагогических вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Кононенко Татьяна Викторовна. – Майкоп, 2004. – 17 с.
96. Кордон, Т. А. Формирование социальной устойчивости будущих педагогов / Т. А. Кордон // Образование и саморазвитие. – 2009. – № 6(16). – С. 127-130.
97. Корешникова, Ю. Н. Профессиональные компетенции педагога как фактор сформированности критического мышления студентов / Ю. Н. Корешникова, И. Д. Фрумин // Психологическая наука и образование. – 2020. – Т. 25. – № 6. – С. 88-103.

98. Коршунов, А. В. Духовная безопасность российского общества: основные угрозы и стратегии их преодоления / А. В. Коршунов // Власть. – 2012. – № 6. – С. 39-42.

99. Костоусов, А. Г. Формирование профессиональных представлений о безопасности у курсантов вуза войск национальной гвардии: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Костоусов Алексей Геннадьевич, 2017. – 156 с.

100. Кравченко, С. А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде / С. А. Кравченко // Социологические исследования. – 2019. – № 10. – С. 48-57.

101. Красноруцкий, Л. П. Возможные социокультурные трансформации сетевого поколения России / Л. П. Красноруцкий // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6. – № 3. – С. 155-164.

102. Красноруцкий, Л. П. Специфика сетевого поколения в России: социокультурный образ и ценностные ориентации: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Красноруцкий Леонид Павлович. – Ростов-на-Дону, 2017. – 33 с.

103. Краснянская, Т. М. Методологические подходы к исследованию информационно-психологической безопасности / Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2020. – № 5. – С. 54-61.

104. Краснянская, Т. М. Психологический анализ социокультурных вызовов лингвистической безопасности личности / Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец. // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. А. В. Черной. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство «Foundation», 2018. С. 444-450.

105. Кривенькая, М. А. Молодежь о цифровой социализации: единение и одиночество в сети / М. А. Кривенькая // Этнодиалоги. – 2019. – № 2(58). – С. 53-59.

106. Крупник, Е. П. Психологическая устойчивость личностных конструктов в период взрослости / Е. П. Крупник, Е. Н. Лебедева // Психологический журнал. 2000. Т. 21. №6. С. 12-23.

107. Кузьмина, Н. В. Акмеологическая теория повышения качества подготовки специалистов образования: Монография / Н. В. Кузьмина. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2001. – 144 с.

108. Куликов, Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. / Л. В. Куликов – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.

109. Кыверялг, А. А. Методы исследования в профессиональной педагогике / А. А. Кыверялг; АПН СССР, НИИ проф.-техн. педагогики, НИИ педагогики. – Таллинн: Валгус, 1980. – 334 с.

110. Ле-ван, Т. Н. Здоровье ребенка в современной информационной среде: учебно-методическое пособие / Т. Н. Ле-ван.– М.: Форум, 2015. – 223 с.

111. Леонтьев, В. Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования / В. Г. Леонтьев. – Новосибирск, 2002. – 261 с.

112. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.

113. Линченко, А. А. Праксиологическое понимание ценностей исторического сознания / А. А. Линченко // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 440. – С. 64-71.

114. Лисенкова, А. А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект / А. А. Лисенкова // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 217-222.

115. Литвинова, А. В. Психологическая безопасность обучающихся во взаимодействии с виртуальной реальностью / А. В. Литвинова, Т. Н. Березина, А. В. Кокурин, В. И. Екимова // Современная зарубежная психология. – 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 94-104.

116. Литвишков, В. М. Нравственная устойчивость несовершеннолетних осужденных как педагогическая проблема / В. М. Литвишков, А. В. Вилкова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2016. – № 8(171). – С. 24-27.

117. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 444 с.

118. Лукаш, А. И. Черное зеркало: информационная и ценностная безопасность молодежи в интернете // ВЦИОМ (22.04.2022). – URL: <https://wciom.ru/expertise/chnoe-zerkalo-informacionnaja-i-cennostnaja-bezopasnost-molodezhi-v-internete> (дата обращения 25.04.2022).

119. Лукьянов, О. В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Лукьянов Олег Валерьевич. – Томск, 2009. – 43 с.

120. Малахова, М. В. Использование таксономии Блума при формировании поискового компонента информационной культуры / М. В. Малахова // Педагогическое образование на Алтае. – 2012. – № 1. – С. 136-142.

121. Маленов, А. А. Ресурсы психологического образования в зрелом возрасте: факторный подход / А. А. Маленов // Психология обучения. – 2013. – № 7. – С. 31-46.

122. Малинин, В. А. Духовно-нравственное развитие личности на основе гуманистических ценностей / В. А. Малинин, Т. Г. Мухина, С. Н. Сорокоумова, О. В. Лебедева // Инициативы XXI века. – 2016. – № 1. – С. 66-72.

123. Малков, С. Ю. О рисках информационного общества / С. Ю. Малков, А. А. Максимов // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. – 2018. – № 1(1). – С. 129-135.

124. Малышева, Г. А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества / Г. А. Малышева // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 1. – С. 40-46.

125. Марцинковская Т. Д., Полева Н. С. Поколение эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. – 2017. – №1. – С. 24-37.

126. Матюшенко, С. В. Выработка у будущих сотрудников ОВД устойчивости к неблагоприятному информационно-психологическому воздействию / С. В. Матюшенко // Вестник Международного института экономики и права. – 2017. – № 1(26). – С. 105-109.

127. Маякова, А. В. Классификации социокультурных рисков / А. В. Маякова // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. – 2020. – № 4(23). – С. 32-38.

128. Микрюков В. Ю. Обеспечение духовно-нравственной безопасности российских учащихся в современных условиях. – URL: http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1003 (дата обращения 12.10.2021).

129. Меерсон, А.-Л. С. Разработка тренинга по формированию информационно-психологической устойчивости личности студентов вуза / А.-Л. С. Меерсон // Russian Journal of Education and Psychology. – 2022. – №13(1). – С. 154-176.

130. Меерсон, А.-Л. С. Формирование информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза / А.-Л. С. Меерсон // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2022. – №1. – С. 138-151.

131. Молчанов, С. В. Мотивационно-смысловые аспекты цифрового волонтерства современной молодежи / С. В. Молчанов, Н. С. Пряжников // Национальный психологический журнал. – 2020. – Т. 2. – № 2(38). – С. 31-38.

132. Наследов, А. Д. Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и по

специальностям психологии / А. Д. Наследов. – 4-е изд., стер. – СПб.: Речь, 2012. – 389 с.

133. Нестик, Т. А. Психология глобальных рисков / Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев. – М.: Институт психологии РАН, 2018. – 402 с.

134. Никитина, Н.И. Ситуационно-контекстный подход к развитию профессионально-коммуникативной толерантности специалистов социально-педагогического профиля / Н. И. Никитина, С. Н. Толстикова // Инновации в образовании. – 2012. – № 10. – С. 14-24.

135. Оленина, Г. В. Международное добровольчество как социально-культурное движение: культурологический подход / Г. В. Оленина // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2017. – № 1(11). – С. 39-43.

136. Павлова, И. И. Формирование нравственной устойчивости у подростков / И. И. Павлова // Интеграция образования. – 2006. – № 2(43). – С. 84-91.

137. Пазухина, С. В. Экстремальная компетентность будущего учителя как фактор безопасности образовательной среды / С. В. Пазухина // Безопасность образовательной среды: психологическая оценка и сопровождение: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 30-31 октября 2013 года). – М.: Центр экстренной психологической помощи МГППУ, 2013. – С. 48-53.

138. Панов, В. И. Опыт системных исследований цифровизации информационной среды: риски, представления, взаимодействия / В. И. Панов, Э. В. Патраков // Мир психологии. – 2021. – № 1-2 (105). – С. 116-130.

139. Пантин, В. И. Вызовы глобальной безопасности в XXI в.: межэтнические и междивизиационные конфликты / В. И. Пантин // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2015. – № 1-2. – С. 110-119.

140. Пегов, В. А. Характер двигательной активности молодых людей и устойчивость к "технологическим" зависимостям / В. А. Пегов, А. В. Пегова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2012. – № 11(93). – С. 94-97.

141. Подласый, И. П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов: учеб. пособие для вузов / И. П. Подласый. – М.: ВЛАДОС-пресс, 2004. – 365 с.

142. Попов, М. Е. Идеологические основания эскалации экстремизма как угрозы социокультурной интеграции на Юге России / М. Е. Попов, В. В. Мальцева // Манускрипт. – 2016. – №7-1 (69). – С. 126-128.

143. Протестный Петербург. Северная столица – лидер по демонстрациям в России. // BFM.RU: [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.bfm.ru/news/399160> (дата обращения 10.11.2020).

144. Психическая устойчивость человека в особых и экстремальных условиях деятельности: монография / В. Г. Зазыкин, С. Л. Кандыбович, М. Ф. Секач, С. В. Смутьский. – М.: Межрегиональная общественная организация «Академия военных наук», 2015. – 728 с.

145. Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России. // Российская газета. № 35(5708). – URL: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения 10.11.2020).

146. Рожков, М. И. Сопровождение детей и молодежи как компонент социально-педагогической деятельности / М. И. Рожков // Психологическое и социально-педагогическое сопровождение детей и молодежи: Материалы международной научной конференции: в 2-х т. Т.1. Ярославль: Издательство ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2005. – С. 3-6.

147. Рожков, М. И. Воспитание свободного человека / М. И. Рожков, Л. В. Байбородова. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 265 с.

148. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Питер, 2012. – 705 с.

149. Рыжов, В. В. Механизм деструктивных изменений личности под воздействием аддиктивных факторов и формирование психологической

устойчивости личности к аддикции / В. В. Рыжов, Н. Н. Телепова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 3. – С. 40.

150. Рязанцева, Т. В. Социально детерминированные аспекты формирования нравственно-психологической самоидентификации личности в условиях трансформирующегося общества / Т. В. Рязанцева // Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. – 2021. – №1. – С. 524-528.

151. Сажин, А. В. Нравственная устойчивость личности и методы ее психологического исследования / А. В. Сажин // Психология обучения. – 2014. – № 1. – С. 138-148.

152. Сажин, А. В. Психосемантические методы исследования нравственной устойчивости личности / А. В. Сажин // Современные исследования социальных проблем. 2011. – С. 106-111.

153. Секач, М. Ф. Психология здоровья: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по психол. специальностям / М. Ф. Секач; Моск. открытый социал. ун-т. – М.: Акад. проект, 2003. – 189 с.

154. Сергеев, Д. В. Социокультурный контекст исследований социальной безопасности современной России: дискурс-анализ работ современных российских исследователей / Д. В. Сергеев // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 4(51). – С. 246-251.

155. Сергиенко, Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива / Е. А. Сергиенко // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32. – № 1. – С. 120-132.

156. Сидельников, А. А. Исследование условий и результатов формирования исторического сознания старшеклассников: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Сидельников Андрей Александрович. – Санкт-Петербург, 2012. – 25 с.

157. Симакова, Т. А. Киберустойчивость личности обучающихся высшего профессионального образования: теоретические, прикладные и практические аспекты: монография / Т. А. Симакова, С. Н. Сорокоумова. – Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2021. – 170 с.

158. Скрипкина, Т. П. Социокультурные технологии формирования социального и индивидуального толерантного поведения / Т. П. Скрипкина, О. А. Карабанова // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2(6). – С. 34-39.

159. Смирнов, В. М. Специфика негативного воздействия современных информационных технологий на личность старшеклассника в контексте трансформации характера социального взаимодействия / В. М. Смирнов, А. С. Коповой // Пензенский психологический вестник. – 2016. – № 1(6). – С. 78-86.

160. Смирнов, А. Информационно-психологическая война / А. Смирнов // Свободная мысль. – 2013. – № 6(1642). – С. 81-96.

161. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире / Г. У. Солдатова // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – №3. – С. 71-80.

162. Солдатова, Г. У. Принципы формирования толерантности и управления рисками ксенофобии / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Л. А. Шайгерова // Национальный психологический журнал – 2011. – №2(6) – С. 60-79.

163. Солдатова, Г. У. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, Т. А. Нестик. – М.: Издательство «Смысл», 2017. – 375 с.

164. Сорокоумова, С. Н. Когнитивные стили и персонализация обучения студентов-психологов / С. Н. Сорокоумова, С. П. Елшанский, Е. Б. Пучкова, Ю. В. Суховершина // Вестник Мининского университета. – 2020. – Т. 8. – № 1(30). – С. 10.

165. Сорокоумова, С. Н. Развитие иерархической системы духовно-нравственного сознания у студентов социологических специальностей / С. Н. Сорокоумова, В. П. Исаев // Приволжский научный журнал. – 2013. – № 4(28). – С. 223-226.

166. Социальные сети и цензура: за и против / ВЦИОМ // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-cenzura-za-i-protiv> (дата обращения: 16.03.2021).

167. Строков, А. А. Гуманитарная безопасность России в условиях цифровизации образования / А. А. Строков // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2020. – № 1(33). – С. 156-163.

168. Стрункина, Т. С. Социокультурные потребности и социально-психологическая адаптация студентов-первокурсников / Т. С. Стрункина, Е. А. Шмелева // Социализация и реабилитация в современном мире: сборник научных статей / Под редакцией О.Е. Нестеровой, Р.М. Шамяниной, Л.В. Шиповой, Е. С. Пяткиной, М. Д. Коноваловой. – М.: Издательство «Перо», 2017. – С. 597-605.

169. Сун, Л. Роль модели аргументации Тулмина в подготовке образовательных дебатов / Л. Сун // Проблемы педагогики. – 2016. – № 4(15). – С. 57-60.

170. Сычев, О. А. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ / О. А. Сычев, И. Н. Протасова, К. И. Белоусов // Российский психологический журнал. – 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 88-115.

171. Тарасенко, Е. В. К вопросу о целесообразности популяризации волонтерской и добровольческой деятельности Российской молодежи средствами массовой информации / Е. В. Тарасенко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2019. – № 1(232). – С. 184-189.

172. Тарасов, А. Н. Риски цифровизации образовательного пространства школы в условиях современной социокультурной трансформации /

А. Н. Тарасов, Д. В. Катаев // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. – 2020. – № 6. – С. 7-12.

173. Татарко, А. Н. Методы этнической и кросскультурной психологии / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева // М.: Издательский дом Высшей школы экономики. – 2011. – 238 с.

174. Телепова, Н. Н. Психолого-педагогическая концепция формирования психологической устойчивости личности к аддиктивным факторам: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07 / Телепова Надежда Николаевна. – Нижний Новгород, 2012. – 51 с.

175. Толстикова, И. И. Цифровое поведение и характеристики личности поколения Z в условиях глобальной цифровизации / И. И. Толстикова, О. А. Игнатьева, К. С. Кондратенко, А. В. Плетнев // *Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. (Труды XXIII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2020 (сборник научных статей)*. – СПб.: Университет ИТМО. – 2020. – В. 4. – С. 103-115.

176. Тонконогов, А. В. Духовная безопасность современного российского общества / А. В. Тонконогов. – М.: Издательство РГАУ - МСХА им. К. А. Тимирязева, 2009. – 205 с.

177. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; [Пер. с англ. Е. Руднева и др.]. - М.: АСТ, 2003 – 557 с.

178. Троицкий, Ю. Л. Нарративные экспликации социокультурных угроз в эго-документах (от мотива к семантическому полю) / Ю. Л. Троицкий // *Сибирский филологический журнал*. – 2018. – №3. – С. 136-141.

179. Усенкова, Е. В. Сущность процесса формирования нравственной устойчивости подростков, склонных к аддиктивному поведению, в педагогической теории и практике / Е. В. Усенкова // *Научное мнение*. – 2013. – № 6. – С.158-163.

180. Усков, В. М. Особенности методической системы формирования психологической устойчивости у слушателей высших учебных заведений

пожарной службы / В. М. Усков, И. В. Теслинов, К. Б. Летникова, Г. А. Квашнина // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х частях, (Воронеж, 20 сентября 2012 г.) – Воронеж: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский институт государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», 2012. – С. 230-233.

181. Федоров, А. В. Медиаобразование и медиаграмотность: учеб. пособие для вузов / А. В. Федоров. – Таганрог: Кучма, 2004. – 339 с.

182. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, В. А. Мазилков – Изд. 2-е дополненное и переработанное. – М.: Институт психотерапии и клинической психологии, 2018. – 720 с.

183. Флиер, А. Я. наброски к построению социокультурной картины мира в границах культурологии / А. Я. Флиер // Обсерватория культуры. – 2012. – № 4. – С. 4-11.

184. Халперн, Д. Психология критического мышления / Д. Халперн; [Пер. с англ. Н. Мальгина и др.]. – 4 междунар. изд. – СПб.: Питер, 2000. – 503 с.

185. Харламенкова, Н. Е. Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты / Н. Е. Харламенкова // Современная личность: Психологические исследования / Ответственные редакторы: М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова; Институт психологии РАН. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. – С. 141-160.

186. Хорольская, Т. Е. Социально-педагогические условия формирования исторического сознания сотрудников ОВД России в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Хорольская Татьяна Евгеньевна. – Барнаул, 2006. – 22 с.

187. Хусаинова, С. В. Концепция психологической устойчивости обучающегося в учебно-профессиональной деятельности / С. В. Хусаинова // Казанский педагогический журнал. – 2018. – № 5(130). – С. 219-223.

188. Моделирование и диагностика просоциального поведения волонтеров / О. Ю. Чашкова, Н. А. Синельникова, М. Л. Романова [и др.] // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". – 2016. – № 5. – С. 143-158.

189. Черненилов, В. И. Психологическая устойчивость личного состава органов внутренних дел к деструктивным информационно-психологическим воздействиям / В. И. Черненилов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 3(66). – С. 3-6.

190. Черниговская, Т. В. Человек в цифровом мире. // Психологическая газета. – URL: <https://psy.su/feed/6900/> (дата обращения 13.06.2021).

191. Чернова, Е. В. Информационная безопасность человека: учебное пособие для вузов / Е. В. Чернова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Юрайт», 2020. – 243 с.

192. Что мы знаем о них? 30 фактов о поколении Z. – URL: <https://inside-pr.ru/archives/828> (дата обращения 11.10.2020).

193. Чудновский, В. Э. Нравственная устойчивость личности: Психологические исследования / В. Э. Чудновский. – М.: Педагогика, 1981. – 208 с.

194. Чуносков, М. А. Психолого-педагогический аспект формирования у несовершеннолетних морально-ценностной устойчивости к идеологии экстремизма / М. А. Чуносков // Обзор НИЦПТИ. – 2018. – № 2(13). – С. 34-38.

195. Шадриков, В. Д. Психология деятельности человека / В. Д. Шадриков – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2013. – 464 с.

196. Шамяионов, Р. М. Психология социального поведения личности: Учебное пособие / Р. М. Шамяионов – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009.

197. Шаповалова, И. С. Анализ социокультурных угроз среды обитания / И. С. Шаповалова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Т. 2. – № 11. – С. 127-134.

198. Шепет, А. В. Роль исторического сознания в воспитании патриотизма у суворовцев / А. В. Шепет // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 8-1. – С. 125-131.

199. Шестопап Е. Б. Социокультурные угрозы и риски в современной России / А. В. Селезнева, Е. Б. Шестопап // Социологические исследования. – 2018. – № 10(414). – С. 90-99.

200. Шиняев, К. А. Особенности психологической устойчивости личности старшеклассника в зависимости от образовательной среды / К. А. Шиняев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15. – № 2-1. – С. 160-162.

201. Шмелева, Е. А. Медиаресурсы как сфера просоциального взаимодействия молодежи в цифровой среде / Е. А. Шмелева, П. А. Кисляков, С. В. Ланцова, А.-Л. С. Меерсон // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2021): материалы II-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 11-12 ноября 2021 г.). – М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ. – С. 546-556.

202. Шмелева, Е. А. Развитие инновационного потенциала личности в научно-образовательной среде педагогического вуза: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07 / Шмелева Елена Александровна. – Нижний Новгород, 2013. – 485 с.

203. Шмелева, Е. А. Социокультурные потребности личности в формировании способности противостоять возникающим угрозам и рискам / Е. А. Шмелева, П. А. Кисляков // Психология способностей и одаренности: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Ярославль, 21–22 ноября 2019 года / Под редакцией В. А. Мазилова. – Ярославль:

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. – С. 538-540.

204. Шмелева, Е. А. Социокультурные потребности личности в становлении безопасного просоциального поведения / Е. А. Шмелева, П. А. Кисляков, Л. Д. Мальцева // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2019. – Т. 1. – № 8. – С. 179-184.

205. Шмелева, Е. А. Социокультурная идентичность в формировании устойчивости молодежи к возникающим угрозам и рискам / Е. А. Шмелева, П. А. Кисляков, Т. С. Стрункина // Научный поиск. – 2019. – № 3.1. – С. 76-80.

206. Шорохова, Е. В. Проблемы изучения психологических механизмов регуляции различных видов социального поведения / Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева // Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук «Издательство «Наука», 1979. – С. 3-19.

207. Шунейко, А. А. Информационная безопасность человека: учебное пособие для вузов / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко. – М.: Владос, 2018. – 166 с.

208. Юревич, А. В. Патриотизм как научная проблема / А. В. Юревич // Вестник Российской академии наук. – 2016 – Т. 86. – № 4. – С. 352-359.

209. Юревич, А. В. Макропсихология современного российского общества / А. В. Юревич. – М.: Институт психологии РАН, 2019. – 383 с.

210. Юревич, А. В. Нравственное состояние современного российского общества: эмпирические оценки / А. В. Юревич // Вопросы психологии. – 2016. – № 6. – С. 49-62.

211. Юсупова, Л. Н. Развитие критического мышления в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетентности на примере курса «Медиаграмотность» / Л. Н. Юсупова, Т. М. Татарина, Н. В. Юдин // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 6(48). – С. 180-191.

212. Якунин, В. А. Педагогическая психология: учеб. пособие / В. А. Якунин. – 2. изд. – СПб.: Михайлов, 2000. – 348 с.

213. Янкова, Н. А. Лингвосоциокультурные угрозы современному обществу в контексте актуальных социальных процессов / Н. А. Янкова // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. – 2017. – № 3. – С. 117-120.

214. Ackermann, K., Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared / K. Ackermann, A. Manatschal. // *New Media&Society*. – 2018. – Т. 20(12). – P. 4453–4472

215. Al-Salkhi, M. J. Spiritual intelligence and its relation with psychological stability of a sample of students from the college of arts and sciences in the university of petra / M. J. Al-Salkhi. // *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*. – 2019. – V. 18(3). – P. 142-163.

216. Arain, M. Maturation of the adolescent brain / M. Arain, M. Haque, L. Johal, P. Mathur, W. Nel, A. Rais, R. Sandhu, S. Sharma // *Neuropsychiatric disease and treatment*. – 2013. – V. 9. – P. 449-461.

217. Bećirović, S. The problems of contemporary education: Critical thinking development in the Milieu of high school education / S. Bećirović, F. Hodžić, A. Brdarević-Čeljo. // *European Journal of Contemporary Education*. – 2019. – Т. 8(3). – P. 469-482.

218. Berkowitz, M.W. Educating for positive youth development / M. W. Berkowitz, S. Sherblom, M. Bier, V. Battistich. // *Handbook of moral development* / Ed. by M. Killen, J. Smetana. – 2005. – P. 683-702.

219. Boa, E.A. The development and validation of the Blended Socratic Method of Teaching (BSMT): An instructional model to enhance critical thinking skills of undergraduate business students / E. A. Boa, A. Wattanatorn, K. Tagong // *Kasetsart Journal of Social Sciences*. – 2018. – Т. 39(1). – P. 81-89.

220. Bogdan, S. S. Nurturing the development of critical thinking based on universal cognitive attitudes, strategies and techniques / S. S. Bogdan,

L. L. Lashkova, E. V. Lukiyanchina. // *Science for Education Today*. – 2019. – T. 9(2). – P. 37-51.

221. Carr, N. *Is Google Making Us Stupid* / N. Carr. // *Yearbook of The National Society for The Study of Education*. – 2008. – V.107. – P.89-94.

222. Carr, N. *The Shallows: How the Internet is Changing the Way We Think, Read and Remember*. / N. Carr. // London: Atlantic Books. – 2010. – 276 p.

223. Chandler, S. W. *On the bright side of the screen: Material-world interactions surrounding the socialization of outsiders to digital spaces* / S. W. Chandler, J. Burnett, J. Lopez. // *Computers and Composition*. – 2007. – T. 24(3). – P. 346-364.

224. Darvishzadeh, K. *The relationship between resilience, psychological hardiness, spiritual intelligence, and development of the moral judgement of the female students* / K. Darvishzadeh, Z. D. Bozorgi. // *Asian Social Science*. – 2016. – T. 12(3). – P. 170-176.

225. Davis, S. A. *A cognitive-behavioral model of pathological Internet use* / S. A. Davis // *Computers in Human Behavior*. – 2001. – T. 17(2). – P. 187-195.

226. Degoy, E. *El Rol del Docente ante las Adicciones Tecnológicas. Factor de Protección o Riesgo?* / E. Degoy, L. E. Luque. // *Revista Iberoamericana de Educación*. – 2013. – T. 61(4). – P. 1-10.

227. Dixon, S. *Young People and Digital Media* / S. Dixon, // *Working with Vulnerable Children, Young People and Families* (2nd edition) / Ed. by G. Brotherton, M. Cronin. Publisher: Routledge, – 2020. – 24 p.

228. Dumitru, D. *Creating meaning. The importance of Arts, Humanities and Culture for critical thinking development* / D. Dumitru. // *Studies in Higher Education*. – 2019. – T. 44(5). – P. 870-879.

229. Dumitru, D. *Critical thinking, moral courage, and sustainable development goals. Universities as a driving force for societal change* / D. Dumitru. // *Universities, Sustainability and Society: Supporting the Implementation of the Sustainable Development Goals. World Sustainability Series*. Springer, Cham. – 2021. – P. 171-179.

230. Dwyer, C.P. An exploratory quantitative case study of critical thinking development through adult distance learning / C. P. Dwyer, A. Walsh. // *Educational Technology Research and Development*. – 2020. – T. 68(1). – P. 17-35.

231. Erceg N., Ružojčić M., Galic Z. Misbehaving in the Corona Crisis: The Role of Anxiety and Unfounded Beliefs. Preprint. – 2020.

232. Ganguly, R. Profiles of psychological resilience in college students with disabilities / R. Ganguly, H. N. Perera. // *Journal of Psychoeducational Assessment*. – 2019. – T. 37(5). – P. 635-651.

233. Gebauer, J. E. Agency-communion and interest in prosocial behavior: social motives for assimilation and contrast explain sociocultural inconsistencies / J. E. Gebauer, C. Sedikides, O. Ludtke, W. Neberich. // *Journal of Personality*. – 2014. – V. 82. – № 5. – P. 452-466.

234. Gotoh, Y. Development of critical thinking with metacognitive regulation and toulmin model / Y. Gotoh. // *14th International Conference on Cognition and Exploratory Learning in the Digital Age*. – 2017. – P. 281-285.

235. Graham, J. Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism / J. Graham, J. Haidt, S. Koleva, M. Motyl, R. Iyer, S. Wojcik, P. H. Ditto. // *Advances in Experimental Social Psychology*. – 2013. – T. 47. – P. 55-130.

236. Greenfield, S. *The Quest for Identity in the 21st Century*. / S. Greenfield. // London: Sceptre. – 2008. – 320 p.

237. Haidt, J. Social intuitionists answer six questions about moral psychology / J. Haidt, F. Bjorklund. // *Moral psychology. T. 2: The cognitive science of morality: Intuition and diversity* / Ed. by W. Sinnott-Armstrong. Cambridge, MA, US: MIT Press. – 2008. – P. 181-217.

238. Hall, A. N. Strength and weakness of character: Psychological health and resilience / A. N. Hall, K. M. Gow, M. L. Penn, E. Jayawickreme. // *Continuity versus creative response to challenge: The primacy of resilience and*

resourcefulness in life and therapy. Australia: Queensland University of Technology. Nova Science Publishers, Inc. – 2011. – P. 175-194.

239. Harper, C. A. Functional fear predicts public health compliance in the COVID-19 pandemic / C. A. Harper, L. Satchell, D. Fido, R. Latzman. // *International Journal of Mental Health and Addiction*. – 2020. – P. 1-14.

240. Hsiao, K. L. Exploring the Effect of Compulsive Social App Usage on Technostress and Academic Performance: Perspectives from Personality Traits / K. L. Hsiao, Y. Shu, T. C. Huang. // *Telematics and Informatics*. – 2017. – T. 34(2). – P. 679-690.

241. Huang, T. C. SNS collaborative learning design: enhancing critical thinking for human-computer interface design / T. C. Huang, Y. L. Jeng, K. L. Hsiao, B.-R. Tsai. // *Universal Access in the Information Society*. – 2017. – V. 16. – P. 303-312.

242. Hyytinen, H. Enhancing scientific thinking through the development of critical thinking in higher education / H. Hyytinen, A. Toom, R. J. Shavelson. // *Redefining Scientific Thinking for Higher Education*. Palgrave Macmillan, Cham. – 2019. – P. 59-78.

243. Ito, M. Hanging out, messing around, and geeking out: Kids living and learning with new media. / M. Ito, S. Baumer, M. Bittanti, D. Boyd, R. Cody, B. Herr-Stephenson, H. Horst, P. G. Lange, D. Mahendran, K. Martínez, C. J. Pascoe, L. Robinson, C. Sims, L. Tripp. // Cambridge: MIT Press. – 2010.

244. Ivashevsky, S. L. National identity in the context of digital transformation of education / S. L. Ivashevsky, A. A. Stokov, I. A. Savchenko, A. Yu. Kurmelev, O. I. Dimitricheva. // *National Interest, National Identity and National Security (NININS 2020)*. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – T. 102. – P. 398-403.

245. Jafari, S. M. Conceptualizing Digital Social Capital / S. M. Jafari, R. Moharrami. // *Conference Paper. International Seminar on New Topics in Business Management*. – 2019.

246. Jenkins, H. *Convergence Culture: When Old and New Media Collide.* / H. Jenkins. // New York: New York University Press. – 2006. – 336 p.

247. Jia, J. Psychological security and deviant peer affiliation as mediators between teacher-student relationship and adolescent Internet addiction / J. Jia, D. Li, X. Li, Y. Wang, W. Sun. // *Computers in Human Behavior.* – 2017. – T. 73. – P. 345-352.

248. Kass, J. D. *A person-centered approach to psychospiritual maturation: Mentoring psychological resilience and inclusive community in higher education.* / J. D. Kass. // Concord, USA: Palgrave Macmillan. – 2017. – 384 p.

249. Kayumova, L. R. *Modern View At Risk-Containing Educational Environment* / L. R. Kayumova, V. G. Zakirova, M. O. Aleksandrovich. // *Requirements and Approaches for Contemporary Teacher Training* / Ed. by B.M. Županic, O. Holz, M. Michielsen. Lit Verlag, Zürich. – 2019. – P. 125-139.

250. Kotzé, M. Psychological well-being and resilience as predictors of first-year students' academic performance / M. Kotzé, R. Kleynhans. // *Journal of Psychology in Africa.* – 2013. – T. 23(1). – P. 51-59.

251. Li, D. Perceived school climate and adolescent Internet addiction: The mediating role of deviant peer affiliation and the moderating role of effortful control / D. Li, Y. Zhou, X. Li, Z. Zhou. // *Computers in Human Behavior.* – 2016. – T. 60. – P. 54-61.

252. Li Z.-S., Hasson F. Resilience, stress, and psychological well-being in nursing students: A systematic review // *Nurse Education Today.* – 2020. – V. 90. – 104440.

253. Mao, Y. *Can Flow Alleviate Anxiety? The Roles of Academic Self-Efficacy and Self-Esteem in Building Psychological Sustainability and Resilience* / Y. Mao, R. Yang, M. Bonaiuto, J. Ma, L. Harmat. // *Sustainability.* – 2020. – T. 12(7).

254. Martela, F. The benefits of benevolence: Basic psychological needs, beneficence, and the enhancement of well-being / F. Martela, R. M. Ryan // *Journal of Personality.* – 2016. – № 84(6). – P. 750-764.

255. Milenkova, V. Towards defining media socialization as a basis for digital society / V. Milenkova, D. Peicheva, M. Marinov // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. – 2018. – T. 6(2). – P. 21-31.

256. Nejati, M. Leading by example: the influence of ethical supervision on students' prosocial behavior / M. Nejati, A. Shafaei. // *Higher Education*. – 2018. – № 75(1). – P. 75-89.

257. Obar, J. A. Social media definition and the governance challenge: an introduction to the special issue / J. A. Obar, S. Wildman. // *Telecommunication Policy*. – 2015. – T. 39. – P. 745-750.

258. Oldfield, J. Promoting resilience in street connected young people in Guatemala: The role of psychological and educational protective factors / J. Oldfield, A. Stevenson, E. Ortiz. // *Journal of Community Psychology*. – 2020. – T. 48(2). – P. 590-604.

259. Öze, N. Civil society organizations in socio-cultural building of identity in social networks: northern cyprus alewite associations / N. Öze, F. Soyer // *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli - Arastirma Dergisi*. – 2021. – V. 97. – P. 47-66.

260. Palmer, S. *Toxic Childhood: How the Modern World is Damaging Our Children and What we Can Do About It*. / S. Palmer. // London: Orion. – 2006. – 357 p.

261. Patrick, R. B. What accounts for prosocial behavior? Roles of moral identity moral judgment and self-efficacy beliefs / R. B. Patrick, A. J. Bodine, J. C. Gibbs, K. S. Basinger // *Journal of Genetic Psychology*. – 2018. – №179(5). – P. 231-245.

262. Postman, N. *Technopoly: The Surrender of Culture to Technology* / N. Postman. // New York: Vintage Books. – 1993. – 222 p.

263. Poveda-Pineda, D. F. Incorporación de las tecnologías de información y comunicación (TIC) durante el proceso de aprendizaje en la educación superior / D. F. Poveda-Pineda, J. E. Cifuentes-Medina // *Form. Univ.* – 2020. – T. 13(6). – P. 95-104.

264. Ratta, D. D. Digital Socialism Beyond the Digital Social: Confronting Communicative Capitalism with Ethics of Care / D. D. Ratta // *TripleC*. – 2020. – T. 18(1). – P. 101-115.

265. Sánchez-Macías, A. Tecnoestrés y adicción a las tecnologías de la información y las comunicaciones (TIC) en universitarios mexicanos: diagnóstico y validación de instrument / A. Sánchez-Macías, I. C. Flores-Rueda, M. G. Veytia-Bucheli, V. Azuara-Pugliese. // *Formacion Universitaria*. – 2021. – T. 14(4). – P. 123-132.

266. Seemiller C., Grace M. *Generation Z Goes to College*. San Francisco: Jossey-Bass, 2015.

267. Smith, J. Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood / J. Smith, B. Hewitt, Z. Skrbiš. // *Information, Communication & Society*. – 2015. – T. 18(9). – P. 1022-1038.

268. Stornaiuolo, A. Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites / A. Stornaiuolo // *Human Development*. – 2017. – T. 60. – P. 233-238.

269. Suryanti, N. The Effect of Problem-Based Learning with an Analytical Rubric on the Development of Students' Critical Thinking Skills / N. Suryanti, N. Nurhuda. // *International Journal of Instruction*. – 2021. – T.14(2). – P. 665-684.

270. Tarafdar, M. The Technostress Trifecta techno Eustress, Techno Distress and Design: Theoretical Directions and an Agenda for Research / M. Tarafdar, C. L. Cooper, J. F. Stich. // *Info. Systems Journal*. – 2019. – T. 29(1). – P. 6-42.

271. Thoits, P. A. Volunteer work and well-being / P. A. Thoits, L. N. Hewit. // *Journal of Health and Social Behavior*. – 2001. – Vol. 42. – P. 131-155.

272. Upadhyaya, P. Impact of Technostress on Academic Productivity of University Students / P. Upadhyaya, Y. Vrinda. // *Education and Information Technologies*. – 2021. – V. 26. – P. 1647-1664.

273. Van Dijck, J. The culture of connectivity: A critical history of social media. / J. Van Dijck. // NY: Oxford University Press. – 2013.

274. Villavicencio-Ayub, E. Tecnoestrés en Población mexicana y su Relación con Variables Sociodemográficas y Laborales / E. Villavicencio-Ayub, D. G. Ibarra, N. Calleja. // Psicogente. – 2020. – T. 23(44). – P. 1-27.

275. Wang, Z. Cybervictimization, Depression, and Adolescent Internet Addiction: The Moderating Effect of Prosocial Peer Affiliation / Z. Wang, Q. Xie, M. Xin, J. Wang, W. Zhang. // Frontiers in Psychology. – 2020. – T. 11.

276. Zakharov, M. Y. Cognitive Security in the Digital Age: Types, Levels, Functions / M. Y. Zakharov, I. E. Starovoitova, A. V. Shishkova. // Socio-economic Systems: Paradigms for the Future. Studies in Systems, Decision and Control / Ed. by E.G. Popkova, V.N. Ostrovskaya, A.V. Bogoviz. Springer, Cham. – 2021. – T. 314. – P. 881-888.

277. Zapalska, A. M. Design of assignments using the 21st century Bloom's revised taxonomy model for development of critical thinking skills / A. M. Zapalska, M. D. McCarty, K. Young-McLear, J. White. // Problems and Perspectives in Management. – 2018. – T.16 (2). – P. 291-305.

278. Zavala-Romero, E.Á. La Adicción y Ansiedad Vinculadas a las Tecnologías de la Información y Comunicación, Incidencia en la Calidad de Vida de los Estudiantes / E. Á. Zavala-Romero. // Científica. – 2018. – T. 22 (1). – P. 29-39.

Приложение А. Батарея методик диагностики информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам

Уважаемые друзья!

Приглашаем Вас принять участие в исследовании, посвященном вопросам социализации в условиях цифрового общества. Анкета носит анонимный характер. Все полученные данные будут использованы только в научных целях.

Ваш пол: мужской, женский

Сколько вам лет: _____

Регион проживания:

I. Индекс самооценки навыков работы с информацией (Исследовательская группа ЦИРКОН, Войнилов Ю.Л., Мальцева Д.В., Шубина Л. В., 2016)

Выскажите свое согласие или несогласие с утверждениями:

Суждения	Да	По разному	Нет
1. Я легко и быстро могу найти любую информацию, которая мне нужна			
2. Обычно я знаю, где (из какого источника) я могу найти нужную мне информацию			
3. Я часто сравниваю информацию из разных источников, чтобы ее проверить			
4. Я легко определяю, какая информация содержит в себе рекламу			
5. Есть те Интернет-ресурсы, которым я доверяю, и те, которым я не доверяю			
6. Я считаю, что чем больше разных источников информации, тем лучше			
7. Чтобы оценить информацию из Интернет-ресурса (сайты, социальные сети, блоги, форумы и пр.), я стараюсь узнать, чьи интересы представляет данный ресурс, кто за ним стоит			
8. Создатели Интернет-ресурсов должны нести ответственность за некачественную информацию точно так же, как производитель несет ответственность за некачественный товар			
9. Я привык верить тому, что пишут в Интернет-ресурсах			
10. Я часто прошу найти нужную мне информацию родственников или знакомых			
11. Были случаи, когда я потерял время или деньги из-за неверной информации в Интернете			
12. Я часто испытываю усталость от большого количества информации			

II. Шкала виртуальной аутизации методики «Индекс социокультурной безопасности подростка» (Гилемханова Э.Н., 2019)

Укажите, пожалуйста, в какой мере вы согласны или не согласны с приведенными ниже высказываниями, используя для этого следующую шкалу: 1 – да; 2 – скорее да; 3 – скорее нет; 4 – нет.

1. Это заблуждение, что общаться в социальных сетях проще, чем «лицом к лицу» со сверстниками
2. Наиболее занимательная часть моей жизни протекает в интернете
3. Мне не нравится обезличенное общение в интернете
4. В виртуальном пространстве интернета больше интересных событий, чем в моей реальной жизни
5. Иногда приятно бывает скрываться за аватаркой
6. В социальных сетях общение более свободное и занимательное
7. Аватарка или статус инкогнито в социальных сетях позволяет мне больше и полнее проявлять себя, не отвлекаясь на несущественные детали

III. Оцените социальные риски развития интернет-технологий в ближайшие 10 лет (по 5-ти балльной шкале от 1 – риски маловероятны до 5 – риски очень высоки):

1. рост информационного стресса у людей (неспособность справиться с большим объемом поступающей информации и информационным шумом, снижение адаптационного потенциала)
2. снижение интеллектуального уровня общества
3. размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей
4. сокращение живого межличностного общения и уход от реального мира
5. рост агрессии, кибербуллинга
6. снижение культурного уровня общества, духовный кризис
7. атомизация общества и разрыв социальных связей
8. рост проявлений асоциального поведения и пропаганды вседозволенности
9. рост киберпреступности и кибертерроризма
10. ослабление единства многонационального народа России
11. рост межэтнических и межконфессиональных конфликтов, расовой, национальной и религиозной нетерпимости
12. возникновение неформальных объединений контркультурной направленности
13. потеря культурных традиций и самобытности

IV. Методика для определения социокультурной идентичности (Крупенко О.В., Фролова О.В.)

Выберите один из вариантов ответа на перечисленные ниже утверждения (1 – «согласен», 2 – «скорее согласен, чем не согласен», 3 – «скорее не согласен, чем согласен», 4 – «не согласен»)

1. Я хорошо знаю историю своего этноса
2. Я нормально реагирую на представителя любой национальности
3. Я никогда не «копался (ась)» в своих «корнях» с целью установить национальную принадлежность
4. Я не чувствую себя неуютно в обществе людей другой национальности
5. Я люблю природу родного края
6. Я не страдаю от стереотипов, сложившихся по отношению к моей нации
7. Я не люблю разговоры о расовых взаимоотношениях
8. Я не чувствую неблагоприятное отношение к себе из-за моей национальной принадлежности
9. Я связываю свое будущее с моим краем
10. Где бы я ни был – я никогда не ищу «своих»
11. Я не могу сказать, что я националист
12. Для меня не имеет значения национальность как моя, так и других людей
13. Я критически отношусь к традициям представителей своей национальности
14. Я не ищу в людях черты национальной принадлежности

15. Мне все равно, что говорят или делают представители других национальностей, если это не затрагивает мои интересы
16. Я очень привязан (а) к тому месту, где родился (ась)
17. Я не задумываюсь над тем, представителем какой национальности являюсь
18. Я не хотел бы быть представителем другого народа
19. Если слышу мысли о жизни, отличающиеся от моих, то никогда не связываю их возникновение с принадлежностью собеседника к другой национальности
20. У меня есть любимые места, которые я никогда не променяю на что-то другое
21. Никакие черты, свойственные моей этнической группе, не мешают мне в жизни
22. Я признаю праздники не только своей этнической группы
23. Негативные высказывания в свой адрес я никогда не ассоциирую с оскорблением людей моей национальности
24. Считаю, что национальный вопрос надуманный и неактуальный
25. Я легко могу узнать земляка по манере говорить
26. Я никогда не был членом общины, объединяющей людей по этническим признакам
27. При выборе круга общения для меня не имеет значения цвет кожи человека
28. Для меня не важно, какой национальности мои соседи
29. Я никогда не чувствовал себя «другим» в стране, в которой живу
30. Я не планирую переехать на пмж на историческую родину
31. Если возникнет конфликт, стану на сторону правого, даже если придется «выступить» против представителя своей этнической группы
32. Я никогда не думаю о том, чтобы скрыть черты, характерные представителям моей национальности
33. Я никогда не буду выбирать вторую половину по национальной принадлежности
34. Я бы не смог переехать жить в другой регион
35. Для меня нет необходимости в осознании принадлежности к своей этнической группе
36. Считаю, что заострение национального вопроса в многонациональной стране ни к чему хорошему не приведет

V. Шкала субъективного благополучия (адаптация М. В. Соколовой)

Укажите, пожалуйста, в какой мере вы согласны или не согласны с приведенными ниже высказываниями, используя для этого следующую шкалу: 1 – полностью согласен; 2 – согласен; 3 – более или менее согласен; 4 – затрудняюсь ответить; 5 – более или менее не согласен; 6 – не согласен; 7 – полностью не согласен.

1. В последнее время я был в хорошем настроении
2. Моя учеба давит на меня
3. Если у меня есть проблемы, я могу обратиться к кому-нибудь
4. В последнее время я хорошо сплю
5. Я редко скучаю в процессе своей повседневной деятельности
6. Я часто чувствую себя одиноким
7. Я чувствую себя здоровым и бодрым
8. Я испытываю большое удовольствие, находясь вместе с семьей или друзьями
9. Иногда я становлюсь беспокойным по неизвестной причине
10. Утром мне трудно вставать и работать
11. Я смотрю в будущее с оптимизмом
12. Я охотно меньше просил бы других о чем-либо
13. Мне нравится моя повседневная деятельность
14. В последнее время я чрезмерно реагирую на незначительные препятствия и неудачи
15. В последнее время я чувствую себя в прекрасной форме
16. Я все больше ощущаю потребность в уединении
17. В последнее время я был очень рассеян

VI. Опросник моральных оснований MFQ-32 (Дж. Грехем, Дж. Хайдт, Б. Носек)

Когда Вы решаете, что правильно, а что неправильно, какое значение имеют для Вас следующие соображения?

№	Соображения	совсем не важно	не очень важно	немного важно	отчасти важно	очень важно	крайне важно
1	Испытал ли кто-нибудь от этого поступка душевные страдания						
2	Отнеслись ли при этом к кому-нибудь необъективно						
3	Проявилась ли в этом поступке любовь к своей стране						
4	Было ли продемонстрировано неуважение к власти						
5	Нарушались ли при этом нормы морали и приличия						
6	Если кто-то демонстрирует незаурядные способности в математике						
7	Была ли проявлена забота о слабых и незащищенных						
8	Был ли этот поступок несправедливым						
9	Предал ли кто-то свой коллектив						
10	Соблюдались ли обычаи и традиции						
11	Было ли в этом поступке что-то отвратительное						
12	Была ли проявлена жестокость						
13	Были ли ущемлены чьи-либо права						
14	Было ли проявлено отсутствие преданности своей группе						
15	Привел ли этот поступок к хаосу или беспорядку						
16	Был ли этот поступок богоугодным						

Оцените степень Вашего согласия с утверждениями

№	Утверждения	абсолютно не согласен	не согласен	частично не согласен	частично согласен	согласен	абсолютно согласен
17	Сострадание – самая важная добродетель						
18	В законах важнее всего – гарантия, что с каждым будут поступать справедливо						
19	Я горжусь историей своей страны						
20	Уважение к власти и к авторитету –						

	это то, чему должны учиться все дети						
21	Люди не должны совершать отвратительные поступки, даже если они никому не приносят вреда						
22	Лучше совершать хорошие поступки, чем плохие						
23	Один из худших поступков – обидеть беззащитное животное						
24	Справедливость – основное, что необходимо для общества						
25	Люди должны быть преданы своим близким, даже если те совершили что-то плохое						
26	Мужчины и женщины играют разные роли в обществе						
27	Я бы назвал некоторые поступки неправильными, потому что они противоестественны						
28	Нельзя найти оправдание убийству человека						
29	Я думаю, неправильно, что богатые дети наследуют много денег, в то время как бедные не наследуют ничего						
30	Быть частью команды важнее самовыражения						
31	Если бы я был солдатом и не согласился с приказами моего командира, я бы все равно им подчинился, потому что это мой долг						
32	Нравственная чистота – важная и ценная добродетель						

Приложение Б. Опросник «Устойчивость личности к социокультурным угрозам»

Приглашаем Вас принять участие в исследовании, посвященном вопросам поведения в сети Интернет и социальным ценностям. В данном опросе под ресурсами Интернет следует понимать сайты, социальные сети, блоги, СМИ и пр.

Выскажите свое согласие или несогласие с утверждениями по пятибалльной шкале:

- 1 – «полностью не согласен»;
- 2 – «скорее не согласен, чем согласен»;
- 3 – «затрудняюсь ответить»;
- 4 – «скорее согласен, чем не согласен»;
- 5 – «полностью согласен».

1. Обычно я знаю, где (из какого источника) я могу найти нужную мне информацию.
2. Я уважительно отношусь к традициям своего народа.
3. Я думаю о себе как о гражданине своей страны.
4. Я часто сравниваю информацию из разных источников, чтобы ее проверить.
5. Мне неприятно лишний раз вспоминать о своей национальности.
6. Думаю, что уважение к власти и к авторитету – это то, что нужно воспитывать с детства.
7. Есть те интернет-ресурсы, которым я доверяю, и те, которым я не доверяю.
8. Я испытываю привязанность к родной культуре (историческое наследие, язык и пр.).
9. Для меня важно, чтобы в интернете не демонстрировалось неуважение к власти.
10. Объем информации, которую я получаю из интернета настолько большой, что я устаю от этого.
11. Для меня важно чувство принадлежности к народу своей страны.
12. Я согласен с тем, что жесткие законы могут сделать людей законопослушными.
13. В интернете слишком много информации и мне зачастую трудно ориентироваться в этом потоке.
14. Некоторые черты, свойственные моей этнической группе, мешают мне в жизни.
15. Мне важно знать, что государство заботится обо мне.
16. Бывали случаи, когда в процессе знакомства с информацией из интернета я начинал испытывать негативные чувства (страх, тревога, гнев, агрессия, апатия или др.) и долгое время не мог от них избавиться.
17. Для меня важно соблюдать обычаи и традиции, установившиеся в культуре моего народа.
18. Если будет нужно, я с гордостью буду защищать свою страну (отстаивать интересы страны).
19. Мне не нравится обезличенное общение в интернете.
20. Думаю, что национальная гордость – чувство, которое нужно воспитывать с детства.
21. Общество диктует человеку свои ценности и идеалы – и никуда от этого не деться.
22. В интернете больше интересных событий, чем в моей реальной жизни.
23. Я испытываю чувство личной гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях своих соотечественников.
24. Различные социальные институты должны задавать нормы поведения.

25. Для меня важно, чтобы в интернете не нарушались нормы морали и приличия.
26. Когда окружающие говорят о культуре и обычаях своего народа, я испытываю некоторый дискомфорт, потому что сам не могу точно определить, к какому народу себя отнести.
27. Для меня важно быть преданным своей группе (коллективу).
28. Мои отношения и связи в интернете поверхностны и недолговременны.
29. Я очень хорошо знаю свое этническое происхождение и понимаю, что оно значит для меня.
30. Для меня важно всегда вести себя правильно, не совершать поступков, которые люди не одобрили бы.

Интерпретация результатов:

Шкала «Информационное поведение» (устойчивость к когнитивно-коммуникационным рискам): 1, 4, 7, -10, -13, -16, 19, -22, 25, -28.

Шкала «Социокультурная идентичность» (устойчивость к этно-культурным рискам): 2, -5, 8, 11, -14, 17, 20, 23, -26, 29.

Шкала «Уважение к власти, коллективизм» (устойчивость к асоциальным рискам): 3, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 27, 30.